АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

И.В. ДЕМИЧЕВ

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Уфа-2017

УДК 316
ББК 60.5
Д 30

Издание осуществлено при содействии Фонда поддержки научных исследований АН РБ

Рецензенты:
И.В. Фролова, доктор философских наук
Р.Х. Лукманова, доктор философских наук

Демичев И.В.

Д 30 Проблема устойчивости социальных систем. – Уфа: Башк. энцикл., 2017. – 136 с.

ISBN 978-5-88185-356-3

На основании концепции социокультурной общности исследуется проблема устойчивости социальных систем, анализируются основания и факторы, ее определяющие, а также меры и способы ее обеспечения.

Для специалистов по социальной философии, социологии, политологии, а также всем, кому интересна эта проблематика.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978-5-88185-356-3

© Демичев И.В., 2017
© «Башкирская энциклопедия», 2017

ВВЕДЕНИЕ

История человечества представляет собой череду возникающих, существующих и распадающихся обществ, организующих в своих рамках огромные массы людей на больших пространствах. Процессы, происходящие при этом, поражают своим разнообразием, сложностью, нелинейностью и даже внутренней противоречивостью: комплекс действующих на общества факторов поддается оценке лишь в каком-то приближении и никогда не бывает исчерпывающим. Это актуализирует необходимость социально-философского постижения проблем устойчивости социальных систем.

Особый интерес, с нашей точки зрения, представляет в этом отношении XX век, ставший своего рода глобальным «фазовым переходом» от старого мира к миру новому, от общества аграрного к обществу индустриальному. Сопровождавшие переход трансформационные процессы разрушили сложившиеся представления об устойчивости: две мировые войны, революционные потрясения фактически уничтожили центры, вокруг которых строился «старый мир». Их результатом стало складывание и глобальное противостояние двух альтернативных друг другу мировых систем – «капиталистической» и «социалистической». До определенного момента биполярная система была вполне устойчивой, однако она пала стремительно и не менее катастрофически, чем складывалась – распад СССР и «советского блока» породил масштабные конфликты по всему миру, гражданские и межгосударственные войны, распад стран и стремительное обнищание народов.

Бурные катаклизмы XX века, по сути, привели к определенному культурологическому шоку. Сложность, неравновесность, динамичность и масштабность социальных процессов, охватить научным и экзистенциальным осознанием которые оказалось крайне затруднительно, привели к появлению в общественной мысли крупного течения, воспевающего «нестабильность», «изменчивость», «хаос». Согласиться с такой трактовкой социальных процессов невозможно ни по интеллектуальным, ни по личным, ни по гражданским основаниям. Во-первых, история человеческих обществ дает ясные примеры именно

поразительной устойчивости социальных систем, их адаптивности при самотождественности и т.д. Соответственно, сказать, что социальные системы представляют собой случайно сложившиеся «самоорганизующиеся» ячейки, нельзя. Во-вторых, начало и конец XX века наглядно показали, что неустойчивые социальные системы, переходящие к хаосу, несут массовые страдания и в любом случае не способны обеспечить жизнь и развитие людей и их объединений. Исходя из этого, в-третьих, стремясь избежать массовых страданий и создать предпосылки для развития личности, культуры и человеческих объединений, необходимо противостоять социальному хаосу и отстаивать порядок, способный обеспечить такие условия.

Все это не может не поднимать проблему устойчивости социальных систем: какими элементами, факторами, условиями обеспечивается существование социальных систем как организационного аспекта общества; за счет чего эти системы оказываются способны выдерживать внешнее воздействие на общество, компенсировать его негативные следствия и использовать следствия положительные; почему социальные системы обретают устойчивость, каким образом ее поддерживают и вследствие каких причин ее теряют.

Рассмотрению этой комплексной проблемы и посвящена данная работа.

Исследования устойчивых систем и устойчивости как свойства систем имеют большую традицию, преимущественно в естественных и математических науках[1], связанную с исходной математической моделью устойчивости систем А.М. Ляпунова[2], на основании которой в дальнейшем появилось несколько моделей социальной устойчивости. Например, сочетая математический подход, общую теорию систем,

[1] *Антонов А.В.* Системный анализ. – М.: Высшая школа, 2004. – 454 с.; *Берталанфи Л.* Общая теория систем: Критический обзор // Исследования по общей теории систем. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23–82.; *Садовский В.Н.* Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. – М., 1974. – 279 с.; *Прангишвили И.В.* Системный подход и общесистемные закономерности. – М., 2000. – 528 с.; *Уемов А.И.* Системный подход и общая теория систем. – М., 1978. – 272 с.; *Щедровицкий Г.П.* Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок – М., 1981. – С. 193–227.

[2] См., например: *Ляпунов А.М.* Общая задача об устойчивости движения. – М.; Л., 1950. – 472 с.

а также концепции Л. Гумилева, Н. Кондратьева и Т. Парсонса, отечественный исследователь А.А. Лаптев выстроил математическую модель социальных процессов, в которой устойчивость социальных систем представляет собой динамическое равновесие параметров социальной системы и среды ее существования[3]. Концептуальную оформленность устойчивость как математическая модель нелинейной динамики социальных систем получила в работах Г.Г. Малинецкого[4].

Не умаляя значения математических моделей для описания социальных систем и их динамики, следует все же сделать важное в методологическом плане дополнение: параметры и индикаторы, фигурирующие в моделях, не представляют собой самостоятельного явления, они – свойства реальных социальных объектов и функции их взаимодействия. Складывание, существование и взаимодействие социальных объектов, определяющие динамику социальных систем, есть прежде всего онтологический процесс становления последних, сущность которого и обуславливает общее состояние структур и объектов. Иными словами, математические модели устойчивости и динамики социальных систем нуждаются в философском обосновании.

В этом смысле исследование социальных систем требует определенной концептуализации социальной теории и ее онтологической базы. В качестве первого элемента в данной работе используются теории и концепции классиков социальной философии: Т. Парсонса и Р. Мертона, рассматривавших связь социальных институтов и функций, упорядочивающих социальные системы[5], Э. Гидденса, анализировавшего структурирование социальной системы в зависимости от деятельности

---

[3] См.: *Лаптев А.А.* Математическое моделирование социальных процессов: док. HTML: режим доступа http://www.univer.omsk.su/MEP/diplap/dipl.htm#s3.5; *Лаптев А.А.* Построение математической модели общества // Естественные науки и экология: Ежегодник. Вып. 4: Межвузовский сборник научных трудов. – Омск, 1999.; *Лаптев А.А.* Математическое моделирование глобальных социальных процессов: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук: 05.13.18 / Тюменский гос. ун-т. – Тюмень, 2002.

[4] См., например: *Малинецкий Г.Г.* Нелинейная динамика – ключ к теоретической истории? // Общественные науки и современность. – 1996. – №4. – С .105–112.

[5] См.: *Парсонс Т.* О структуре социального действия. Изд. 2-е. – М., 2002; *Парсонс Т.* О социальных системах. – М., 2002; *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. – М., 2006.

социальных субъектов[6]; П. Бергера и Т. Лумана, прослеживавших зависимость структурирования социальной системы от представлений участвующих в социальном процессе социальных субъектов – людей и их объединений[7]; П.А. Сорокина, особо останавливавшегося на социокультурной динамике и зависимости социальных и культурных форм[8]. Сюда же можно отнести работы, посвященные развитию структурно-функционального и структурно-конструктивистского подходов таких крупных отечественных исследователей, как С.Г. Кирдина и В.Г. Федотова[9], занимающихся, соответственно, теорией функциональных матриц социальных систем и социокультурными трансформациями в процессах глобального «фазового перехода».

Не менее значимую роль в исследовании устойчивости социальных систем играют работы, посвященные анализу организации и истории конкретных существовавших и существующих обществ – России[10], Китая[11] и Византии[12], представляющих собой крупные, сложные в своей

---

[6] *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структурации. – М., 2003.

[7] *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995.

[8] *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В.В.Сапова. – М.: Изд. Русского христианского гуманитарного института, 2000.

[9] *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы в развитии России. – М., 2000.; *Федотова Г.В.* Модернизация "другой" Европы. – М.: Ин-т философии РАН, 1997; *Федотова В.Г.* Социальное конструирование приемлемого для жизни общества // Вопросы философии. – 2003. – № 11; *Федотова В.Г.* Хорошее общество. – М.: Прогресс-традиция, 2005.

[10] См.: *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. – М., 2004; *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. – М., 2004; *Кара-Мурза С.Г.* Демонтаж народа. – М., 2007; *Кожинов В.В.* Правда против кривды. – М., 2006; *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. – М., 2002; *Домников С.Д.* Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. – М., 2002; *Андреев А.П., Селиванов А.И.* Русская традиция. – М.: Алгоритм, 2004.

[11] См., например: *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. – М., 2003.

[12] *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т.1. Период I (до 527 г.). Период II (518–610 гг). – М., 2001; *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т.5. Отдел VIII. Ласкари и Палеологи. – М., 2002.

эволюции и структуре социальные системы, проходившие через этапы устойчивого и неустойчивого развития, а потому дающие значимый эмпирический материал.

В качестве второго элемента – философской базы исследования социальных систем – в данной работе выступает теоретическое наследие движения классического евразийства, представившего исследование социального порядка и социальных систем в связи с онтологической концепцией всеединства – прежде всего труды Л.П. Карсавина, Н.Н. Алексеева, Г.В. Вернадского и Н.С. Трубецкого[13], а также современных отечественных авторов, разрабатывающих их концепцию[14].

Теоретической базой работы выступают, с одной стороны, концепции современной социальной теории – структурный функционализм и структурный конструктивизм, а с другой – элементы теоретического наследия классического евразийства, имеющие отношение к рассматриваемой теме, – учение Л.П. Карсавина о соборном субъекте, лежащее в основе его социально-философских построений, и теория Н.Н. Алексеева о государстве как социальной целостности. Указанные подходы решают в работе свой комплекс задач, которые согласуются друг с другом, поэтому возможно их совместное применение. Системный, структурно-функциональный и структурно-конструктивистский подходы позволяют исследовать внутреннюю структуру социальной системы и некоторые особенности ее формирования и функционирования. Однако этого недостаточно для решения стоящей проблемы, поскольку эти подходы не затрагивают оснований общества и проблем возникновения его форм, акцентируясь преимущественно на конкретных состояниях социальной системы и ситуациях, связанных со взаимодействием членов общества. Евразийство, прямо обращаясь к проблеме становления социальных форм, основано на учении об обществе как симфонической

[13] См.: *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. – М., 1998; *Вернадский Г.В.* Начертания русской истории / предисловие С.Б. Лаврова, А.С. Лаврова. – М., 2004; *Карсавин Л.П.* Философия истории. – СПб., 1993; *Карсавин Л.П.* Основы политики // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. – М., 1993; *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество // Русский мир: Сборник. – М., 2003.

[14] См., например: *Пащенко В.Я.* Социальная философия евразийства. – М., 2003; *Вальков А.А.* Философское постижение идеи нации / изд-е Башк. ун-та. – Уфа, 1998.

или соборной личности, которое в рамках философии всеединства развивал Л.П. Карсавин. Это позволяет не только рассматривать общество как целое, но и как систему – всеединство составляющих его социальных объединений, что, по сути, выводит исследование на собственно философский уровень. Конкретные же проблемы, связанные со строением общества, его институтов и т.п., находят свое разрешение в построениях как Л.П. Карсавина, так и Н.Н. Алексеева. Тем не менее, учитывая, что евразийство формировалось в 20–30-е годы XX века, когда социальная теория, ориентированная на специальное изучение социального процесса и социальной структуры, еще только возникала, а социальные системы в течение XX века значительно изменились, необходимо дополнить евразийство достижениями современных наук.

БАШҠОРТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ
БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ГЛАВА 1

СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА: СУЩНОСТЬ И УСТОЙЧИВОСТЬ

Исследование социальных систем в современной социальной теории, несомненно, представлено широко[15], однако удовлетворительного ответа, что такое социальная система, найти довольно сложно, поскольку рассматриваются в основном отдельные, хотя и немаловажные ее аспекты. Полагая, что устойчивость социальных систем представляет собой интегральную их характеристику, в которой находят свое выражение все аспекты социального, есть необходимость в начале настоящей работы сформулировать общую концепцию социальной системы, из которой и вывести общее же определение ее устойчивости.

В современном отечественном обществоведении социальной системой принято называть «совокупность элементов (различных социальных групп, слоев, социальных общностей), находящихся между собой в определенных отношениях и связях и образующих определенную целостность»[16]. Эти элементы – группы, слои и общности – представляют собой определенную совокупность людей и складываются в ходе их взаимодействия друг с другом. Более того, связи и отношения элементов тоже носят характер взаимодействия людей – членов групп, слоев и общностей. Диалектическая связь этих двух моментов существования социальной системы как комплекса элементов и совокупности людей, их составляющих, фиксируется в категории социальности, которая «…отражает взаимообусловленность индивидуального (атомарного, ядерного) бытия людей,

[15] *Волков Ю.Е.* Социальные системы как объект социологического анализа // Социологические исследования. – 2009. – № 9. – С. 119–125.

[16] *Соколов Г.Н.* Социальная система // Социология: Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный дом, 2003. – С. 956.

с одной стороны, и надындивидуальных структур социальной статики и социальной динамики – с другой, неразрывное единство фрагментированных единиц человеческого бытия и коллективных форм их существования (совместное в коллективистских формах воспроизводство дискретной социальной реальности)»[17].

Таким образом, социальность есть качество отношений, обуславливающих существование систем, компонентами которых выступают люди, и всякая система «человек – человек» является социальной. Её качества и свойства определяются, с одной стороны, качествами и свойствами людей, а с другой – отношениями людей друг к другу. Эти отношения имеют вид согласованного взаимодействия людей, а следовательно, человек в социальной системе предстает не во всей своей полноте, но преимущественно теми качествами, которые характеризуют его как субъект такого взаимодействия. Причем согласованное взаимодействие складывается из совокупной деятельности субъектов, но к ней не сводится, примером чему выступает разделение труда, результат которого представляет собой сложное наложение результатов труда различных субъектов. Именно это позволяет говорить о социальной системе как о целостном образовании, поскольку появляются собственные качества системы, не сводящиеся к качествам составляющих её элементов. Таким образом, одновременно сосуществуют два аспекта социальной системы: система как целое и система как комплекс взаимодействующих субъектов, причем люди в любом случае выступают в соотнесенности друг с другом, т.е. как компоненты такой системы, а социальная система в любом случае складывается в ходе взаимодействия людей.

В состав социальных систем не входят природные (живые и неживые) объекты, т.е. системы «человек – вещь» и «вещь – вещь» не являются социальными. Это определяется спецификой социальных отношений – вступать в них могут только элементы, определяющиеся как люди через набор соответствующих качеств. Он характеризует человека в отличие от остальной живой и неживой природы, и основным из этих качеств является сознание.

Деятельность, конституирующая социальную реальность, предстает непрерывным процессом, структуру которого определяет ха-

[17] *Грицанов А.А.* Социальность // Социология: Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный дом, 2003. – С. 989.

рактер взаимоотношений субъектов, предполагающий модели поведения («правила») каждого из них. Модели поведения представляют собой определенную последовательность действий, которые необходимо совершать для получения соответствующего результата. Поскольку субъект («агент») в социальной среде проявляется через свою деятельность, такие модели поведения выступают основанием для ориентации в социальных отношениях, определяя специфику данного взаимодействия в соответствии с типичными для данной системы ситуациями. Это, в свою очередь, позволяет осуществлять координацию субъектов в ходе данного взаимодействия, т.е. собственно приводит к формированию социальных систем, более или менее структурированных. Все это можно охарактеризовать как «рефлексивность» деятельности – «отслеживание» субъектом своего состояния и поведения, поведения других деятелей и окружающей социальной среды, выступающей «социальным контекстом» деятельности[18].

Другой характеристикой деятельности выступает ее «интенциональность», т.е. направленность на достижение определенной цели или результата, которые задаются самим субъектом в силу его рефлексивности и рациональности. Это приводит к многочисленным сопутствующим, как преднамеренным, так и непреднамеренным, явлениям и результатам, что служит основанием для всякого рода отклонений в воспроизводстве социальной системы, а также для ее развития[19].

Однако людям-акторам для деятельности в рамках социальной системы знание правил ее структурирования не обязательно – важно «следование правилу» или реализация модели, сформированной в сознании субъекта. Именно благодаря сознанию осуществляются такие определяющие деятельность моменты, как: а) осмысление действительности, в которой протекает деятельность и с которой, следовательно, эта деятельность должна быть согласована; б) постановка целей согласно внутренним мотивам и действительности – такой, какой она была осознана; в) подбор средств, позволяющих достичь цели – в соответствии с внутренними установками и действительностью;

[18] См.: *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структурации. – М., 2003. – С. 90–94.

[19] См.: Там же. – С. 400–402.

г) применение средств в ходе деятельности – как порядок их применения, так и отслеживание результатов этого применения, корректировка его и т.п. Иными словами, сознание определяет форму деятельности или то, как деятельность будет протекать. Воля отвечает за само протекание деятельности, прежде всего, за её интенсивность и последовательность, т.е. определяет энергийную сторону деятельности. Чувства выражают отношение человека к действительности и к самому себе, т.е. влияют на деятельность, но не определяют её. Наконец, тело в отношении деятельности, с одной стороны, выступает одним из средств (хотя и специфическим) деятельности, а с другой – носителем сознания, чувств и воли.

Отдельно следует отметить, что сознание человека не сводится к рациональности – последняя выступает средством осмысления действительности и других операций сознания, но помимо неё можно выделить и другие моменты: знания (причем опять же не в рациональном, а, скорее, экзистенциальном смысле), внутренние мотивы и установки и т.п.

Социальные отношения складываются как согласованное взаимодействие всей совокупности свободных социальных субъектов, т.е. каждый субъект в силу своих атрибутов участвует в складывании социальных отношений, однако, в силу своих индивидуальных качеств, оказывает на них большее или меньшее влияние. В качестве вывода из этого положения можно сформулировать тезис о том, что в социальных отношениях люди и социальные субъекты вообще взаимно определяют друг друга. Социальная действительность выступает преимущественным предметом осмысления со стороны социального субъекта, причем для данного субъекта она представляет собой процесс и результат согласованного взаимодействия совокупности всех других социальных субъектов. Поскольку деятельность есть явление социального субъекта, его раскрытие в отношении других социальных субъектов, а форма этой деятельности зависит от осмысления социальной действительности, постольку можно сказать, что данный социальный субъект определяется, конституируется социальной действительностью или совокупностью других социальных субъектов. И наоборот, поскольку данный социальный субъект участвует в складывании всей социальной действительности, постольку он определяет всякий другой субъект по мере этого участия. Наконец, следует отметить, что отношения всякого данно-

го субъекта с социальной действительностью всегда представляют собой конкретные отношения с некоторой частью совокупности социальных субъектов, с которыми он связан непосредственными субъект-субъектными отношениями, а следовательно, именно через них происходит взаимное конституирование социальных субъектов.

Иными словами, социальный субъект определяется социальной действительностью, определяет её (по мере своего участия в ней) и социальные субъекты определяют друг друга в непосредственном отношении.

Ограничения, налагаемые социальной действительностью на данный субъект, являются принципами существования и воспроизводства конкретной сложившейся формы социальной действительности, и как таковые выступают основаниями для согласованного взаимодействия всей совокупности социальных субъектов, а значит, проявляются в деятельности каждого из них, будучи их внутренними установками. Следовательно, если эти принципы не осознаются данным субъектом и не полагаются им в качестве принципов его деятельности, согласованного взаимодействия между ним и остальными субъектами сложиться не может, т.е. возникает конфликт. Результатом последнего может быть принятие принципов формы данным субъектом, либо элиминация данного субъекта, либо переустройство формы социальной действительности на принципах самого субъекта, но так или иначе согласованное взаимодействие будет достигнуто.

Согласованное взаимодействие социальных субъектов конституирует социальную реальность: «Именно двойственный характер общества в терминах объективной фактичности и субъективных значений придает ей характер «реальности sui generis»[20]. В пределе социальная реальность совпадает с человечеством, как совокупностью всех возможных социальных субъектов, и выступает формой бытия этой совокупности. Качество социальности определяет обособленность социальной реальности от реальности физической (природной), конституированной как взаимодействие вещей. Причем, даже если рассматриваются взаимодействия человека и вещи, то оно, по сути, представляет собой взаимодействие человека как биологического организма, т.е. вещи с другой вещью. Социальная реальность

[20] *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – С. 37.

обособлена и от реальности психической как внутренней характеристики человека: взаимодействия между элементами психической системы не являются взаимодействиями субъектов, но частями одного субъекта, человека. Причем психическая реальность жестко привязана к своему конкретному носителю и не переходит между ними. Социальная система в этом смысле собственной психикой, собственным сознанием не обладает – оно представляет собой так или иначе упорядоченную совокупность психик, сознаний людей, составляющих эту систему.

Однако обособление это не носит абсолютного характера – поскольку человек имеет и физический, и социальный, и психический аспекты, причем будучи целостным существом является их единством. Следовательно, социальные взаимодействия, поскольку осуществляются людьми, развертываются в т.ч. и в физическом пространстве и определяется психикой социальных субъектов. Более того, вещи, как составляющие физического пространства, могут выступать объектами и средствами социальных взаимодействий, вовлекаясь тем самым в последние. Однако это не означает, что они становятся элементами социального пространства, субъектами – взаимодействие возникает «по поводу» вещи и преследует цель установления определенного порядка отношений между социальными субъектами в связи с этой вещью (наглядно это проявляется в институте собственности). Иными словами, вещи всегда предстают социальным субъектам в своем «социальном» качестве – в отношении к социальным взаимодействиям.

К описанию социальной реальности применимы такие характеристики, как пространство и время, хотя они будут иметь специфическое, социальное, содержание. Исходя из общего понимания реальности как взаимодействия вещей, пространство можно определить как форму соотношения вещей, т.е. структуру, а время – как меру изменения этой формы или структуры. Все, что говорилось выше о социальных системах как о субъект-субъектных взаимодействиях, фактически относилось к описанию социального пространства, социальные субъекты которого выступают аналогами вещей природного мира[21]. Теперь следует разобрать вторую фундаментальную характеристику социальной реальности – социальное время.

[21] См.: *Бурдьё П.* Начала. Choses dites: пер. с фр. / Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987 / пер. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1994.

Время как мера изменения непосредственно связано с жизнью и опытом людей, постоянно осознается и рефлексируется ими, поскольку от этого зависит, насколько будет адекватна их деятельность наличествующему социальному окружению, его тенденциям, конкретным отношениям между конкретными субъектами, и т.п. Более того, сам человек как субъект деятельности является источником изменений, т.к. всякий раз его действия есть новые действия, преследующие новые цели, определенные им в данный момент, и с этой новой деятельностью так или иначе согласуются в своей деятельности остальные субъекты. Такое взаимное согласование деятельности субъектов социальной действительности собственно и приводит к складыванию определенных форм взаимодействия их, т.е. к складыванию социальной системы, разумеется, только в конечном счете и в результате сложного комплекса условий[22]. Однако, сложившись, социальные системы в своей оформленности начинают существовать, т.е. обретают некоторую продолженность во времени, причем существование это неразрывно связано с субъектами их деятельностью, воплощается в ней. Следовательно, деятельность субъектов может быть направлена не только на изменения, формирование новых социальных систем, но и на сохранение, т.е. на поддержание существования уже сложившихся систем или воспроизводство сложившихся форм взаимодействия (это и есть, собственно, «следование образцу» Т. Парсонса[23]). Этим определяются две различно направленные тенденции в социальных отношениях, характеризующие их динамику в целом. Соответственно время, описывающее эту динамику, должно включать в себя обе тенденции и не может выступать лишь мерой изменений. Более общей категорией, обнимающей обе тенденции, служит категория социального процесса, и время есть мера протекания этого процесса. Содержанием этого процесса является совокупная согласованная деятельность субъектов социальной системы. Множественность субъектов и форм их деятельности обуславливает внутреннюю дифференцированность и упорядоченность социального процесса. Аналогично деятельность каждого социального субъекта

[22] См., например, комплекс «привычка – типизация – институт»: *Бергер П., Лукман Т.* Указ. соч. – С. 131–151.

[23] *Парсонс Т.* Структура социального действия // О структуре социального действия / изд. 2-е. – М.: Академический проект, 2002. – 880 с.

внутренне дифференцирована, упорядочена, представляет собой так или иначе согласованную совокупность действий.

Выделение единичного действия из деятельности субъекта – вопрос достаточно сложный[24], и о границе единичного действия можно говорить лишь относительно, поэтому следует выделить критерий, по которому можно судить о форме действия, о том, как оно протекает. Таким критерием могут выступать выше рассмотренные элементы деятельности – осмысление действительности, цель, средства, реализация деятельности, которые полностью определяют форму деятельности. Однако реализация деятельности (практика) – есть сама деятельность, а значит, служить критерием она не может. Осмысление действительности также не может выступать критерием, определяющим границы действия, поскольку оно происходит постоянно – до начала действия, в ходе действия и по его завершению, и потому не говорит о его границах. Средства деятельности также не являются самостоятельным критерием. Во-первых, потому что подбираются для достижения определенной цели, а значит, в конкретном действии они определяются ею и зависят от неё. Во-вторых, одни и те же средства применяются для достижения разных целей в ходе разных действий. Следовательно, средства не говорят о специфике данного действия.

О специфике действия прежде всего говорит то, для чего оно совершается, т.е. цель этого действия. Как уже говорилось, от цели зависит подбор средств; применение их для достижения цели составляет содержание деятельности; наконец, полагание цели, подбор средств и реализация действия зависят от осмысления действительности и сопровождаются им. Таким образом, цель выступает основой отделения одного действия от другого, и данное действие определено постольку, поскольку достигается данная цель. Следовательно, целеполагание служит началом действия, достижение или смена цели – концом действия. Однако одной цели для характеристики действия недостаточно, поскольку одна и та же цель может достигаться разными средствами, и само достижение цели, т.е. действие, есть применение средств (практика), значит, необходимо для определения действия учитывать и эти последние в качестве критерия.

[24] См. например, переписку по этому поводу Шютца и Парсонса: The Theory of Social Action / Ed. by R. Grathoff. Bloomington: Indiana University Press, 1978. – 147 p.

Иными словами, форма действия определяется всеми четырьмя компонентами, а критерием для отличия одного действия от другого в социальном времени и пространстве служат два из них – цель и средства. Само же действие представляет собой переход от целеполагания до целедостижения или изменения цели. Однако А. Шютц справедливо замечает, что цель определяется субъектом, и наблюдатель не может корректно определить ее[25].

Деятельность в этом смысле представляет собой систему, элементами которой выступают действия, а структурой – отношения между ними, характеризуемые как согласование. Согласование действий между собой и с деятельностью в целом происходит по всем четырем моментам, рассмотренным выше. Деятельность и все действия в её рамках основаны на одном осмыслении действительности, изменение которого корректирует все действия и деятельность в целом, поскольку их касается. Деятельность преследует определенную цель, для достижения которой необходимо решить ряд частных задач, выступающих целями соответствующих действий, а потому согласованных между собой и с общей целью деятельности. Действия в рамках деятельности выступают средствами деятельности, содержанием её процесса.

Более сложным моментом выступает деятельность не одного, а нескольких субъектов – такая, что действия данного субъекта направлены на другой субъект и выступают определенной реакцией на его действия. Целью их является получаемый совокупный результат, не достижимый каждым субъектом в отдельности, но только посредством некоторой «равнодействующей» совокупной деятельности. Такую деятельность имеет смысл назвать социальной, и именно она составляет содержание социального процесса.

Субъект социальной деятельности, складывающейся из системы действий субъектов, будет представлять собой систему таких субъектов, причем социальная деятельность не сводится к частной деятельности субъектов, а характеризует их систему как целое и является в этом смысле системным ее свойством. Следовательно, самостоятельным социальным субъектом выступает не только единичный человек, но и система «человек-человек», т.е. социальная система.

[25] The Theory of Social Action / Ed. by R. Grathoff. Bloomington: Indiana University Press, 1978. – P. 18–27.

Для отличия человека как субъекта от социальной системы как субъекта, первого можно назвать индивидуальным субъектом, а вторую – субъектом коллективным.

Следует прояснить соотношение индивидуального и коллективного субъектов. С одной стороны, человек является социальным субъектом постольку, поскольку его деятельность соотносится с другими людьми и их деятельностью, т.е. является социальной. Такое соотнесение может быть либо согласованным, либо конфликтным. В первом случае индивидуальный субъект входит в состав субъекта коллективного, во втором случае – противостоит и совокупности индивидуальных субъектов в отдельности, и коллективному субъекту в целом, который они составляют. Как говорилось выше, при разрешении конфликта индивидуальный субъект либо согласуется с субъектом коллективным, т.е. входит в его состав, либо прекратит с ним взаимодействовать, т.е. социальная связь будет утеряна. Следовательно, всякий индивидуальный субъект существует как элемент субъекта коллективного и не существует в таком качестве вне и помимо последнего, что наглядно иллюстрирует пример «детей-маугли».

С другой стороны, коллективный субъект не существует вне и помимо составляющих его индивидуальных субъектов, хотя качественно отличен от них и не сводится к их совокупности. Последнее проявляется в том, что при изменении количественного и качественного состава коллективный субъект сохраняется постольку, поскольку сохраняется конституирующая его деятельность. Так, при изменении персонального состава научной лаборатории последняя остается научной лабораторией постольку, поскольку в ней проводятся научные исследования.

Характеризующее деятельность единство осмысления действительности, цели и средств в данном случае относится к коллективному субъекту, а не к составляющим его субъектам индивидуальным, поскольку у каждого из них есть свое собственное осмысление действительности, свои цели и свои, зависящие от целей, средства. Очевидно, что они могут совпадать, а могут и не совпадать – но в любом случае должны быть согласованы. Конкретное такое согласование устанавливается в каждом конкретном случае, здесь следует лишь указать общие параметры.

Как уже отмечалось выше, индивидуальные цели согласованы друг с другом как задачи коллективной цели. Согласование индивидуальных средств основано на согласовании задач, а также на общем положении, что их применение не должно противоречить деятельности дру-

гих субъектов и исполнению общей цели. Относительную сложность имеет согласование осмысления действительности, поскольку это акт сознания, всегда индивидуального. В этом смысле встает вопрос о фундаментальной характеристике социального субъекта – о сознании коллективного субъекта.

Смысл действительности постигается индивидуальным субъектом в ходе рефлексии и составляет содержание его сознания. Однако, с одной стороны, субъекту представлена не реальность как таковая, но ее образ; с другой стороны, этот образ не выражает полноту действительности, из него выделяется та или иная модель, в которой фиксируются значимые моменты и отношения между ними, а незначимые опускаются. Причем для субъекта действительность и ее образ совпадают, т.е. образ выступает, по Лосеву[26], символом действительности, а модель – ее смыслом; причем символ и его модель субъективны, они – свои для каждого субъекта. Соответственно, чтобы согласовать осмысление действительности в рамках коллективного субъекта, необходимо, чтобы символы индивидуальных субъектов взаимно передавались бы ими друг другу; также необходимо, чтобы из полученных символов субъекты выделяли бы их модели-смыслы и согласовывали последние между собой.

Такую передачу символов можно назвать общением или коммуникацией индивидуальных субъектов в рамках субъекта коллективного. Очевидно, что общение не ограничивается согласованием понимания смысла действительности – оно включает в себя согласование целей и средств, конкретных действий и т.п. Более того, общение производится субъектами, имеет цель и средства, т.е. является деятельностью, специфика которой заключается в символической или смысловой ориентации, и назвать которую можно коммуникацией. «Коммуникация – смысловой и идеально-содержательный аспект социального взаимодействия... Основная функция коммуникации – достижение социальной общности при сохранении индивидуальности ее элемента»[27]. Учитывая последнее, можно сказать, что общение есть основная деятельность для формирования и существования коллективного субъекта, а всякое социальное действие имеет коммуникативный аспект[28].

---

[26] *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Миф. Число. Сущность. – М.: Мысль, 1994.

[27] *Бабайцев А.Ю.* Коммуникация // Социология: Энциклопедия. – С. 433.

[28] См.: *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 1993. – №4. – С. 43–63.

Таким образом, индивидуальные субъекты согласуются в коллективный посредством общения и совместной деятельности. Однако коллективный субъект не есть только упорядоченная совокупность индивидуальных субъектов, он есть некоторое целое, что проявляется в единой деятельности коллективного субъекта в отношении всех других социальных субъектов, как входящих в его состав, так и не входящих. По отношению к первым это проявляется в том, что деятельность коллективного субъекта существует обособленно от деятельности каждого данного индивидуального субъекта, и последний согласует ее с деятельностью коллективной. Так, научная лаборатория проводит исследования, в рамках которых каждый сотрудник выполняет свою часть работ, подчиняясь общему распорядку. Аналогично и в отношении внешних социальных субъектов. И в том и в другом случае выстраивается согласованное или социальное взаимодействие.

Поскольку существуют индивидуальные субъекты, не входящие в данный коллективный субъект, можно говорить о множественности коллективных субъектов, складывающихся аналогично данному. Поскольку эти коллективные субъекты вступают друг с другом в скоординированное взаимодействие, они, в свою очередь, образуют более сложные коллективные субъекты, по отношению к которым играют ту же роль, что и индивидуальные субъекты по отношению к ним самим. Пределом подобного усложнения социальной реальности может быть только человечество в целом как наибольший возможный коллективный субъект, обнимающий собой все другие коллективные субъекты, а иерархия этих субъектов от индивидуального субъекта-человека до человечества будет составлять полноту содержания социальной реальности.

Такое понимание социальных субъектов соответствует социально-философской концепции Л.П. Карсавина – учению о «симфонической личности» или «всеедином субъекте» в рамках философии всеединства, что позволяет подвести под дальнейшие построения достаточную философскую основу. Не вдаваясь подробно в онтологическую часть учения Карсавина, все же необходимо обрисовать его социально-философскую часть, имеющую отношение к теме.

Карсавин в понятии «симфонической личности» или «всеединого субъекта» различает моменты-качествования и моменты-индивидуальности. «Момент всеединства (всеединого субъекта, всеединой души) есть само всеединство, качествующее каким-либо

из своих качествований, отличным от всех прочих»[29], стяженное и потенциальное всеединство субъекта и его моментов, неполно раскрывающееся в данном. Момент-качествование есть некоторая определенность, которой может проявляться субъект: «качествование есть момент личности и сама личность, но в связи с иным», т.е. внешним по отношению к себе бытием[30], т.е. субъективное понимание реальности, субъективные цели, средства и деятельность в целом; момент-индивидуальность (или личность) есть стяженно-всеединое выражение самого субъекта, определяющее специфику выражения моментов-качествований и противопоставляющее себя иным подобным выражениям, личностям: «Субъективно личность определяется сознанием «своего» (специфика моментов-качествований. – *Д.И.*) в противопоставлении «чужому»[31] (специфике другой личности. – *Д.И.*). Всеединство, таким образом, проявляется во внутреннем единстве, внешней разъединенности и взаимной иерархической упорядоченности своих моментов, причем всеединый субъект не существует вне всеединства своих моментов – все они равноценны в выражении собой своего субъекта, но «разноценны» качественно в степени этого выражения[32].

Развивающиеся, существующие и распадающиеся в истории всеединые субъекты Карсавин называет «коллективными историческими индивидуальностями», что соответствует «коллективному социальному субъекту», рассмотренному выше. Причем человек предстает «условно-последней исторической индивидуальностью», из согласованной определенным «общим» (или идеей) совокупности которых выстраивается всякая «историческая коллективная индивидуальность» – социальная группа, народ, культура, религиозная культура. Конкретное сосуществование («согласование») бесчисленного множества взаимопереходящих и взаимодействующих коллективных индивидуальностей составляет эмпирическую реальность всеединого исторического субъекта – человечества, полноту «истинного строения» которого в силу невероятной сложности

[29] *Карсавин Л.П.* Философия истории. – С. 50.

[30] Там же. – С. 105.

[31] Там же. – С. 72.

[32] Там же. – С. 63.

познать и наблюдать невозможно. «Эмпирически ежемгновенно возникают и гибнут бесчисленные индивидуальности. Некоторые из них существуют мгновение – исторические эфемериды; другие, немногие, достигают некоторого расцвета; ничтожное число обнаруживает относительную эмпирическую длительность; ни одна не является полным выражением всеединства»[33]. Относительно доступными познанию выступают культуры, народы и социальные группы, жизнь которых и составляет содержание исторической действительности.

Однако такое понимание коллективных социальных субъектов не позволяет вскрыть их внутреннюю структуру и принципы, определяющие их специфику, поэтому следует остановиться на них подробнее.

Разнородность форм взаимодействия внутри коллективных субъектов определяет их качественное отличие друг от друга, их взаимную несводимость. Однако взаимодействие коллективных субъектов между собой предполагает наличие общих или согласованных характеристик деятельности. Следовательно, коллективные субъекты для того, чтобы существовать и реализовывать свою деятельность, нуждаются друг в друге, а значит, в коллективном субъекте более высокого порядка. И наоборот, более общий коллективный субъект для того, чтобы существовать и реализовывать свою деятельность, нуждается в существовании и согласованном взаимодействии коллективных субъектов более частных, «элементарных» по отношению к нему, например, отделы и секции научного учреждения или подразделения в составе вооруженных сил и т.п.

Следовательно, всякий «элементарный» субъект выполняет в рамках субъекта коллективного определенную функцию – «деятельность, роль объекта в рамках некоторой системы, к которой он принадлежит»[34]. Причем выполнение этой функции не является произвольным, оно определено формой взаимодействия в рамках коллективного субъекта и согласовано с функциями субъектов «элементарных» так, что исполняясь вместе, они обеспечивают существование коллективного субъекта в целом, а значит, и существование «элементарных» субъектов в совокупности и по отдельности.

[33] Там же. – С. 154.

[34] *Леонов Н.Н.* Функция // Социология: Энциклопедия. – С. 1186.

В таком случае каждый «элементарный» субъект не является самодостаточным, поскольку для его существования необходимо исполнение функций, ему не принадлежащих. Для самодостаточности коллективного субъекта необходимо, чтобы реализовывались четыре выделенные Т. Парсонсом наиболее общие функции[35]:

1. Рациональная организация и распределение материальных, человеческих и культурных ресурсов. Социальная система должна приспосабливаться к внутренней и внешней ситуации и существовать в ней.

2. Определение основных целей и поддержание процессов их достижения.

3. Интеграция – установление внутреннего единства, солидарности. Эта функция осуществляется посредством создания общих норм и обеспечения их действенности.

4. Воспроизводство системы (поддержания образца), мотиваций при исполнении социальных ролей и устранение скрытой напряженности. Социальная система с целью сохранения существующего порядка должна вырабатывать механизм социализации людей, позволяющий им приобретать нормы-роли коллективного субъекта, в состав которого они, люди, входят в качестве субъектов индивидуальных.

Естественно, что связь элемента и функции неоднозначна, на что обращал внимание Р. Мертон[36]: данный элемент или социальное явление могут выполнять несколько функций (как явных, так и скрытых, т.е. не предполагаемых, например, неформальных отношений или неожиданных последствий реформ[37]) или функции могут входить в противоречие друг с другом. Это состояние дисфункции – когда данный элемент в своей области, исполняя свою роль, приводит к нарушению работы всей системы.

Тем не менее именно взаимная роль элементов социальной системы в отношении друг к другу – основание для их взаимодействия, поскольку потребности, необходимые для существования

[35] См.: *Парсонс Т.* О социальных системах. – М., 2002.

[36] См.: *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. – М., 2006. – С. 158–162.

[37] См.: *Мертон Р.К.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренькова. – М., 1996.

данного элемента, могут быть выполнены либо при помощи другого элемента, либо только последним, постольку данный элемент заинтересован в том или ином согласованном взаимодействии с другим[38]. Соответственно, взаимно приспосабливаясь друг к другу, элементы социальной системы, коллективные субъекты взаимно определяются и приобретают свою специфику относительно некоторой «нормы».

Исполнение функций происходит в ходе согласованного взаимодействия субъектов. Поскольку деятельность представляет собой согласованные действия субъектов разного уровня и характера, причем согласование, в свою очередь, предполагает определенную последовательность действий субъектов, необходимо учитывать и этот, организационный, момент деятельности. Комплекс условий, необходимых для реализации эффективной деятельности, можно назвать ресурсами: материально-техническими (вещами и их комплексами, а также принципами взаимодействия с ними), кадровыми (социальными субъектами, качества которых позволяют данную деятельность реализовать), организационными (конкретные структуры, в которые собираются элементарные субъекты, чтобы реализовать данную деятельность) и временными (период, в течение которого с данными материально-техническими, кадровыми и организационными ресурсами данная деятельность может быть совершена). Очевидно, что эффективной может быть та деятельность, которая обеспечена достаточными для ее выполнения ресурсами: если ресурсов недостаточно, ее реализация замедляется, а то и вообще может быть сорвана. Причем нужно отметить, что здесь важны как количественные, так и качественные оценки: например, неэффективно сорганизованные субъекты не только не смогут получить необходимый результат,

[38] Весьма подробно Р. Мертон этот момент разобрал на примере коррупции в американском обществе: взаимное наложение интересов частного бизнеса, политических партий и местного населения, позволяющее обойти скованную формальными рамками законов и инструкций бюрократическую машину государства, необходимо приводит как к образованию неформальных, т.е. коррупционных, кругов и отношений, так и реально обуславливает экономическое и социальное развитие территорий. Мертон фактически пишет, что коррупция, несмотря на формальное нарушение американских законов, является атрибутом и системным фактором американского общества – ввиду того, что иначе рассмотренные им функции, необходимые для его существования, выполненными быть не могут. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. – С. 171–184.

но и растратят ресурсы социальной системы, как правило, невосполнимые. И наоборот, избыточное обеспечение функции, как правило, вызывает нехватку ресурсов для других функций, а значит, тоже ослабляет социальную систему, в том числе и данный ее элемент.

Все вместе функции, выполняясь элементами, направлены на воспроизводство коллективного субъекта, поэтому для него необходимо, чтобы эти связи и взаимодействия воспроизводились в историческом процессе, переходя из поколения в поколение. Соответственно, набор потребностей, условия функционирования, исторические условия и т.п. влияют на форму и специфику как элементов, так и их совокупности, определяя особенности данного коллективного субъекта. Такой комплекс функций можно назвать функциональной матрицей, согласно которой формируется социальная система.

Коллективный субъект, в рамках которого исполняются все эти функции, принципиально отличается как от субъектов более низкого порядка, которые он объединяет, так и от субъектов более высокого порядка вплоть до человечества, складывающихся из взаимодействия нескольких таких субъектов. Такой самодостаточный коллективный субъект, который имеет смысл назвать обществом, и выступает той социальной системой, устойчивость которой и будет рассматриваться в данной работе.

Совокупность функций представляет собой дифференцированное единство, или систему. Поскольку для существования общества часть функций является более важной, а часть – менее важной, и поскольку часть функций является основной, а часть – производной, система функций представляет собой иерархию.

Исполнение функций осуществляется в человеческом взаимодействии, и при их исполнении складываются «элементарные» субъекты, как они были обозначены выше, в виде функционально организованных групп. Поскольку система функций иерархична, постольку и система функциональных групп тоже выстраивается в иерархию, место в которой определяется исполняемыми данной группой функциями. Такую иерархическую систему функциональных групп, «элементарных» коллективных субъектов можно назвать организационной матрицей. В обществе все процессы взаимодействия людей определенным образом упорядочены и организованы, а следовательно, представляют собой компонент социальной организации общества.

Иными словами, в обществе нет взаимодействий вне и помимо его социальной организации, они различаются лишь большей или меньшей степенью формализации и упорядоченности.

Исполнение функций и основа организаций определяется постоянно воспроизводящимися в обществе социальными практиками субъектов, что, по определению, есть социальный институт. В нем выделяют, прежде всего, институциональные нормы, согласно которым выстраивается определенная модель согласования взаимодействия социальных субъектов, в результате чего и возникает их совместная деятельность, обладающая кооперативным эффектом и служащая маркером выделения коллективного субъекта[39].

Очевидно, что институциональные нормы возникают для обеспечения эффективности исполнения функций, т.е. они носят прикладной характер. Складывание комплекса норм и обеспечивающих их исполнение компонентов института происходит в социальном процессе на основе выделения моделей взаимодействий, при которых поставленные цели достигаются с большей эффективностью, чем при других.

Выделенные Парсонсом основные функции и исполняющие их институты могут быть взяты за основу с некоторым дополнением. Образующиеся в обществе различные подсистемы (экономика, государство, семья, образование и т.п.) обеспечивают выполнение необходимых функций в разных сферах. Так, функцию адаптации обеспечивает прежде всего экономика, но и культура способствует этому через формирование познавательных ориентаций, равно как и политика – через оценку ситуации и применение ориентаций. Целеполагание относится как к политике, так и к культуре, а их взаимная связь и переводит ценность в ценностную ориентацию, без которой невозможно разумное действие. Интегративная функция обеспечивается через общие верования, моральные нормы и правовые принципы, которые тесно связаны с экономикой и политикой, поскольку важным, хотя и противоречивым средством обеспечения единства и интеграции общества является государство как властная структура. Таким образом, можно сказать, что указанное выделение не вносит определенной ясности в выявление основных сфер или

[39] См.: *Глотов М.Б.* Социальный институт: определение, структура, классификация // Социологические исследования. – 2003. – № 10. – С. 16–17.

подсистем общества – все они в разной степени обеспечивают весь набор функций общества. Тем не менее, «признавая возможность классификации социальных институтов в зависимости от осуществляемых ими социальных функций, имеет смысл также классифицировать их в зависимости от сфер и отраслей общественной жизни, в рамках которых данные социальные институты функционируют»[40]. Так, С.Г. Кирдина выделяет три основных момента, в которых должна быть согласована деятельность субъектов, чтобы социальная система могла существовать: это момент преобразования окружающей действительности в средства удовлетворения потребностей (соответствует экономической сфере общества), момент организации субъектов и выработки общих решений, целей и т.п. (политическая сфера социальной системы) и момент выработки общих правил поведения, ценностей и т.п. (момент идеологический или культурный). Институты, исполняющие данные функции, определяют сам строй социальной системы и образуют институциональную матрицу, на основании которой система воспроизводится[41].

Однако следует отметить, что на основании такой матрицы воспроизводится любая социальная система, т.е. коллективный субъект любого уровня, от малых триад до максимально возможных социальных единиц – цивилизаций. В этом смысле любая организация, любой коллективный субъект представляет собой специфическую форму институциональной матрицы. Так, для деятельности, например, научного учреждения (относящегося к сфере культуры) необходимы соответствующие экономические отношения, которые реализуются в комплексе специфических его подразделений. Поскольку научное учреждение представляет собой организацию, руководство которой так или иначе формирует и поддерживает внутренний порядок, в нем есть несомненный политический момент. Наконец, поскольку в научное учреждение так или иначе приходят новые сотрудники, оно необходимо выполняет функцию социализации.

В этом смысле институциональная матрица обеспечивает не только воспроизводство социальной системы, коллективного

[40] *Глотов М.Б.* Социальный институт: определение, структура, классификация // Социологические исследования. – 2003. – № 10. – С. 18.

[41] См.: *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. – М.: ТЕИС, 2000.

субъекта в целом, но и ее частных элементов, ее элементарные субъекты, оказывая определяющее воздействие на каждый из них. Отсюда же возникает и специфика социальных субъектов в зависимости от того, к какой именно сфере общества данный элемент относится: работа научного учреждения, экономической организации или административного аппарата различается по своему существу, и, например, в последнем случае научные и культурные компоненты, равно как и компоненты экономические, выполняют вспомогательную роль, а политические – роль основную. На основании этого и происходит согласование социальных практик институтов разных сфер в единую систему организации. В этом смысле в рамках организации можно выделить различающиеся по характеру комплексы функций: основные и вспомогательные. Кроме того, поскольку данные организации в процессе своей деятельности так или иначе воздействуют на все остальные организации системы, причем далеко не всегда эффект от такого воздействия явен и прогнозируем, уместно выделить латентные функции в самостоятельную группу.

Институциональная организация коллективных субъектов в любом случае имеет иерархический характер, поскольку основные функции имеют приоритетный характер, а исполнение всех остальных подчиняется задаче обеспечения их выполнения. Соответственно и институциональные нормы основных институтов коллективного субъекта определяют характер норм институтов вторичных и латентных, а значит, определяют сам строй институциональной матрицы системы. Следовательно, те элементы, субъекты, которые играли основную роль при складывании социальной системы, определяют характер и строй институциональной матрицы всей системы, чем и обусловлены различия между различными типами обществ и обществами как таковыми.

Институциональная матрица всегда иерархична, поскольку иерархичны функции и группы. Из этого следует, что, с одной стороны, совокупность социальных групп института стратифицирована на основании степени общности решаемых задач: чем выше иерархический уровень, тем более общие задачи решаются и наоборот. С другой стороны, в рамках социальных организаций, как правило, выполняется субординация социальных групп: есть специализированные руководящие, контролирующие и исполняющие органы,

сведенные в более или менее четкую вертикаль подчинения, о чем пишет А.А. Зиновьев[42].

Существование иерархии в обществе, с одной стороны, обеспечивает взаимодействие и корректное исполнение функций, необходимых для его существования, а с другой – выступает основанием для социальной стратификации и координации социальных слоев. На основании места, роли и степени важности функций института и его групп определяется и значение соответствующего слоя функционеров, их отношения с другими слоями и уровень жизни.

Разумеется, иерархия не может быть статичной – в процессе существования общества происходят изменения в соотношении функций, а также институтов и групп, зависящие от множества факторов, однако в общем виде она выступает своего рода «структурой» социальной системы, матрицей социальных отношений. Более того, иерархия не является чем-то изначально данным, а также неким «проектом», по которому социальная система намеренно создается, она складывается по мере возникновения перед обществом проблем в качестве попытки их решения или преодоления посредством согласования наличествующих или формирования новых социальных групп и практик. Помимо этого, социальная структура существует не сама по себе, а организуя и оформляя деятельность людей, постоянно осуществляется в социальном процессе, и в этом смысле зависит от совокупного взаимодействия всех членов общества.

Взаимное наложение функциональной, институциональной и организационной матриц образует общую структуру социальной системы, упорядочивающей все социальные взаимодействия, которая может быть названа социальным порядком.

Для существования социальной системы необходимо, чтобы ее социальные субъекты воспроизводили данные отношения в своих взаимодействиях друг с другом. Если субъекты данной социальной системы воспроизводят иные социальные отношения, это будет иная социальная система. И наоборот, если разными субъектами воспроизводятся данные социальные отношения, это будет данная социальная система, а не какая-либо иная. Так, смена властных элит в СССР не приводила к смене социального строя, но смена некоторых принципов

[42] См. подробнее: *Зиновьев А.А.* Запад. – М., 2007.

управления экономикой в 1988–1989 годах при практически полном сохранении персонального состава элиты вызвала коренные изменения общественного строя, по сути, революцию.

С другой стороны, поскольку коллективные субъекты складываются в определенном взаимодействии субъектов элементарных, всякое изменение социальной структуры предполагает и изменение ее субъектов. Следовательно, для определения социальной системы основой является ее структура, а не элементы. Однако последние выступают носителями социальных взаимодействий, и без них система не существует, и тут следует отметить некоторый парадокс: социальную систему определяет ее структура, но сама структура производна от элементов и представляет собой форму их взаимодействия или взаимодействия социальных субъектов. Причем последние формируются, изменяются и распадаются, т.е. выступают моментом изменчивым, динамическим, а первая, структура, относительно постоянна, статична.

Как рассматривалось выше, социальное взаимодействие складывается из деятельности субъектов, а деятельность интенциональна, т.е. преследует определенные цели, и рефлексивна, т.е. направлена на согласование деятельности с другими субъектами. Поэтому при появлении новой цели появляется и новая форма согласования деятельности, т.е. новые отношения становятся частью социальной структуры. Утвердившись, эти отношения воспроизводятся, а значит, именно с ними согласуется деятельность всякого социального субъекта безотносительно к его конкретным характеристикам, и именно поэтому основой определения социальной системы являются ее отношения, а не ее субъекты.

Однако всякий социальный субъект преследует именно свои цели, которые он полагает самостоятельно, и для достижения их согласует свою деятельность с деятельностью других субъектов, опять же самостоятельно. Как правило, цели элементарного и коллективного субъектов совпадают лишь частично, т.к. это цели разных по уровню субъектов – элементарный субъект в рамках коллективного имеет основной своей целью выполнение частной задачи. Также лишь частично совпадают и цели элементарных субъектов, поскольку они выполняют разные частные задачи в рамках субъекта коллективного. Более того, каждый элементарный субъект осмысливает окружающую действительность со своих позиций, с одной стороны,

а с другой – каждый субъект с разной эффективностью реализует одну и ту же деятельность.

Этой принципиальной зависимостью от конкретных характеристик социальных субъектов обуславливается изменчивость социальной системы и определяется начало рассогласованности взаимодействия субъектов, вследствие чего отношения, конституирующие социальную систему, всегда реализуются лишь в том или ином аспекте, с той или иной эффективностью, т.е. в той или иной форме. В этом смысле, как писал Л.П. Карсавин, существование социальной системы есть процесс становления, в котором социальная структура есть самотождественность системы, а конкретная форма реализации структуры – этап или момент становления, отличный ото всех других его этапов или моментов. Совокупность идущих друг за другом моментов становления данной социальной системы есть ее внутренний социальный процесс, ее внутреннее социальное время[43].

Существование данной социальной системы, таким образом, определяется степенью согласованности всех ее субъектов в рамках определенной социальной формы и согласованностью социальных форм в разные моменты времени между собой. Прекращение существования социальной системы, ее распад определяется рассогласованием социальных субъектов в данный момент времени или социальных форм разных моментов.

Рассогласование это возможно в двух случаях: а) социальные субъекты либо начинают воплощать разные модели социальных отношений, либо вообще перестают взаимодействовать друг с другом; б) действуют какие-либо внешние факторы, препятствующие воспроизводству данной социальной структуры. Первое составляет ряд внутренних причин распада социальной системы, второе – ряд причин внешних. Внутренние причины рассогласования, как показывалось выше, имеют свое основание в принципиальной субъектности социальных взаимодействий, т.е. имеют личностный характер, и связаны с различным пониманием субъектами окружающей действительности, целей деятельности и т.п. Так, борьба различных социальных групп по сути представляет собой борьбу точек зрения на окружающую действительность, различия

[43] *Карсавин Л.П.* Философия истории. – С. 89.

которых обусловлены разницей положения групп в иерархии социальной системы.

Внешние причины рассогласования связаны с условиями среды, в которой существует социальная система, и определяются изменениями этих условий. Появление нового фактора в среде или изменение соотношения системы ее факторов, например, резкое изменение климата или появление агрессивного соседа, изменяет условия существования социальной системы. Если это изменение достаточно значительно, чтобы угрожать существованию социальной системы, последняя должна адаптироваться к нему, т.е. изменить свою структуру отношений и соответственно свои элементы для того, чтобы стать адекватной новым условиям[44]. Подобное изменение возможно постольку, поскольку в рамках социальной системы новые условия отрефлексированы ее субъектами, выработана подходящая к ним форма взаимодействия, и последняя вошла в социальную практику, закрепилась в ней, т.е. сложилась новая форма социальной системы. Причем может быть выработано несколько отличных друг от друга новых форм, поскольку факторы среды действуют на всю социальную систему, а значит, на все ее субъекты, и каждый из них по-своему проводит рефлексию и самостоятельно вырабатывает собственную модель поведения в новых условиях. Эти формы должны быть согласованы друг с другом, и до тех пор, пока этого не произойдет, социальная система находится в состоянии внутреннего конфликта. Иными словами, внешние причины действуют двояким образом – сами по себе, непосредственно препятствуя воспроизводству социальной формы, а также через рефлексию над ними субъектов социальной системы, изменяя их поведение и взаимодействие между собой.

Конфликт субъектов социальной системы представляет собой ситуацию, когда деятельность одних субъектов препятствует деятельности других или значительно искажает ее. В этом случае коллективная деятельность элементарных субъектов, конституирующая коллективный субъект, общество, ослабевает, ее цели достигаются не полностью или не достигаются вообще, а применение средств препятствует друг другу. Как следствие, процессы сохранения социальной формы все больше слабеют, а процессы изменения не

[44] Это, по сути, есть концепция «вызова и ответа» А. Тойнби. См. подробнее: *Тойнби А.* Постижение истории. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 1086 с.

просто набирают силу, но приобретают специфическую направленность – на коренное изменение социальных форм, переустройство их на иных, новых принципах. Причем, поскольку проводниками этих процессов выступают противостоящие друг другу элементарные субъекты, новые принципы неизбежно носят частный характер, а их утверждение предполагает определенное подавление принципов оппонентов и в любом случае отрицает принципы предыдущего состояния социальной системы.

Таким образом, социальная система имеет тенденцию к распаду, хотя до самого момента распада и остается в каком-то смысле целым. Такое состояние социальной системы можно охарактеризовать как неустойчивое.

Ему противоположно устойчивое состояние социальной системы, которое можно охарактеризовать как конструктивное преодоление, снятие внутренних конфликтов и успешное парирование внешних воздействий, причем действует тенденция на согласование элементарных субъектов друг с другом и нового момента существования социальной системы с предыдущим. В этом случае социальная система сохраняет свою целостность, а значит, воплощает собственные принципы внутреннего устройства. Следовательно, процессы сохранения и изменения социальных форм скоординированы друг с другом: первые обеспечивают воспроизводство принципов социальной системы, вторые – адаптацию ее форм к изменениям внешних и внутренних условий существования. Поскольку в новом состоянии социальной системы воспроизводятся те же принципы, что и в предыдущих, социальная система самотождественна в этих состояниях, т.е. они есть моменты становления именно данной системы, а не какой-либо другой.

Однако не всякое изменение среды существования социальной системы или ее внутреннего состояния требует специальной адаптации, трансформации ее структуры. В социальном процессе постоянно возникают ситуативные изменения, вызываемые деятельностью индивидуальных и элементарных коллективных субъектов или конкретным взаимодействием данного общества с другими. Это своего рода флуктуативные изменения, определяемые внутренними и внешними факторами, не выходящие за пределы некоторых установленных принципами системы норм, они не затрагивают принципов функционирования социальной системы, но тем не менее

способны оказать определенное влияние на саму систему и ее состояния. Накапливаясь, флуктуации способны породить квазиустойчивые тенденции, переводящие систему в другое состояние в рамках существующих принципов ее функционирования, не нарушая их в целом. Различия таких состояний задают качественную специфику различных состояний социальных систем – их «эпохи» или моменты. Примером таких различных состояний могут служить «эпоха Хрущева» и «эпоха Брежнева» в истории СССР.

С другой стороны, некоторые флуктуации могут вступать в определенный резонанс, взаимно усиливая или ослабляя друг друга и, как следствие, порождая ситуативно же возникающие более общие тенденции, оказывающие более сильное влияние на состояние социальной системы, а потому способные вызвать качественные структурные изменения в ней. Например, коррупция в СССР подрывала эффективность государства и порождала недоверие к его принципам, а значит, к общим принципам социальной системы; антисоветское движение было порождено массовым недовольством существующей социальной системой и, значит, ее принципами. Оба эти фактора одновременно ослабляли значение принципов системы и в любом случае разрушали согласованное взаимодействие, ими регулируемое, а значит, переводили социальную систему в неустойчивое состояние и образовывали тенденцию к распаду.

Флуктуации и в том, и в другом случае могут иметь как положительные, так и отрицательные следствия для общества, а значит, не могут не отслеживаться и контролироваться. Всякая социальная система, сложившаяся в конкретных условиях при решении конкретного круга проблем, в идеале благоприятствует одним флуктуациям, определяемым как положительные, и препятствует другим, определяемым как отрицательные, причем осуществляется это самой организацией системы и не требует специальных мер, поскольку исходит из самой логики социальных взаимодействий. Так, геройский поступок в армии – флуктуация, подкрепляемая наградой, а трусость – флуктуация, пресекаемая наказанием, причем и то, и другое осуществляется в рамках нормального социального процесса. Ситуация, когда это правило не выдерживается, есть ситуация нарушения устойчивости, т.е. если награды и наказания не налагаются, либо налагаются не адекватно поступкам, налицо нарушение нормальной работы социальной организации и ослабление действия ее принципов.

В связи с этим очевидна сложность определения параметров устойчивости социальной системы. Параметры устойчивости указывают, насколько состояние общества соответствует принципам социальной его организации – чем больше такое соответствие, тем устойчивее система. Однако принципы социальной организации всегда представлены в определенной отрефлексированной форме – в виде теоретических, идеологических и мировоззренческих положений, сформулированных и поддерживаемых членами общества. Более того, такие отрефлексированные формы, как правило, представляют для исследователя или функционера экзистенциальные ценности (например, ценности «свободы и прав человека», «православия и монархизма» или, наконец, «социализма и социальной справедливости»), и то, что им не соответствует, определяется им как отрицательное, подрывающее устойчивость общества, даже если объективно оно и укрепляет эту устойчивость. Как следствие, поддержка положительных тенденций может привести к отрицательным последствиям и наоборот. Так, формально-юридическое определение коррупции неизбежно должно приводить к наказанию даже в случае, если в ее результате совершилось объективно полезное действие. Следовательно, преследуя одно преступление – коррупционера, система приходит к преследованию некоторой части положительных и необходимых для ее существования действий, а значит, одновременно и реализует принципы собственного существования, и препятствует им.

Наконец, не меньшую трудность представляет собой определение предела устойчивости социальной системы, поскольку сложно формализовать параметры устойчивости, оценить с их позиций реальное состояние общества и указать количественные границы, превышая которые общество выходит из устойчивого состояния. Поэтому можно определить только общие условия, при соблюдении которых социальная система является устойчивой: а) если принципы функционирования элементов социальной системы комплиментарны друг другу и позволяют эффективное их взаимодействие в рамках социального целого; б) если эти принципы адекватно отрефлексированы и выражены; в) если большинство членов общества разделяют отрефлексированные формы этих принципов и придерживаются их в своей деятельности.

Итак, следует подвести итоги первой главы.

Рассмотрев сущности социальных систем, можно сказать, что они представляют собой согласованное взаимодействие субъектов – людей, деятельность которых образует иерархию коллективных социальных субъектов. Принципами, определяющими иерархичность их отношений, выступают выполняемые в рамках системы функции, образующие функциональную матрицу социальной системы, которая способна обеспечить ее самостоятельное существование. Поскольку функции выполняются социальными субъектами посредством взаимодействия, функциональная матрица образует матрицу институциональную, т.е. комплекс воспроизводящихся социальных практик, и организационную, т.е. комплекс функциональных коллективных субъектов, в рамках которых функции исполняются. Вместе функциональная, институциональная и организационная матрицы образуют единый комплекс структуры социальной системы или ее социальный порядок. Существование социальной системы, таким образом, зависит от этих двух моментов – ее социального порядка, согласно которому организуется согласованное взаимодействие социальных субъектов любого уровня, а также самих субъектов, которые вступают в согласованное взаимодействие.

Таким образом, устойчивость социальной системы можно определить как способность системы сохранять и воспроизводить свою целостность при внешних воздействиях, внутренних сбоях и с течением времени оставаться самотождественной при изменениях своих форм. Это предполагает, с одной стороны, способность гасить флуктуативные изменения, возникающие под действием незначительных факторов, а с другой – вырабатывать и закреплять конструктивные решения проблем, вызываемых действием значительных факторов, не разрушая собственную структуру и не отрицая собственные принципы устройства. За этот аспект устойчивости отвечает, прежде всего, социальный порядок.

ГЛАВА 2

КУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Выше рассматривалась, прежде всего, функциональная природа социальных форм – групп, слоев, общностей, как они складываются при выполнении определенной социальной функции. Однако очевидно, что такого описания социальных форм далеко не достаточно для понимания устройства социальной системы, поэтому необходимо обратиться ко внутреннему устройству социальных форм как устойчиво воспроизводящихся взаимодействий социальных субъектов.

Итак, основой существования социальной системы выступает организованная деятельность людей – членов общества, и социальные институты представляют собой формы организации их коллективной деятельности. При этом деятельность носит двоякий характер: с одной стороны, это социальный процесс, с другой – личностный акт, потому можно сказать, что в деятельности личность и общество становятся едины. Как социальный процесс деятельность организована социальными нормами, институциональными и внеинституциональными; как личностный акт деятельность представляет собой реализацию определенных моделей поведения, в которых можно выделить экзистенциально значимые цели, нормы и ценности. Единство личности и общества в этом смысле проявляется во взаимном переходе социальных норм и моделей поведения друг в друга: с одной стороны, модели поведения необходимы для формирования социальных норм, с другой – сами социальные нормы есть экзистенциально значимые модели поведения[45]. Только в таком их соотношении социальные институты воспроизводятся корректно, а социальные субъекты эффективно выполняют свои функции.

Переход социальных норм в личностные модели поведения представляет собой процесс экзистенциального переживания социальных

[45] *Парсонс Т.* О структуре социального действия... – С. 703.

норм данной личностью, принятие их в качестве собственных, образцовых и безусловных. Следует подробнее остановиться на этом моменте. Поскольку социальные нормы проявляются в социальном же процессе, оформляя его, постольку их переживание личностью осуществляется в ходе ее участия в социальных отношениях, особенно в конкретных социальных группах, и приобретает характер накопления и активного осмысления социального опыта.

Однако в социальном опыте нормы сами по себе не даны – они раскрываются субъектом из анализа деятельности других субъектов. Иными словами, в самой социальной практике нормы даны в любом случае в двойной интерпретации – самого субъекта и субъектов, его окружающих. Следовательно, нормы не имеют, строго говоря, нормативного, императивного характера. Но в таком случае социальная практика вообще и институты в частности могут иметь только ситуативный характер, они случайны и не могут быть устойчивыми – на чем и строится концепция Гидденса и его критика структурного функционализма[46]. Тем не менее в истории человечества постоянно наблюдаются не просто устойчивые социальные системы, но системы, которые даже после коренного переустройства и на новых принципах приобретают аналогичные с предыдущими социальные формы. Так, А.А. Зиновьев вывел своего рода диалектический закон революционных изменений, согласно которому итоговая социальная форма сочетает в себе принципы предыдущей формы и принципы, их отрицающие[47]. Следовательно, должен быть фактор, закрепляющий императивность норм и принципов социальной системы, и соответствующий элемент самой системы, его реализующий. Причем последний необходимо должен отличаться от непосредственного социального опыта и иметь характер эталона. Он должен также напрямую обращаться к личности субъектов и «стоять над» социальной практикой, подавать пример «должного», а не «сущего». Таким элементом выступает культура.

Будем исходить из того, что культура не есть простая совокупность своих частей, но представляет собой органическую систему. Следует выявить компоненты этой системы и прояснить их взаимосвязь.

---

[46] См.: *Климов И.А.* Социологическая концепция Энтони Гидденса: http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj1-2-00klim.html

[47] См.: *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. – М., 2006.

В последнее время при обращении к культуре в первую очередь говорят о «текстах», «нарративах». Однако «текст» как система знаков не обладает собственным значением – он нужен, чтобы выразить некоторое содержание, а потому выступает лишь внешней стороной культуры. При таком «текстовом» понимании культуры акцент делается не на ее содержательной стороне, а на форме, в которой содержание воплощается. Это ведет к тому, что при «прочтении» «текста» на первый план выходит его субъективная интерпретация, а содержание его становится не важным и, как следствие, теряется. Следовательно, если сводить культуру лишь к совокупности «текстов», то ее содержание выхолащивается, превращаясь в набор интерпретаций, а сами тексты становятся «симулякрами», лишенными смысла. Существование культуры – процесс создания, прочтения и интерпретации культурных «текстов» – распадается при этом на множество индивидуальных актов, не связанных между собой, и культура как некоторое целое становится невозможной. Следовательно, культура не может сводиться к совокупности или даже к системе «текстов», должно быть нечто, превосходящее ее узкотекстуальный уровень.

Целостность культуре и связь ее текстам придает комплекс феноменов, которые по аналогии с социальными институтами могут быть названы институтами культурными, поскольку определяют форму культурных «текстов», условия их создания и прочтения, а значит, и единство их интерпретаций. Перечислить их конкретно, как и в случае с социальными институтами, достаточно проблематично, но можно назвать основные из них – это религия, наука, искусство и т.п. Например, в рамках института науки существует свой специфический язык, на котором создаются научные тексты, критерии научности, предъявляемые к их содержанию, а создание, прочтение и интерпретация научных текстов происходит в научном сообществе в ходе научного же процесса, чем и обеспечивается их единство. Причем указанные моменты, определяющие форму текстов, имеют необходимый характер, поскольку призваны обеспечить исполнение функций института в рамках культурного целого, в данном случае – функции науки. Отношения культурных институтов и культурных текстов носят диалектический характер: с одной стороны, институт культуры складывается на основании культурных «текстов», выступающих «классическими образцами» для остальных его текстов (например, «Начала» Евклида или «О вращении

небесных сфер» Н. Коперника – в науке, канонические произведения Иоанна Дамаскина или «Дао дэ Цзин» – в религии, «Правила метода» Р. Декарта – в философии, статуи куроса и коры – искусстве). С другой стороны, культурный институт определяет, как уже сказано выше, форму и условия существования культурных текстов, а также их отношения между собой (например, по научным дисциплинам или по степени важности в рамках одной дисциплины и т.п.). Однако поскольку даже «классический» текст создается с целью обеспечения культурной функции, представляется логичным, что культурный институт имеет большее значение, чем «текст», и правильнее сказать, что культурный институт воплощается во всей организованной совокупности своих «текстов».

Тем не менее культура тоже не может быть сведена к системе своих институтов. Аналогично тому, что «текст» есть форма для выражения некоторого содержания, система институтов есть форма выражения культурного целого, обеспечивающая его существование, и поэтому она не обладает самостоятельным существованием. Сведение культуры к совокупности ее институтов по сути не отличается от сведения ее к «текстам»: если данный текст имеет значение лишь как воплощение института, то акцент в его прочтении все равно делается на его форму в смысле ее соответствия «классическому образцу» и функции института. Однако такое соответствие не может выступать самостоятельным содержанием культурного «текста», и вопрос, что же выступает таким содержанием, остается открытым.

Рассмотрение культурных текстов, например, литературных, позволяет вскрыть некоторый набор обобщенных образов, ситуаций и мотивов, который складывается в определенную систему, определяющую общую «парадигму» смыслового содержания культурного явления. Например, образы «русского человека», выраженные у Некрасова, Гончарова, Толстого, Тургенева и др., специфичны у каждого, но вместе они складываются в обобщенный образ «русского человека» отечественной классики. Причем этот набор не представляет собой формальное «общее» за вычетом особенностей – он выступает системой существенных черт, проблем и т.п., которые в каждом частном случае лишь раскрываются в особенностях, обретают свою полноту выражения. Более того, вне всей совокупности выражающих эту систему «текстов», черты остаются отвлеченными и даже бессмысленными положениями. Например,

положение «хороший человек – честен» в общей форме бессмысленно, поскольку нет конкретного выражения, что значит честность, как и когда она проявляется, в каких случаях она уместна, а в каких – нет, когда разные формы честности входят в противоречие друг с другом, и как эти противоречия следует разрешать. Вся совокупность «текстов», так или иначе затрагивающих эту проблематику, как раз и раскрывает это исходное положение, наполняет его смыслом, показывает в конкретных ситуациях и т.п. Иными словами, такой набор «обобщенных образов» выступает парадигмой для всех образов всех текстов литературы, определяя более или менее жестко ее содержательный момент, и, принимая также во внимание «должный» характер каждого «обобщенного образа», можно назвать этот набор системой идеалов.

Эта система идеалов имеет отношение не только к институту искусства, поскольку искусство черпает свое содержание не из себя самого, но из других областей культуры. Так, проблематика художественных текстов носит преимущественно моральный характер: например, положение «хороший человек – честен» это именно моральное положение, оценка «хорошо – дурно», заложенная в «текст» автором; конфликтная ситуация, когда проверяется честность хорошего человека – это моральный конфликт. Устанавливая содержательную связь между моралью и другими институтами культуры – религией прежде всего, наукой и т.п., можно заключить, что воплощаемая искусством система идеалов представляет собой некоторое общее для всей культуры, воплощаемое теми или иными своими гранями или сторонами в текстах частных институтов. И именно эта содержательная общность выступает основой единства культуры как целого, основой согласования институтов культуры между собой и основой взаимной дополнительности «текстов» культуры[48]. Более того, степень воплощения общекультурной системы идеалов выступает основой оценки значимости «текста» и института: институт тем более важен, чем полнее он воспроизводит систему идеалов, «текст» обретает статус «классического», поскольку он полнее раскрыл систему идеалов в рамках своего института, и т.д.

[48] См.: *Лич Э.* Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов: К использованию структурного анализа в социальной антропологии / Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии. – М., 2001.

Таким образом, можно сказать, что культура – это система идеалов, раскрываемая в совокупности культурных «текстов» и воспроизводимая культурными институтами. Именно система идеалов и составляет общий смысл, который раскрывается личностью из культуры и который лежит в основе в том числе и поведения личности как социального субъекта.

Однако очевидно, что идеал как таковой не может быть дан личности непосредственно – он лишь раскрывается личностью и посредством экзистенциального переживания входит в ее структуру, т.е. представляет собой результат рефлексии. Рефлексия же личности направлена на окружающий ее мир в целом – природу, общество, культурные тексты – и представляет собой раскрытие их смысла. Очевидно, что смысл не дан и в окружающем мире – всякое явление природы, всякое событие истории предстает как некоторый культурный образ такового, вписанный в культурный же контекст, которым и определяется как содержание образа, так и его значимость, причем сам контекст в данном случае представляет собой систему более общих образов реальности. Рефлексия происходит не столько над самим явлением или событием, сколько над его образом и контекстом, например, эпилептический припадок для врача есть проявление болезни, а для средневекового крестьянина – следствие вселения в человека бесов.

Значит, рефлексия и раскрытие смысла происходит не в отношении самой реальности, но ее культурного образа, связанного с другими, более общими образами реальности. Тогда можно сказать, что в основе рефлексии и образов лежит некоторый основной образ реальности, относительно которого выстраивается все культурное здание. Причем это должен быть самый общий образ реальности, равно доступный и адекватно понятный всякому носителю культуры, с одной стороны, а с другой – равно заключать в себе основания как для остальных образов, так и для их интерпретации. Это может быть достигнуто в случае, если такой образец мира выражен в символической (в понимании Й.В. Шеллинга и А.Ф. Лосева[49]) форме, которая, с одной стороны, понятна сама по себе (для обыденного сознания), а с другой – выражает собой истину как систему принципов и зако-

[49] См.: *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Миф. Число. Сущность. – М.: Мысль, 1994.

нов реальности. Таким образцом выступает миф или система мифов данной культуры[50].

Можно сказать, что культура раскрывает мир с трех сторон – Истины, Добра и Красоты. Так, Л.П. Карсавин пишет: «Идея культуры должна определяться через отношение к абсолютной истине, к абсолютному благу, бытию, красе»[51]. Каждый из этих аспектов в сущности своей связан с двумя другими и выражает их: Истина прекрасна и добра, Добро истинно и прекрасно, Красота истинна и добра. На высшем уровне культуры Истина, Добро и Красота и их производные (например, этические идеалы) синкретичны и нерасчленимы, они представляют собой некие торжественные и недосягаемые идеалы, фиксирующие сочетание некоторых характерных черт явлений и не имеющие конкретного содержания, но обычно интуитивно ясные всякому носителю культуры. Созерцание и рефлексия над этими идеалами дает следующий уровень культуры, на котором формируются основные «тексты» данной культуры, в рамках которых формулируются «философия» (как раскрытие Истины), «этика» (как раскрытие Добра) и «искусство» (как раскрытие Красоты; все выделенные области названы условно, согласно своей функции), причем, поскольку рефлексия всегда носит частный характер, ограниченный личностью рефлексирующего и его эпохой, этот уровень отражает также лишь частные грани своих оснований[52]. Наконец, восприятие этих «текстов» и проходящее в их рамках понимание жизни и мира очерчивает следующий, «обыденный» уровень культуры, в рамках которого происходит привязывание культуры и ее идеалов к конкретным жизненным условиям, с одной стороны, а с другой – воплощение этих идеалов на практике. Эти три уровня культуры составляют ее здание и предстают в виде сложной текучей совокупности «текстов», сведение в систему которых возможно только на основании некоторых общезначимых и авторитетных смысловых структур, речь о которых пойдет ниже.

---

[50] См., например, исследование мифов общества Нового времени и современного: *Элиаде М.* Аспекты мифа / пер. с фр. – М.: Академический проект, 2000. – С. 154–181.

[51] *Карсавин Л.П.* Философия истории. – С. 167.

[52] См., например: *Кудрина С.А.* Ценностные приоритеты и их онтологические основания // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 37–46.

С точки зрения рассматриваемой темы, важной выступает этическая сфера или область культуры, поскольку именно она непосредственно определяет модели поведения, воспроизводящиеся в обществе: «Для того, кто считает порядок законным, жизнь, согласная с его правилами, становится моральным долгом»[53]. В рамках этики формулируется содержание понимания добра и его специфических граней, в рамках морали – способы и формы их достижения или реализации, а в рамках нравственности происходит формулирование конкретных правил, которых следует придерживаться члену данного общества или общественной группы. Последняя же может различаться как формальная и действительная, т.е. просто как система принятых правил и как совокупность правил, действительно определяющих групповые или общественные отношения[54].

Этический идеал обладает следующей структурой. Во-первых, определенное основание, на котором строится этот идеал – определенная часть онтологии или космологии, принятой в данной культуре, и непосредственно добро, для обеспечения которого идеал необходим. Во-вторых, это цели и функции, выполняемые идеалом в этической системе – о них упоминалось ранее. В-третьих, это совокупность текстов, как письменных, так и иных, в которых излагается рефлексия над этим идеалом и содержатся средства для восприятия последнего, например, «Никомахова этика» Аристотеля или «Критика практического разума» Канта. Так, идеал благочестивого царя (модификация идеала человека) в русском православии основывается на представлении о единобожии, о государстве как об отражении небесной иерархии и о действии в истории божественного промысла (онтология), на представлении народа и земли просвященными истинной верой и подлежащими боговодительству (космология), наконец, на понимании добра как всеобщего спасения, которое, с одной стороны, дается благодатью, а с другой – достигается благочестием всего народа и человечества, на представлении истории как борьбы между силами антихриста и Христа (что обосновывает религиозную роль царя как высшего

[53] *Парсонс Т.* Структура социального действия // Парсонс Т. О структуре… С. 181.

[54] См.: *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем.; под ред. Д.В. Скляднева. – СПб., 2000.

судьи на земле и защитника истинной веры) и т.п.[55] Рефлексия над этой структурой со стороны пророков, философов и т.п., выраженная в «текстах» и правилах, образует мораль общества, а восприятие последней (в сообразовании с этической) людьми и их общностями – структуру нравственную. Последняя непосредственно и определяет социальные отношения.

Таким образом, социальный порядок выступает преимущественно порядком этическим, остальные упорядочивающие «правила» в той или иной степени основаны на этических идеалах как их конкретное приложение к конкретным условиям. Поэтому необходимо расширить понимание социального порядка, полагая не только нормативный его характер, но и ценностный[56]. Поскольку же норма и ценность выступают двумя аспектами культурного идеала, третьим из которых выступает цель, и вместе они определяют деятельность членов общества, также необходимо учитывать и этот, целевой, характер социального порядка.

Теперь стоит подробнее остановиться на связи социальных отношений вступающих в них людей и идеалов культуры. Социальные отношения, как показывалось выше, структурированы идеалами культуры и выступают организационной формой деятельности людей, членов общества, и без обоих этих моментов просто не возникают: если есть социальные отношения, значит, есть люди, которые в них вступили, и идеалы, которые их структурируют. С другой стороны, идеалы культуры не существуют сами по себе, вне их понимания членами общества и воплощения ими в своей деятельности, поскольку в этом случае идеалы теряют свое значение и даже утрачиваются, замещаясь иными: если есть идеал, значит, есть люди, которые его воспроизводят в своей личности и деятельности. Наконец, человеческая личность вне культурных идеалов, составляющих ее содержание, и социального окружения, из которого оные идеалы почерпываются, также не существует; аналогично, если есть человеческая личность, значит, есть идеалы, согласно которым она сформирована, и социальные

[55] См.: *Домников С.Д.* Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. – М., 2002. – С. 317–368.

[56] См. подробнее о ценностном характере норм порядка: *Парсонс Т.* Структура социального действия // Парсонс Т. О структуре... С. 193–194.

отношения, в которых она состоит[57]. Это наглядно демонстрируется на примере «феномена Робинзона». Несмотря на то, что Робинзон в данный момент не состоит в непосредственных социальных отношениях, сам факт того, что он воспитан и образован в своем обществе, использует уже созданные орудия труда и выстраивает свою жизнь согласно определенному образцу, указывает, что опосредованные социальные связи присутствуют и идеалы культуры воспроизводятся.

Все это позволяет утверждать, что общество, культура и человек существуют в неразрывном единстве, взаимно обуславливая друг друга и представляя собой аспекты этого единства[58].

Таким образом, структуру социальной системы определяет культура, поскольку именно ею задаются «правила», согласно которым выстраиваются социальные отношения вообще и в конкретных случаях. Однако прослеживается обратное влияние: форма актуализации культуры в социальной практике значительно определяет ее характер. Такое явление и лежит в основе «рутинизации» или «хабитуализации» – опривычивания, на основании которого и структурируется социальная система[59]. Следовательно, социальный порядок формируется как выражение или приложение в деятельности социального субъекта культуры его общества.

В связи с этим необходимо вернуться к рассмотрению природы коллективного социального субъекта. Как уже показывалось выше, коллективный социальный субъект представляет собой институционально структурированное и иерархически организованное взаимодействие индивидуальных социальных субъектов – личностей, образующих таким образом социальное целое, а культура представляет собой принципы структурирования этого целого, коллективного субъекта[60]. Соответственно, каждый из индивидуальных социаль-

[57] О переходе «структурных свойств» социальных субъектов в «стандарты отношений» составляющих их членов см.: *Парсонс Т.* Функциональная теория изменения // Парсонс Т. О структуре… – С.703.

[58] Тем самым расширяя понятие «дуальности структуры» Э.Гидденса. См.: *Гидденс Э.* Указ.соч. – С. 69–74.

[59] См. подробнее: *Гидденс Э.* Указ.соч. – С. 111–116.

[60] *Парсонс Т.* Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. – М., 1996. – С. 462–478.

ных субъектов, личностей может входить в социальное целое как его часть постольку, поскольку воплощает в себе и в своей деятельности принципы его, этого целого, организации, то есть идеалы культуры и соответствующие им нормы, цели и ценности.

Личность может их воплощать в себе и в своей деятельности потому, что считает их, во-первых, истинными, во-вторых, своими, являющимися не просто значимыми для этой личности, но составляющие ее образ и смысл жизни и окружающего мира. То есть это воплощение является следствием отождествления, или идентификации, личности с идеалами культуры. В общем виде идентификация (как самоидентификация личности, так и идентификация личности с точки зрения общества) происходит на основании соотнесения качеств данной личности с принципами, лежащими в основании данной общности. Те, кто этим принципам соответствуют, распознаются общностью как «свои», кто не соответствует – как «чужие» (причем «чужие», как правило, не обезличены – они соотносятся с известными принципами «чужих» общностей: «немцы», «татары» и т.п.).

Поскольку коллективный субъект структурирован этими же идеалами, постольку личность идентифицирует себя и с самим коллективным субъектом. Так как это касается всей личности, входящей в данный коллективный субъект, всякая данная личность считает все другие «своими», то есть воплощающими в себе и в своей деятельности те же идеалы, нормы, цели и ценности, что и она сама. Это лежит в основе явления солидарности личностей коллективного субъекта, а значит, определяет согласованность их взаимодействий и сводит конфликты между ними к возможному минимуму. Таким образом, идентичность и основанная на ней солидарность выполняют не только функцию согласования элементарных субъектов в коллективный, но и являются важнейшими условиями, обеспечивающими устойчивость коллективного субъекта или социальной системы.

Коллективный субъект, таким образом, представляет собой социальную общность субъектов элементарных и индивидуальных: «совокупность людей, выделяемая по критерию территориальных и социокультурных параметров и объединяемая устойчивыми связями и отношениями»[61]. Однако одного определения «социальное»

[61] *Булынко Д.М.* Социальная общность // Социология: Энциклопедия. – С. 952.

не достаточно для полной характеристики такой общности, поскольку культурный аспект, отвечающий за само существование этой общности, остается вне рамок рассмотрения. Поэтому такую общность имеет смысл назвать социокультурной и при дальнейшем анализе рассматривать как социальный, так и культурный ее аспекты.

Принципы, на основании которых производится идентификация, соотносятся с аспектами существования общности – культурным, организационным, функциональным и локальным, причем последние две сливаются для личности в характеристику «образа жизни» (например, «крестьянин такой-то губернии»). Культурный признак, с другой стороны, разделяется на несколько элементов, фиксирующих признаки культуры: язык, религию и связанный с «образом жизни» стереотип поведения. Распознание «своего» по этим аспектам и выстраивание соответствующих моделей взаимодействия и взаимообщения выступает основой для «собирания» отдельных людей в общности, причем каждый из аспектов отвечает за свой тип общности – локальный, функциональный, культурный и организационный.

Рассмотрим, как именно происходит интеграция личности в социокультурную общность и от чего зависит успешность этого процесса. Поскольку идентичность основана на культурных идеалах, а сама личность овладевает ими в процессе формирования, важным выступает именно момент формирования личности, целенаправленный компонент которого – воспитание – требует особого внимания. Разумеется, воспитанием не ограничивается формирование личности и тем более инкорпорация в общности. Однако именно в воспитании наглядно представлен механизм усвоения идеалов, и, кроме того, воспитание, определяя строй личности, определяет тем самым и характер поведения в общностях, а также сам набор общностей, в которые личность может быть эффективно инкорпорирована.

В процессе воспитания можно условно выделить две взаимосвязанные, но не сводящиеся друг к другу стороны. Во-первых, это трансляция культурных идеалов, ценностей, норм и усвоение их личностью, в результате чего культурные идеалы становятся основой для моделей поведения личности, определяя ее взаимодействие с людьми и деятельность в рамках общества. Кратко эту сторону можно обозначить как инкультурацию. Во-вторых, это освоение социальных практик, т.е. социализация, определяющая реальный со-

циальный опыт личности, в котором воспринимаются, усваиваются и воплощаются регулирующие социальные отношения нормы. Можно сказать, что инкультурация и социализация неразрывно связаны: усвоение культурных идеалов происходит в процессе освоения социальных практик и наоборот. Здесь пока важно отметить, что эффективность воспитания зависит от того, насколько согласованы и связаны друг с другом эти две стороны, т.е. являются ли идеалы и ценности, транслируемые культурой, реально регулирующими социальные отношения, или нет. Если такое согласование нарушено, встает вопрос, какую ориентацию выберет личность – ту, что транслируется культурой, или ту, что реально присутствует на практике. Причем в любом случае реальный строй личности, а значит, и ее поведение, гармоничными не сложатся, поскольку в ней будут сталкиваться фрагменты разных ориентаций, взаимно ослабляющие друг друга.

Следовательно, можно сказать, что эффективность воспитания личности в рамках культуры определяется тем, насколько полно и адекватно: а) переданы идеалы культуры и соответствующий им культурный комплекс; б) идеалы культуры выражены и воплощены в наличной значимой для воспитуемого социальной среде; в) осознаны идеалы культуры и социальная практика самой личностью. Последний момент нуждается в некотором разъяснении. Для того, чтобы личность усвоила идеалы культуры, важно не только передать их в виде того или иного текста – необходимо, чтобы личность из передаваемого восприняла максимально возможный объем смысла, раскрыла его для себя так, чтобы личная интерпретация была адекватна смыслу идеала (в крайнем случае, не противоречила ему), и связала вновь воспринятый смысл с той смысловой картиной, которая сформировалась у нее ранее. В противном случае очевидно, что передаваемый смысл просто потеряется для личности, а в воспроизводимые словами культурные штампы будут вкладываться смыслы, сформированные самой личностью и не обязательно соответствующие культуре. Аналогично и с социальной практикой – она дана личности в любом случае в виде достаточно отрывочных эпизодов, цель, логика и значение которых далеко не очевидны, и в любом случае – в виде личных интерпретаций. Соответственно, чтобы правильно осознать эту практику, сделать вывод и усвоить нормы, ее регламентирующие, личность должна совершать определенную мыслительную

работу, ориентироваться на определенные стереотипы и т.п. В противном случае связной модели поведения просто не сложится, а все поступки будут носить ситуативный и хаотический характер[62].

Процесс воспитания не существует как-то отдельно от остального общества, поэтому надо рассмотреть социокультурные условия, в которых он протекает, и оценить, какое последние оказывают на него влияние.

В общем виде можно выделить основную среду, в которой происходит воспитание – это совокупность малых социокультурных общностей, в которые включена воспитываемая личность: семья, соседи, друзья, учебный класс и т.п. Все они в совокупности непосредственно определяют реальный социальный опыт воспитуемого, выступая совокупным «образом жизни», через который раскрываются действующие социальные нормы, в свою очередь, являющиеся аспектами культурных идеалов. Таким образом, в совокупности малых социокультурных общностей основным воспитательным фактором выступает социальный опыт, освоение социальных практик, и в них же непосредственно происходит воплощение личных моделей поведения, ценностных ориентаций и т.п., т.е. проверка результатов воспитания. Соответственно, эта среда выступает критически важной для воспитания личности и оценки успешности или неуспешности воспитания.

Однако нельзя не учитывать и воспитывающее влияние больших социокультурых общностей, в которые входит воспитуемая личность – территориальных, профессиональных, стратовых, субкультурных, этнических, религиозных и т.п., вплоть до политических. Такие общности конституированы прежде всего идеалами, нормами отношений, ценностями, социальными функциями, условиями жизни, т.к. представляют собой тот социокультурный большой мир, к которому адаптируется воспитуемая личность. Поскольку большие социокультурные общности не предполагают постоянных непосредственных контактов своих членов (это характеристика малых общностей), они представлены данной личности как система определенных стереотипов, образцов и т.п., т.е., собственно, в виде культурных идеалов, ценностей, норм и т.д., которыми они конституированы.

[62] См. подробнее: *Яницкий М.С.* Ценностные ориентации личности как динамическая система. – Кемерово, 2000.

Соответственно, большие социальные общности являются прежде всего источниками и трансляторами культурного комплекса, в рамках которого происходит формирование личности. Причем трансляция эта идет по двум основным каналам – через циркулирующую в обществе социальную информацию и через влияние, которое они оказывают на малые социальные общности.

Таким образом, можно сказать, что большие социокультурные общности выступают носителями и источниками нормативной культуры, эталонов ее идеалов, ценностей, норм и, разумеется, образцов практики, через которые формируется представление о нормах, определяющих реальную практику личности, и вследствие этого появляется влияние на непосредственную практику данной личности.

Разумеется, аналогично с социализацией и инкультурацией разделять влияние малых и больших социальных общностей нельзя. Скорее, это разделение подчеркивает, какой процесс – инкультурация (для больших общностей) или социализация (для малых) – является доминирующим по воздействию на воспитание личности. В целом же можно сказать, что малые общности выступают вариациями больших, а большие – эталоном для малых, и вместе они составляют единый иерархичный комплекс и взаимно определяют друг друга, выступая своего рода «полными условиями» воспитания и существования личности.

Однако влияние различных общностей на формирование личности далеко не равнозначно, и критерием оценки степени этого влияния выступает идентичность, т.е. отождествление данной личности с какой-то общностью или общностями. Поскольку последние конституированы либо специфическими формами практики (малые общности), либо специфическими идеалами, соотнесение личности с данной общностью, по сути, означает соотнесения личности с идеалами и практиками, конституирующими их. Иными словами, идеалы и практики общностей, с которыми идентифицирует себя личность, доминируют в ее ценностных ориентациях[63].

Подводя определенный итог, можно кратко сформулировать, от каких социокультурных факторов зависит успешность воспитания

[63] В целом примерный разбор социализации и инкультурации в этом ключе см.: *Султангалеев А.А.* Социальные и этнокультурные проблемы формирования личности / БашГУ. – Уфа, 1998.

личности, а значит, сознательное воспроизводство ею социального порядка. Такими условиями выступают:

а) идентичность; если идентичность ярко выражена и значима, значит, существуют соответствующие ценностные ориентации, и наоборот, если ярко выраженной идентичности нет, скорее всего, нет и ярко выраженных ценностных ориентаций, т.е. личность является маргинальной, а ее практика, скорее всего, будет носить хаотический или конформистский характер;

б) согласованность иерархии идентичностей; поскольку личность так или иначе идентифицирует себя со всеми актуальными общностями, в которые она входит, она в меру этого воспринимает и воплощает соответствующие им системы идеалов и ценностей, следовательно, если нет одной или нескольких доминирующих идентичностей, или если сами идентичности противоречат друг другу, ценностные ориентации и социальные практики входят в противоречия друг с другом, т.е. хаотизируются;

в) согласованность идеалов и практик в общностях;

г) согласованность иерархии общностей.

Таким образом, одним из основных факторов обеспечения устойчивости социальных систем (наряду с непосредственно трансляцией идеалов культуры и закрепления их в практике) выступает формирование идентичности у членов общества в рамках существующей культуры и иерархии общностей, и прежде всего, основной, связывающей все общности и субкультуры. На основании такой, общей идентичности выстраивается солидарность личностей не только в отношении тех общностей, в которые они входят непосредственно, но и в отношении общества в целом, конституируя его как максимально большую общность. Соответственно, в случае соблюдения этих условий обеспечивается воспроизводство социального порядка, зависящее от личностных факторов, а значит, повышается его устойчивость.

Теперь следует обратиться ко внутренней структуре «большой» общности – и в первую очередь к характеристике общностей, ее составляющих. Последние могут быть определены через доминирующий для их идентичности признак – территорию, на которой они существуют (например, уфимцы, москвичи, россияне), и основную исполняемую ими функцию (например, инженеры, рабочие, чиновники). Соответственно, первые могут быть названы «локальными»

или «территориальными» общностями, а вторые – общностями «профессиональными» или «функциональными».

«Функциональная» общность, представляющая собой своего рода «подобщность» в рамках ранее рассмотренной «большой» общности или общества в целом, складывается как организация людей для исполнения какой-то определенной функции, являясь, по образному выражению А.А. Зиновьева, «клеточкой» общества[64]. Конституирующая ее функция и форма исполнения последней воспринимаются личностями как «естественные», «сами собой разумеющиеся», благодаря чему существование функциональной группы становится образом жизни инкорпорированных в нее людей.

Сложившись, «функциональная» общность самовоспроизводится, становясь относительно самостоятельной и обособленной от породившей ее функции. Она продолжает существовать даже в условиях не только изменения формы исполнения функции, но и некоторое время после упразднении самой функции – утратившая прежние функции общность либо приобретет другие, соответствующие ее образу жизни и культуре, либо через какое-то время распадется, поскольку организованная деятельность в ее рамках теряет смысл, а следовательно, переходят в латентную форму соответствующие ей моменты культуры, стереотипы поведения и качества личности[65].

«Функциональная» общность конституируется четырьмя моментами:

– функциональным, т.е. непосредственной ролью, которую исполняет данная общность в рамках «большой»;

– культурным, т.е. закрепленной в культуре рефлексей над функцией и необходимой для нее системой идеалов, что составляет организационную матрицу;

– социальным, т.е. конкретной организацией взаимодействия людей в рамках функциональной группы;

– личностным, т.е. совокупностью людей, усвоивших культуру, обладающих необходимыми качествами личности, стереотипами поведения и организованно взаимодействующих в процессе исполнения функции.

---

[64] См.: *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. – С. 245–246.

[65] См.: *Матвеева Н.А.* Социальная инерция. К определению понятия // Социологические исследования. – 2004. – № 4. – С. 15–23.

По всем этим моментам можно провести аналогию между «функциональной» и «большой» общностями. Различия между ними носят характер степени сложности и масштаба функциональной и социальной структуры:

– во-первых, для функциональной общности исполнение ее функции выступает целью, для реализации которой решается ряд более частных задач – подфункций; аналогично исполнение всякой функции в рамках «большой» общности преследует одну цель – обеспечение существования и развития последней как целого;

– во-вторых, всякая функциональная группа имеет внутреннее членение на подгруппы, соответствующее совокупности исполняемых подфункций и составляющее иерархию; аналогично социальная организация «большой» общности представляет собой иерархию функциональных групп;

– в-третьих, по отношению к культуре и личности аналогия выстраивается по признаку «своего»: чтобы быть членом «большой» общности, человек должен обладать соответствующими качествами личности и стереотипами поведения, формирующимися при усвоении общей культуры.

Таким образом, рассуждения, касавшиеся «функциональной» общности, можно распространить и на другие типы общностей, «локальную» и «большую». Локальная идентичность «собирает» локальную общность, в рамках которой протекает конкретная жизнедеятельность людей – складывается стереотип поведения, происходит организованное взаимодействие, воспроизводится культура, причем всякий член «большой» общности тем или иным образом вписан в определенную общность локальную. Функциональная идентичность «собирает» общности профессиональные, которые, с одной стороны, внутренне структурируют и организуют локальные общности, а с другой – образуют транслокальные общности, выстраивая тем самым структуру «большой» общности и организованное взаимодействие в ней. Организационная идентичность, закрепляя иерархический порядок «большой» общности, определяет принадлежность личности к последней как к организованному целому и характеризует конкретные место и роль личности в отношении общности. В таком случае организационную идентичность логично назвать социальной. Наконец, культурная идентичность, фиксируя качества личности, стереотип взаимодействия и взаимообщения, определяет

принадлежность к «большой» общности как к целому, а не только к ее организованному порядку (немец на русской службе не станет русским, пока не примет русскую культуру, не «обрусеет»).

Совокупность этих идентичностей «собирает» людей в «большую» организованную общность, способную к самостоятельному существованию и саморазвитию, и в первую очередь люди идентифицируют себя с ней как с целым, по отношению к которому совокупность их частных идентичностей носит вторичный, производный характер, необходимый для установления внутренней субординации в рамках этого целого. Причем эта «общая» идентичность не выводится из одной из частных идентичностей – поскольку каждая из них отвечает за свой аспект существования общности. Не выводится она и из их совокупности, поскольку частные аспекты разнонаправлены и в этом смысле «равны» друг перед другом, а следовательно, должно быть нечто, объединяющее их и согласующее друг с другом – общая идентичность, фиксирующая соотнесенность с общностью вне зависимости от принадлежности к субобщностям, к элементам ее внутреннего деления и даже к качественной (культурной) ее определенности. Однако сама по себе эта соотнесенность, будучи максимально абстрактной и общей, пуста, и содержательно определяется всей совокупностью идентичностей, актуальных для «большой» общности.

Сочетание обобщающей идентичности с «большой» общностью и ее содержательных признаков слагается из экзистенциального переживания общности составляющими ее личностями и рефлексии над этими переживаниями и выступает основой солидарности со всеми членами «большой» общности. Экзистенциальное переживание, в свою очередь, складывается из переживания общности с ближним окружением личности (областью ее непосредственных контактов) и с «большим» окружением, т.е. с членами общности, непосредственно в общении не данными. Последние в этом случае предстают не как конкретные люди, но в виде стереотипов личностей, зафиксированных в культуре как идеалы «своих». Эти переживания, являясь внутренним состоянием личностей, проявляются в специфических формах поведения, реактуализирующих состояние общности, или ритуалов. Рефлексия над переживанием общности, таким образом, складывается из этих моментов – рефлексии над общностью с конкретными («ближними») людьми, над культурными идеалами и над ритуалами, посредством которых общность реактуализируется.

Результат этой рефлексии и будет выступать содержанием, фиксируемым самоназванием, причем существенными чертами, характеризующими этническую идентичность и одновременно сам этнос, будут те элементы социокультурной системы, посредством которых складывается общность, посредством которых она поддерживается в дальнейшем. Этим и определяется конкретный порядок согласования и иерархия ранее рассмотренных идентичностей.

Итак, следует подвести итоги второй главы.

Исходя из рассмотрения нормативных аспектов социальных институтов вскрылась роль и значение культуры в организации согласованного взаимодействия социальных субъектов, а значит, для конституирования социальной системы и ее устойчивости: через усвоение идеалов культуры и отождествление себя с ними личность формирует свою модель поведения, на основании чего оказывается способна согласованно взаимодействовать с другими личностями, т.е. интегрироваться в социальные объединения. Сами социальные объединения представляют собой социокульурные общности, члены которых на основании общих идеалов и моделей поведения распознают друг в друге «своих» (идентичность), а значит, стремятся к согласованному взаимодействию (солидарность). Такие социокультурные общности и представляют собой коллективные социальные субъекты социальной системы.

В зависимости от того, что именно послужило признаком идентичности, можно выделить локальные, функциональные и этнические общности. Первые определяются, прежде всего, территорией, на которой они существуют, вторые – функциями, которые преимущественно выполняют их члены. Очевидно, что локальная общность структурирована внутри себя на те функциональные общности, которые обеспечивают ее существование. Функциональные общности неизбежно представляют собой иерархию, т.к. иерархичны и порождающие их функции. Локальная общность, таким образом, иерархична по своему устройству.

С другой стороны, функциональные общности имеют привязку не только к данной локальной общности, но и к ряду соседних, а потому выступают каналами взаимодействия между ними и, как следствие, основой их объединения, в результате чего образуется единое социальное пространство социальной системы. Соответственно,

сама социальная система также представляет собой «большую» общность, элементами которой выступает совокупность локальных и иерархия функциональных общностей.

Социальная система, таким образом, представляет собой иерархию социальных общностей, организованную локальными, функциональными и культурными признаками. Устойчивость социальной системы в этом аспекте определяется идентичностью и солидарностью: чем более выражены, отрефлексированы и согласованы друг с другом идентичности общностей, тем больше солидарность их членов и, следовательно, тем более согласовано их взаимодействие.

Теперь следует обратиться к структурным и динамическим аспектам устойчивости социальных систем.

ГЛАВА 3

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА УСТОЙЧИВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Итак, выше были разобраны наиболее общие аспекты общества как самостоятельной социальной системы, структура которой образуется взаимным наложением функциональной, институциональной и организационной матриц, а элементами выступают локальные и функциональные социокультурные общности различного порядка. Очевидно, что динамика соотношения общностей друг к другу составляет содержание социального процесса в целом, и устойчивость социальной системы проявляется в сохранении общего порядка этого соотношения в различных ситуациях. Тем не менее такое рассмотрение социальной системы представляется слишком абстрактным, а потому требуется конкретизация как понимания структуры и элементов системы, так и ее динамики: следует, во-первых, выявить специфику типов общностей в зависимости от их преимущественных функций в рамках системы; во-вторых, проанализировать общее устройство функциональных групп системы, поскольку именно их деятельностью определяется направленность социальных процессов; наконец, в-третьих, необходимо выявить общие факторы, определяющие динамику социальной системы, и проследить их действие на ее элементы.

Рассмотрим подробнее сферы общества – экономическую, политическую и культурную.

Начать стоит с экономической сферы. В ее рамках происходит жизнеобеспечение общества, организованное удовлетворение материальных его потребностей – через производство, распределение и потребление благ. Для обеспечения этого процесса создаются или согласовываются уже существующие институты – производящие (сельские хозяйства, заводы, мастерские и т.п.), распределяющие (рынки, магазины, торговые предприятия и т.п.) и согласовывающие их между собой институты финансовые. Потребление происходит

двояко – через «конечных потребителей», где готовый продукт используется по своему назначению, или через «промежуточных потребителей», где продукт используется для дальнейшего производства. В первом случае блага выводятся из экономической сферы, вливаясь в техническую инфраструктуру других институтов, во втором – остаются внутри нее.

В зависимости от доминирующей функции в рамках экономической сферы общества – производственной, распределяющей или финансовой – различается и логика действий коллективных субъектов этой сферы, их устройство и общая динамика сферы.

В рамках политической сферы происходит организация всех социальных институтов в единое целое общества: «благодаря политической организации получают выражение и оформление сознание и воля симфонического субъекта, а сам он приобретает действительное личное бытие»[66]. Кроме того, в рамках политической сферы осуществляется управление этим целым в двух аспектах: а) воспроизводства организации и единства целого и б) развитие его, приспособление к наличным, внутренним и внешним обстоятельствам. Основным институтом политической сферы выступает государство, аппарат которого обеспечивает проведение в жизнь всех политических решений и выступает основанием единства социального целого. Социальные институты и организации согласовываются между собой законодательством, закрепляющим все формальные отношения между социальными субъектами, их важность, порядок взаимодействия и т.п. Конечно, помимо этих отношений возникают и другие – по аналогии с «неформальными» отношениями в организации, однако они носят характер временный и ситуативный, характер же должного отражается именно в отношениях, установленных законом. Всякая социальная группа, общность и т.п., помимо своих непосредственных функций, имеет еще и политическое выражение, поскольку в ней выражаются принципы организации общества, формируется «групповое» мнение и т.д., которые должны быть так или иначе согласованы с целым. Это согласование производится также через соответствующие компоненты государственного аппарата в установленном законом

[66] *Карсавин Л.П.* Философия истории. – С. 190–191.

порядке. Вместе эти компоненты составляют политическую систему общества.

Социальная сфера культуры представляет собой совокупность институтов, обеспечивающих существование и функционирование культуры как системы идеалов. При этом, как уже отмечалось выше, решаются проблемы рефлексии над системой идеалов, адекватного ее выражения в «текстах» и создания условий для усвоения этих текстов людьми, членами общества. Формирование культурных идеалов – сложный диалектический процесс, связанный с единством социальной практики, сознания и культуры, рефлексия над ними осуществляется постоянно, среди всех слоев общества, однако всегда существует специальный корпус лиц, для которого эта рефлексия выступает своего рода «профессиональной деятельностью». К ним относятся, например, монашество и священство, разного рода творческие деятели (ученые, писатели, поэты), философы, моралисты и т.п. Результат этой рефлексии выражается в соответствующих «текстах», из которых затем и раскрывается смысл идеалов остальными членами общества. Как уже указывалось, система идеалов культуры тесно связана со структурой социальной системы, поэтому «тексты» должны правильно выражать существующую систему идеалов, быть адекватными ей (еще раз стоит напомнить, что идеалы не существуют вне раскрывающих их «текстов»). Именно раскрытием в «текстах» определяются отношения между идеалами, задается структура их системы – по аналогии с социальной структурой. Кроме того, «тексты» должны обладать определенным авторитетом, чтобы оказывать существенное влияние на деятельность и поведение людей, членов общества. Наконец, сводимые в систему тексты организованы в институты культуры, которые также должны быть согласованы в систему.

Конкретную форму согласования культурных институтов, непосредственно оформляющую данную социальную структуру, имеет смысл назвать традицией данного общества, понимая под ней особый институт передачи и раскрытия смысла культуры, что выступает основой ее воспроизводства. С точки зрения социального порядка и деятельности членов общества, «традиция… есть система целевых и нормативных антропологических (мировоззренческих и ментальных) представлений и установок, объективированная в ритуале, опосредованная культурой народа, выражающая сущностное ядро

человеческого существования и мотивирующая деятельность и поведение людей»[67].

Таким образом, социальная сфера культуры представляет собой комплекс из институтов, обеспечивающих: а) непосредственную коммуникацию между членами общества; б) существование и распространение «текстов» культуры; в) культурную рефлексию и формирование «текстов». Конкретные организационные формы этого комплекса, разумеется, различаются в каждом обществе (например, организация интеллигенции в виде союзов писателей, кинематографистов и т.п., структура Академии наук в СССР значительно отличается от ее организации в Российской империи и в США), однако так или иначе они складываются в ходе становления всей социальной системы.

Три рассмотренные сферы общества тесно друг с другом переплетаются, вместе составляя живую целостность социальной системы, структура которой «состоит из институализированных стандартов нормативной культуры»[68]. Однако социальные институты одной сферы не переходят в институты иных сфер, поскольку различение их носит функциональный и качественный характер: как отмечает Л.П. Карсавин, субъект «может качествовать только по-своему и не может качествовать чужими качествованиями»[69]. Так, если для обеспечения политических функций (например, обороны) требуется производство вооружения, то создаваемые для этого заводы не становятся компонентами политической системы, они становятся политически важными экономическими организациями. И наоборот, институты экономические не переходят в институты политические, например, собственники в буржуазном обществе становятся политическими деятелями не сами по себе как собственники, а лишь постольку, поскольку их собственность трансформируется через специальные институты в политическое влияние. Если же смешение сфер происходит, это приводит к ослаблению обеспеченности функций институтов, примером чему выступает современный шоу-бизнес: культурный процесс становится придатком процесса

[67] *Андреев А.П., Селиванов А.И.* Русская традиция. – М., 2004. – С. 65.

[68] *Парсонс Т.* Функциональная теория изменения // Парсонс Т. О структуре социального действия… – С. 703.

[69] *Карсавин Л.П.* Философия истории. – С. 161–162.

экономического, в результате чего значительно страдает качество и адекватность культуре «текстов». Весьма подробный разбор причин и следствий глубоко зашедшего такого сведения всех сфер общества на одну, экономическую, дал Г. Маркузе[70].

Рассмотрим организационную сторону самих социальных институтов.

Социальный институт реализуется в более или менее упорядоченной совокупности организаций, решающих частные задачи, совокупная деятельность которых, как рассматривалось выше, и приводит к исполнению социальной функции института. Так, институт образования реализуется в системе образования – от соответствующих министерств до конкретных школ, обеспечивающих направление, качество и непрерывность подготовки членов общества к исполнению ими своих ролей.

В организации можно выделить три аспекта – организационные формы, организуемых людей и организованную деятельность. Первый аспект определяет структуру организации, отношения внутри нее и с другими организациями. Второй – состав непосредственно вступающих во взаимодействие людей, членов общества, без чего отношения, как указывалось ранее, не возникают. Поскольку люди в этом случае рассматриваются, с одной стороны, не во всей своей полноте, а с другой – не в отношении только своей деятельности, но в отношении исполняемой ими функции, уместно назвать их функционерами данной организации. Наконец, третий аспект выражает процессуальное и функциональное значение организации, ее роль в рамках «своего» института и всей социальной системы. В этом смысле организация воспроизводит форму всего общества на более низком уровне, специфически выражая его качества и качества «своего» института. По терминологии Л.П. Карсавина, организация, таким образом, выступает «коллективной исторической индивидуальностью» или «симфонической личностью» меньшего порядка.

Организационные формы включают в себя все отношения между функционерами, возникающие при их взаимодействии в рамках организации. При этом социальные роли и статусы закрепляются,

[70] *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. – М., 2002. – 526 с.

приобретая характер обязанностей, налагаемых на функционеров, и прав, для этого предоставляемых. Совокупность прав и обязанностей определяет должность функционера в рамках своей организации, что выступает основанием для координации совокупной деятельности организации. В такой системе отношений предполагается наличие определенных знаний, умений и навыков, обеспечивающих эффективность деятельности функционеров, без чего функция не может быть выполнена. Обладание такими знаниями, навыками и умениями, характер их применения и личные качества функционера, соответствующие должности, выступают основанием для авторитета и значения данного функционера в общей иерархии, поэтому система должностей служит также средством субординации функционеров не только в рамках «своей» организации, но и в обществе вообще. Вместе система должностей, прав и обязанностей составляет функциональный компонент организационной формы организации (А.А. Зиновьев называет его «деловым аспектом клеточек общества»[71]).

Однако помимо профессиональных, функциональных отношений всегда складываются отношения «неформальные» (Зиновьев называет его «коммунальным аспектом»[72]), возникающие из личных связей функционеров, их авторитета и т.п. Такие «неформальные» отношения, в зависимости от своего характера, либо способствуют улучшению функционирования организации, обеспечивая дополнительные каналы близких отношений функционеров (например, уже упоминавшееся – уважение к авторитету, опыту и т.п.), либо наоборот, препятствуют, в случае если нарушают должный порядок их взаимодействия (это лежит, например, в основе феномена коррупции). Однако «неформальные» отношения все же стоит включать в организационную форму института, поскольку они в любом случае возникают и влияют на его функционирование, составляя общий настрой – «дух» или «атмосферу» данной организации[73].

В связи с этим уместно выделить особый компонент организационной формы, на который опирается компонент функциональный. Этот компонент включает типичные отношения между

---

[71] *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. – М., 2006. – С. 229–230.

[72] См.: *Зиновьев А.А.* Указ.соч. – С. 232–242.

[73] См.: *Алексеев Н.Н.* Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Русский народ и государство. – С. 503.

иерархическими уровнями организаций и внутри них, не связанные непосредственно с исполнением обязанностей, например, отношения начальства и подчиненных, начальников между собой и т.п. Если обязанности функционеров определяются, исходя из решаемой в рамках функционирования задачи, то отношения, о которых идет речь, носят нравственный характер, т.е. они определены этическими идеалами культуры, поэтому этот компонент можно назвать этическим. Именно он обеспечивает общие основы и формы организованного взаимодействия функционеров, определяя общие цели, нормы и формы, во исполнение которых эта деятельность производится. Так, вооруженные силы наиболее ярко и наглядно демонстрируют оба эти компонента: должности офицеров составляют четкую иерархию, опирающуюся на определенное понимание долга – защиты Родины, субординации, дисциплины и т.п.

Организуемые таким образом функционеры представляют собой «соборную личность» коллектива, его «иерархическое многоединство», в рамках которого каждый из них выполняет свою часть общей задачи, определенную обязанностями, из чего складывается совокупная деятельность организации. Такой коллектив внутренне не однороден, но структурирован функционально определенной системой должностей, составляющих иерархию – если есть обязанности руководства и исполнения, значит, есть субординация, значит, есть и иерархия. В то же время эта иерархия не отрывает функционеров друг от друга, но наоборот, связывает их в жесткую схему руководства, подчинения и деятельности, создавая тем самым возможность упорядоченного взаимодействия, составляющего функциональную основу единства. В этой связи, например, Л.П. Карсавин замечает: «Распад соборных личностей знаменует собою не рост социального общения, а его умаление… поскольку всякая соборная личность эгоистически замыкается в себе и… хочет господствовать над другими… [что] приводит к их распаду и перерождению общества в простую совокупность эгоистических индивидов, к индивидуалистическому анархизму»[74]. Такой коллектив и представляет собой «ячейку общества», поскольку воспроизводит конституирующие общество отношения, непосредственно определяет деятельность членов обще-

[74] *Карсавин Л.П.* Основы политики... – М., 1993. – С. 188.

ства и выступает устойчивым их объединением или функциональной общностью, как она рассматривалась выше. Наконец, из совокупности коллективов складывается своего рода каркас социальной реальности, обеспечивающий существование и функционирование социальной системы, поверх которого наслаиваются все остальные общности данного общества.

Различие функций в организациях, сопряженное с уровнями иерархии ее функционеров, дает наиболее общие основания для стратификации членов общества. В социологии распространено выделение трех слоев или классов общества, однако критерии их выделения представляются хотя и верными типологически, но методологически не вполне правильными – участие во власти, престиж, богатство и т.п., влияя на образ жизни, ценностные установки и т.д. социальных страт, тем не менее представляют собой вторичные параметры, зависимые от общего места страты, группы и личности в социальной структуре, и изменяются в случае изменения этого места. Так, юристы, несомненно, в «правовом обществе» представляют собой довольно привилегированный слой, однако в обществах, меньше уделяющих внимание юридическим вопросам, это не более чем одна из обслуживающих государственный аппарат групп.

Именно исходя из этих соображений выделение страт общества на основе выполняемых функций представляется более оправданным. Рассмотрим такие страты или слои. Первым можно выделить руководящий слой, с одной стороны, обладающий возможной полнотой информации об обществе и окружающей его среде, на основании чего формируются решения, ставятся цели и определяется общий ход функционирования социальной системы, а с другой – персональный состав, который прошел многоступенчатый отбор по различным критериям – деловым, личным, идейным и т.п., а значит, обладает определенным достаточно высоким уровнем развития. Второй – слой управленческий, обеспечивающий достижение поставленных целей, который занимается организацией других членов общества для этого, ставит и решает задачи, исходя из выданных целей, и т.п. В рамках этого слоя происходит работа по непосредственному согласованию социальных субъектов, а также вышеуказанный отбор членов в руководящий слой. Наконец, третий слой, который занят непосредственным исполнением решений под руководством

вышестоящих функционеров, в рамках которого осуществляется основная часть социальной деятельности. Эти слои выделяются во всех сферах общества, сводясь в общую для социальной системы иерархию, обеспечивающую ее организованное единство как через непосредственные отношения руководства и подчинения, так и через отношения субординации, авторитета и т.п. Они могут быть более или менее замкнуты или открыты, но всегда отличаются своей относительно самостоятельной субкультурой и внутренней согласованностью, т.е. представляют собой специфическую социокультурную общность[75].

Такой слой евразийцы называли «ведущим» или «правящим». Он присутствует уже в самых «примитивных государствообразных обществах», где «можно наблюдать зачатки политического расслоения на управляемых и управляющих, можно наблюдать, следовательно, присутствие правящего слоя»[76], например, в случае геронтократии или власти шаманов.

Как носитель идеалов культуры и общества, ведущий слой не просто управляет обществом – он является «идейным и фактическим представителем культуры [данного общества], выражает определенную ее стадию и «задает тон» эпохе»[77], на чем и держится его власть. Алексеев даже усиливает формулировку: «Вообще, все, что было сделано различными культурами, выполнено было при помощи духовных сил правящих классов», управляемые были «исполнителем чужих заданий», и если участвовали в культурном творчестве, то лишь в индивидуальном порядке, «путем просачивания в правящий слой и путем приобретения его привычек, навыков, быта»[78]. С этим можно, разумеется, согласиться лишь отчасти – в смысле «высших достижений культуры», но никак не в плане «культуры вообще», поскольку культурный процесс протекает в рамках всего общества и в каждой

[75] См. например: *Ашин Г.К.* Формы рекрутирования элит // Общественные науки и современность. – 1998. – №3. – С. 85–97.

[76] *Алексеев Н.Н.* Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Русский народ и государство. – М., 1998. – С. 469. Алексеев постоянно использует оба термина – ведущий и правящий слой. Понятие правящей группы вводится особо.

[77] Там же. – С. 488.

[78] Там же.

социальной общности обладает своей спецификой, определяемой функциональными, иерархическими и локальными условиями их существования. По сути, Н.Н. Алексеев обращает внимание лишь на один из аспектов воспроизводства культуры – трансляцию содержания доминирующей субкультуры всем остальным.

Для исполнения конкретных функций и решения конкретных задач правящий слой, например в государстве, создает «специальный подбор лиц, которые заполняли государственный аппарат с верхов его до низов. Ответственные посты занимались обыкновенно самими членами правящего слоя, а для менее ответственных создавались кадры наемников, служащих, специалистов»[79], составляющих, собственно, бюрократию различного рода. Этот «подбор лиц» или правящая группа, распоряжаясь социальными отношениями, сложившимися в различных сферах общества, образует или поддерживает некоторое постоянное «общественное состояние». При этом в общественном целом, основанном на власти и подчинении, образуется определенная «психическая атмосфера», проявляющаяся в ряде поступков и действий – Алексеев называет ее «властный статус» или «совокупность различных действительных отношений», позволяющая достигать определенные цели, вызывать одни факты и подавлять другие и составляющая «внутреннюю мощь» государства.

Вся совокупность организационных форм социальных групп и характеристик выделяемых общностей составляет наиболее наглядную для человека часть социальной структуры, непосредственно определяя систему координат, в которой протекает вся его жизнь.

Таким образом, была проанализорована организация социальной системы. Она представляет собой иерархию социокультурных общностей, в которой низшие уровни выражают и раскрывают высшие уровни, а высшие уровни выражаются и раскрываются в низших. Совместно они составляют целостность общества и служат основанием его организационных форм, организуемых его членов и организованного взаимодействия последних. Это иерархическое строение, как показывалось выше, выразил Т. Парсонс: «…То, что мы называем структурными свойствами единиц на одном уровне, на следующем становятся стандартами отношений, которые

[79] Там же.

упорядочивают эти отношения. Последние, в свою очередь, представляют свойства более мелких единиц, составляющих этот уровень»[80]. Следует отметить близость такого структурно-функционального представления о порядке социальной структуры положениям Л.П. Карсавина относительно перехода качеств высшей личности в качествования личностей низших. С точки зрения исследуемой темы, здесь представляет интерес не вся социальная система в целом, но лишь ее часть, а именно ее организационные формы, поскольку именно они определяют взаимодействие социальных субъектов, а значит, и ее структуру.

Низшие уровни организационных форм характеризует конкретная функциональная направленность, что не позволяет распространять их на иные функции и социальные формы – они существуют «здесь и сейчас», и изменение условий приводит к их изменениям, мало заметным с точки зрения функционирования социальной системы. Так, появление новых технических средств (скажем, электросварки в кораблестроении) привело к исчезновению ряда профессий (скажем, клепальщиков бортовой обшивки), но не вызвало разрушения отрасли или хозяйственной системы в целом, хотя сами изменения эти, в зависимости от социальной системы, могут быть более или менее болезненными.

Нарушение же принципов высших или, точнее, более общих форм приводит к состоянию дисфункции социальной системы, что грозит обществу серьезными затруднениями или даже гибелью – распаду организованной социальной целостности. Так, нарушение субординации в армии приводит к распаду ее как организованной вооруженной силы даже при сохранении того же количества бойцов и командиров. И наоборот, при сохранении организации даже сильно ослабленные войска сохраняют боеспособность, а главное – способны к самостоятельному восстановлению, сохранению опыта и т.п. при пополнении. Разумеется, общество – не армия, и многие процессы в нем не требуют такой жесткой организационной формы, но схожие примеры можно найти и здесь. Например, как пишет С.Г. Кара-Мурза, советское хозяйство было способно вынести тяжелые условия Великой Отечественной войны и превзойти по

[80] *Парсонс Т.* Функциональная теория изменения // Парсонс Т. О структуре социального действия... С. 703.

своей эффективности все хозяйство Европы (и даже не испытало неизбежный в условиях последней «кризис перепроизводства» военной продукции). Но реформы, изменившие несколько положений в его организационных формах (ввод свободного обналичивания рубля и разрешение на свободную внешнюю торговлю) сразу привели к коллапсу всей системы[81].

Указанные два момента – регламентации форм иерархического взаимодействия функционеров и иерархического согласования социальных организаций, можно назвать компонентами социального порядка. Они аналогичны, соответственно, этическому и функциональному компонентам организационной формы, как она описана выше, но относятся не к конкретной организации, а ко всему обществу, обеспечивая его единство и существование. Первый компонент организует непосредственные отношения людей в отношения социальные (именно они раскладываются на роли и статусы), второй – отношения уже социальных общностей в социальную целостность (они носят характер законов и морали в узком смысле). Оба компонента организованы в специализированные единства, которые и выступают институтами общества, определяя его организационную матрицу.

Теперь необходимо перейти к рассмотрению социального процесса.

Социальный процесс – третий аспект социального целого, это организованное социальными формами взаимодействие членов общества. Всякое действие, всякое поведение человека в обществе регламентировано нормами организационных форм, формально выраженными (например, устав общества) или просто понимаемыми исходя из определяющих идеалов (например, обычай). Однако нормы, цели и ценности не существуют без своего выражения в деятельности людей – в этом случае они довольно быстро утрачиваются, точнее, заменяются теми, которыми такая деятельность действительно руководствуется. В этом смысле можно выделить в деятельности два момента – это непосредственный практический результат, ради которого она производится, и утверждение организующего ее идеала через ее форму. Оба эти момента проявляются в различной степени во всякой возможной деятельности.

---

[81] См.: *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. – С. 308–324.

В наибольшей степени они проявляются в ритуалах и ритуалоподобных практиках, имеющих своей целью непосредственно воспроизвести саму «чистую» организационную форму, что не означает отсутствие практической цели. «Ритуал включает в себя как символизм, так и сакральность. Элемент сакральности не позволяет свести акт к обыденному утилитарному расчету выгод, поскольку при этом он перестал бы быть сакральным… Символический элемент, в особенности в той мере, в которой он включается в отношения целей и средств, приводит к тому, что рациональный критицизм по отношению к нему становится в высшей степени нежелательным… [и] невозможно применить такого рода критицизм»[82]. Этим и обеспечивается четкость и адекватность выражения идеала на практике. Так, ритуальное перемещение по дворцу императора в Китае утверждает связь государственного порядка с порядком небесным, без чего жизнь невозможна. Ведь «правитель рассматривался как средоточие космических сил, фокус мирового круговорота; он был призван выполнять миссию благоустроения Вселенной… [государь] направлял движение всего мира до последней его частицы и был настоящим «подателем жизни» для всех существ»[83]. Поэтому и практический смысл в ритуалах государя насущен и необходим. Тот же, ритуальный, момент исследовал М. Элиаде в отношении возведения на трон индийских раджей и египетских фараонов[84].

В наименьшей степени эти моменты проявлены в деятельности обыденной, имеющей своей целью, как правило, просто практический результат. Но, поскольку этот результат достижим в определенном социальном контексте, организационная форма и ее идеал в такой деятельности необходимо утверждается. Например, переходя через улицу сообразно установленным дорожным знакам и сигналам, люди, достигая практического результата, исполняют правила дорожного движения и тем самым утверждают сам принцип регламентации жизни такого рода правилами.

Такое отношение деятельности и организующих ее идеалов можно описать с помощью категории становления, как она определена

[82] *Парсонс Т.* Структура социального действия ... // Парсонс Т. О структуре... С. 198–199.

[83] См.: *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. – С. 105–106.

[84] См.: *Элиаде М.* Аспекты мифа. – С. 43–45.

у Л.П. Карсавина – становление низшего момента-индивидуальности в выражении качествований высшего[85]: человеческая личность возникает и формируется через восприятие и выражение идеалов, качествований культуры; «коллективная историческая индивидуальность» формируется как согласование становящихся таким образом личностей на основании организационных форм – также качествований культуры (они и составляют «преимущественное качествование» такой, уже соборной личности); наконец, общество в целом согласуется на основании форм социального порядка. Сам процесс такого согласования и выступает становлением социального целого в выражении качествований своей культуры, становлением социальных форм.

Социальный процесс, таким образом, воспроизводит уже существующие организационные формы. Однако жизнь общества не представляет собой чего-то постоянного, она представляет собой изменение социальных отношений, социальных форм, социальных субъектов. Даже само воспроизводство организационных форм институтов не предполагает полного и точного их повторения, поскольку воспроизводство это определяется личностью вступающих во взаимодействие людей, каждая из которых специфически понимает идеалы и формы их реализации, о чем уже говорилось выше. Помимо этого существует еще и процесс изменения самих институтов и организационных форм[86]. Необходимо остановиться на нем подробнее.

Институты имеют функциональный характер – они формируются, когда появляется соответствующая функция, существуют, пока она действенна, и утрачиваются, когда необходимость в ней отпадает. Функция, в свою очередь, обеспечивает потребности общества, возникающие при его формировании и поддерживающие его существование, причем, чем настоятельней потребность, тем четче выражена функция, и соответственно, тем действеннее институт; и наоборот, снижение или отпадение потребности ослабляет функцию по ее обеспечению, что приводит к упразднению соответствующих институтов. Именно это, например, привело к трансформации института

[85] См.: *Карсавин Л.П.* Философия истории. П. 37. – С. 198–201.

[86] См.: *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структурации. – М.: Академический проект, 2003. – 528 с.

семьи: большая патриархальная семья была «ячейкой» аграрного общества, жестко вписанной в социальный строй и выполняющей хозяйственные, культурные и даже административные (поскольку была податной единицей и т.п.) функции[87]. Трансформация социальной структуры, вызванная переходом от сословной организации аграрного общества к обществу индустриальному и городскому, сняло с семьи весь набор функций, и уже к середине 50-х годов XX века патриархальная семья преобразовалась в нуклеарную[88].

Потребности общества имеют двоякий характер – с одной стороны, они определяются социальным строем общества, его внутренним состоянием, с другой – исходят из условий его существования, к которым так или иначе общество вынуждено приспосабливаться. Причем, поскольку внутренняя структура общества определяется функциями, формирующимися в процессе адаптации к условиям существования, внешняя сторона потребностей первична по отношению ко внутренней.

Ко внешним условиям существования общества можно отнести факторы географические и исторические, определяющие, соответственно, общие основания и конкретные формы социальной системы. Географические факторы действуют постоянно, определяя среду, из которой извлекаются средства для жизни и которая составляет основной фон самой жизни, поэтому их справедливо рассматривают как первичные по отношению к остальным (это составляет основу геополитики, специфической социальной науки). Л.П. Карсавин называл общество «частью человечества, проживающей на данной территории... Так, субъектом античной культуры… является человечество, жившее в бассейне Средиземноморья и преимущественно индивидуализировавшееся в греческом и римском народах»[89]. Это выступало основанием учения о «месторазвитии» обществ, развивавшегося П.Н. Савицким и Н.Н. Алексеевым в рамках движения евразийцев, к которому принадлежал и Карсавин. Согласно этому учению, общества являются «родами «общежитий», строящихся на основе генетических вековечных связей между растительным, жи-

[87] См.: *Домников С.Д.* Мать-земля… – С. 164–167, 393–403.

[88] См. также разбор изменения института семьи: *Парсонс Т.* Функциональная теория изменения // Парсонс Т. О структуре… – С. 708–715.

[89] *Карсавин Л.П.* Философия истории. – С. 161.

вотным и минеральным царствами, с одной стороны, человеком, его бытом и даже духовным миром, с другой»[90]. В этих «общежитиях» элементы взаимно приспособлены друг к другу и… находятся под влиянием внешней среды… и в свою очередь влияют на внешнюю среду. Такое приспособление создает «свой порядок, свою гармонию, свою устойчивость»[91], причем «общежитие» – общество и территория – немыслимы друг без друга, составляя «образ жизни социально-исторической среды»[92]. Следует проследить процесс приспособления общества к своему «месторазвитию».

Географическая среда, или месторазвитие, влияет на общественное устройство ресурсами, в нем заключенными[93], и организацией своего пространства – ландшафтом. Всякое общество для своего существования решает проблему своего жизнеобеспечения, для чего использует ресурсы своего месторазвития, приспосабливая к ним свою хозяйственную систему и определяя функции, для исполнения которых и формируются соответствующие институты. Использование ресурсов обществом зависит от его технической сферы – совокупности средств и способов добычи ресурсов, их обработки и производства благ. Так, пустынные районы Аравийского полуострова, за редким исключением, не представляли собой области, пригодные для жизни и хозяйственного использования, пока не появились промышленность и транспорт, для работы которых потребовалась нефть, найденная в этих районах.

Техническая система общества, организующая использование ресурсов его месторазвития, для своего применения требует определенного взаимодействия специально для этого подготовленных людей. Это, в свою очередь, выступает основанием формирования соответствующих организаций, а также системы «подготовки специалистов», что в совокупности приводит к образованию социальных институтов. Причем, поскольку в хозяйственную деятельность вовлечена, как правило, значительная часть членов общества, а образование и «общественная жизнь», как показывалось выше, выступают

---

[90] *Алексеев Н.Н.* Современное положение… – С. 407.

[91] Там же.

[92] Там же. – С. 407–408.

[93] Или, как писал Н.Н. Алексеев, «особенностями материи, составляющей «месторазвитие» // Там же. – С. 408.

основой для формирования и существования человека и человеческой личности, можно сказать, что эта система институтов, первоначально чисто экономических, выступает основанием и «матрицей» всей социальной системы, по образцу которой складываются остальные, наиболее общие социальные отношения[94].

Помимо такого, утилитарного, значения месторазвитие представляет собой также и постоянный фон, на котором разворачивается жизнь общества. В связи с этим месторазвитие выступает еще и как особое основание для рефлексии членов общества, влияние на которую оказывают не столько наличные ресурсы, сколько особая организация пространства[95]. Причем рефлексия эта, как говорилось выше, осуществляется всеми членами общества и происходит постоянно и над самим месторазвитием, и над социальными формами приспособления к нему, и над самим социальным процессом, в этих формах протекающем. В результате нее возникает культура: формируется система идеалов и складывается комплекс культурных «текстов», эти идеалы раскрывающих, выражающая и закрепляющая строй социальной системы, основные ее роли и статусы, отношения, ее иерархию и т.п. Затем в рамках этой системы и формируется личность членов общества. Очевидно, что этот процесс сложен и носит диалектический характер – адаптация к среде, формирование личности и культуры происходят одновременно, взаимно обуславливая друг друга.

Складывающаяся таким образом социальная общность объединяется в целостное и единое общество совокупностью специфических институтов, политической системой, устанавливаются определенные отношения между группами и общностями, в рамках которой осуществляется координация их деятельности, и т.п. Характер политической системы также зависит в некоторой степени от месторазвития и опосредованно – через хозяйство и культуру, непосредственно – через характер ландшафта, величину территории и т.д. Первое влияет на общий характер политических форм, определяя специфику отношений господства и подчинения, властвующих и подвластных,

[94] См. подробнее: *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. – М.: ТЕИС, 2000. – 213 с.

[95] См., например, рассуждение о «широких» и «узких» пространствах и об их влиянии на менталитет народов: *Алексеев Н.Н.* Современное положение… – С. 413–414.

а также общее понимание качеств общества («мы – такие») и идентичность с ним. Второе – на ряд конкретных их черт: большое пространство требует и большого государственного аппарата, способного согласовать все находящиеся на месторазвитии социальные группы и общности, а также скоординировать их деятельность. Пространство «узкое», ограниченное зримой преградой (горами, лесными массивами и т.п.), наоборот, такого большого аппарата не требует, но и политические общности большого масштаба оно собрать не позволяет.

Другой принцип организации общностей – континентальный или океанический, раскрывает характер интеграции больших пространств, который Н.Н. Алексеев поясняет на примере Российской и Британской империй[96]: океаническое государство выступает «агломератом» народов различных культур и месторазвитий, объединенным «гегемонией правящей расы», с которой остальные народы не равны и не имеют никаких прав; в континентальном же государстве «различные национальности живут в одном месторазвитии и образуют одно культурное целое или, по крайней мере, находятся на пути к такому образованию», а значит, народы не подавляются, но «входят органической частью» в одно государственное целое.

Вместе такое влияние месторазвития задает определенный строй общества, определенную организацию его жизнедеятельности, которая реализуется в ряде конкретных состояний, позволяющих существовать обществу в данных условиях. Каждое из таких состояний в историческом рассмотрении зависит от предыдущего и влияет на последующее, но все они отвечают одному исходному, сложившемуся, закрепленному в культуре и отвечающему условиям образцу.

Исторический ряд внешних факторов определяет, как уже было сказано, конкретные формы общества. К ним, прежде всего, можно отнести отношения между соседними обществами. Социальные формы определяются не только географической средой, но и влиянием соседей – в военной, культурной, технической и экономической областях, причем это влияние действует совокупно и, как правило, сложно выделить один фактор как определяющий. Так, поражение Российской империи в Крымской войне показало отставание нашей страны в техническом развитии от европейских империй (в вооружении

[96] *Алексеев Н.Н.* Современное положение… С. 417–419.

и транспорте), для преодоления которого потребовалось развитие отечественной промышленности. В свою очередь, развитие промышленности происходило по аналогии с Европой (рыночным путем), что привело к обширным внешним заимствованиям и инвестициям, в результате чего в стране получил большое влияние иностранный капитал, для обеспечения своих интересов влиявший на внутреннюю и внешнюю политику империи. Это, как известно, привело ко вступлению России в Первую мировую войну на стороне Франции и Англии. Кроме того, развитие «капиталистических» отношений у нас вызвало жесткий экономический, политический и культурный кризис[97], завершившийся революцией, в которой боролись две силы – белые, либералы (кадеты) и социалисты (эсеры, меньшевики и т.п.), с одной стороны, и красные, социалисты (большевики) – с другой[98]. Обе силы сформировались под культурным влиянием Запада, действенность которого было обусловлена осознанием Россией своей «отсталости», и решительно порывали как с идейным наследием православного царства, на котором основывалось российское самодержавие, так и с «модернизированными» его вариантами – славянофильством, почвенничеством, черносотенством и т.д.[99] Но при этом нельзя сказать, что именно поражение в войне вызвало всю эту цепочку следствий, и, скажем, в случае победы события могли бы развиваться принципиально иначе. Такие же примеры можно привести и из иных времен и областей – принятие православия Русью или становление Московского царства, формирование сильной княжеской власти в Юго-Восточных княжествах Руси и сохранение «вечевой демократии» в Новгороде[100], падение Западной Римской империи и развитие империи Восточной[101] и т.п.

[97] См.: *Шацилло К.Ф.* От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. – М., 2000.

[98] См.: *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. – М., 2004.

[99] См.: *Кожинов В.В.* Правда сталинских репрессий. – М., 2006.

[100] См. подробнее: *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории / предисловие С.Б. Лаврова, А.С. Лаврова. – М., 2004.

[101] Сравнение гибели Западной Римской империи и становления Византии см.: *Успенский Ф.И.* История Византийской империи Т.1. Период I (до 527 г.). Период II (518–610 гг.). – М., 2001.

Совокупное внешнее воздействие соседей накладывается на уже сформировавшуюся под влиянием географических факторов матрицу социальных отношений и культурных идеалов, вызывая определенную реакцию, которая и выражается в изменении формы социальных организаций. Изменение это может быть сильным или слабым, затрагивать лишь совокупность обязанностей или трансформировать всю систему отношений, в результате чего социальные институты, по сути, изменяются полностью – как произошло в разобранном выше примере.

Однако внешними факторами не ограничиваются истоки изменений, происходящих в обществе, наряду с ними стоит выделять и ряд внутренних факторов, связанных с демографическими и культурными процессами, протекающими в нем.

Демографические процессы связаны, прежде всего, с ростом численности членов общества, что, с одной стороны, увеличивает его «мощь», позволяющую легче выдерживать внешнее давление, проводить экспансию, осваивать территорию и т.п. С другой стороны, это усиливает «демографическое давление» на месторазвитие, поскольку для обеспечения жизни общества требуется больше ресурсов – питания, энергии и т.п. Решением таких проблем выступают либо введение «сберегающих» социальных практик (от нормирования количества детей, как теперь пытаются сделать в Китае, до нормирования объемов потребления), либо интенсивное использование территории (формирование новой технологии, в частности, аграрной, например, внедрение промышленных сельских предприятий – колхозов, ферм и т.п.), либо экстенсивное ее расширение (экспансия, расселение и т.п., что было, в частности, одним из двигателей европейского колониального движения)[102].

Другим фактором демографического процесса выступает фактор смены поколений членов общества, приобретающий свое значение, поскольку социальные институты имеют свое культурное обоснование и социальное выражение. Смена поколений приводит к тому, что новые функционеры организаций в любом случае воспитываются в новых условиях – исторических, технических и т.п., а также по-новому раскрывают содержание культурных идеалов, нормы, цели

[102] См.: *Гидденс Э.* Устроение общества. – С. 351–353.

и ценности которых выражены в этих новых условиях, поэтому и деятельность их в любом случае протекает иначе, нежели у старшего поколения, иначе реализуя функции социальных институтов. Особенную остроту эта проблема приобретает в так называемые «переломные» эпохи, когда действие внешних и внутренних факторов приводит к резким изменениям социальной системы и всего строя общества. Это выражается в феномене «разрыва поколений» или «проблеме отцов и детей», когда строй личности старших и младших поколений теряет свою согласованность, а следовательно, теряется согласованность социальной деятельности и непрерывность культурного процесса, т.е. разрушается социальная форма.

Культурный процесс, проходящий, как говорилось выше, постоянно и в общем определенный свойствами месторазвития, в своих конкретных формах также задается этими историческими и демографическими факторами. Возникающие проблемы: исторические, демографические, технические, в своей связи с общим контекстом, культурными и социальными формами также подвергаются совокупной рефлексии в обществе, некоторым образом преломляясь сквозь призму уже существующей и действенной культуры, входя, таким образом, в содержание культуры, культурных «текстов», что позволяет соответствующим образом изменять социальную практику и социальные институты. Так, демографическое давление на месторазвитие само по себе не приводит к трансформации институтов или появлению новых технических средств – «излишек» людей просто выводится из общества через экспансию, войны, болезни и голод. Над этой проблемой необходима культурная рефлексия (научная или этическая), результаты которой позволяют решать проблемы иными способами – либо созданием новой техники землепользования, либо через изменение идеала семьи и человека и т.п. Внедрение этих новшеств и закрепление их результатов также не происходит само по себе, оно осуществляется через институты, связанные с управлением и развитием общества – государством, религией, искусством, техникой и т.д., и только после того, как такое новшество прочно вошло в культурный оборот, можно сказать, что происходящее изменение обеспечено[103].

[103] См. об обеспечении изменений: *Гидденс Э.* Устроение общества. – С.355–357. Правда, он акцентирует внимание лишь на одном, весьма важном аспекте – на власти.

Помимо этого, в культуре можно выделить процессы, аналогичные смене поколений в обществе. Однажды сформированное раскрытие идеала постоянно реактуализируется в жизни и деятельности членов общества, а потому оно становится частью окружающей действительности и уже в этом качестве подвергается рефлексии со стороны нового поколения культурных деятелей, для которых такая рефлексия представляет род профессиональной деятельности и социальную роль. Результаты такой новой рефлексии также выражаются в соответствующих «текстах», и процесс повторяется. Так происходит воспроизводство и развитие культуры во времени[104].

В своей совокупности действие этих внешних и внутренних факторов определяет направление и содержание изменений, происходящих в социальной системе – состава и характера общностей, институтов, организаций, их функций, строя культуры и личности членов общества.

Происходящие изменения, как правило, затрагивают некоторые частные стороны существования общества, эффект же от них сказывается на всем обществе: изменения, вносимые в организацию, изменяют отношения между ее членами, т.е. касаются уже всего института. В свою очередь, изменения в институте сказываются на всей совокупности отношений, построенных на тех же идеалах, на тех же ролях и статусах, что и институт данный. Изменения затрагивают и характер самих функционеров, их отношения между собой и с окружающими – если от функционера ожидается одна модель поведения, а он придерживается иной, то это сказывается на его авторитете, а значит, на всех отношениях и к функционерам, и к институту в целом. Наконец, изменения социальных институтов и обосновывающих их идеалов затрагивают и существование культуры как целого – аналогично целому социальному: новые тексты и новые модели поведения, закрепленные в них, сказываются на характере всего культурного строя, на иерархии идеалов культуры и ее религии[105].

Здесь необходимо рассмотреть, как социальный процесс сказывается на существовании ведущего слоя общества, поскольку этот слой имеет особенную важность для существования общества.

---

[104] См. о трансформации «систем ценностей» культуры: *Парсонс Т.* Функциональная теория изменений // Парсонс Т. О структуре… – С. 719–720.

[105] См. на примере семьи и местной общины: Там же. – С. 708–715.

Как говорилось выше, ведущий слой образуется в ходе стихийного процесса отбора членов общества, связанного со становлением социальных – властных – отношений. Однако как только сформировалась некоторая обособленная социальная общность, характер процесса меняется, поскольку существование ведущего слоя представляет собой некоторый пограничный процесс, с одной стороны, и сам ведущий слой, и идеалы, носителем которых он выступает, равно как и сознание подвластных, формируются «независимо от сознательной воли социального процесса»[106] под воздействием указанных выше факторов, с другой – «властвование есть не только социальное состояние, но и социальная деятельность»[107], в конкретной обстановке ставящая определенные цели и их осуществляющая, а потому значительно зависящая от «сознательной воли» и ведущего слоя, и его правящей группы, и подвластного народа. В связи с этим Н.Н. Алексеев подчеркивает различие между классовым государством и государством служилым: первое построено на более или менее искусственном соединении отдельных социальных групп, второе – на некоторой изначальной солидарности, на сознании общегосударственного интереса. Поэтому служилые государства более организованы и более приближены к идеалу, поскольку «здесь имеется более шансов к реализации совокупных задач и целей, осуществление которых ведет к наибольшему физическому и духовному усовершенствованию социального целого»[108]. Вопросы образования, природы и организации ведущего слоя жизненно важны, поскольку он формирует идеалы данного общества, без которых последнее существовать не может. В связи с этим Алексеев различает «стихийно возникшие, социально классовые» и «сознательно созданные, служилые» правящие слои[109].

В жизни стихийно возникшего ведущего слоя Алексеев выделяет творческие процессы зарождения и подъема, с одной стороны, и старения и разложения – с другой, т.к. стихийный процесс социального отбора не существует постоянно и неизменно. В период зарождения и развития всякий ведущий слой, даже чисто классовый, питающий

[106] *Алексеев Н.Н.* Современное положение… – С. 587.

[107] Там же.

[108] Там же.

[109] См.: *Алексеев Н.Н.* Современное положение… – С. 469.

эгоистические интересы определенной социальной группы, исполняет свою социальную функцию, с которой перестает справляться в период упадка. Тем не менее «классовый» правящий слой – аристократия, буржуазия – управляет обществом исходя из собственных интересов, отождествляя с ними интересы государства, и «если даже интересы правящего класса выражали интересы государственного целого, то это являло более результатом случайного, стихийного, совпадения, чем сознательных политических намерений»[110]. Это и было распространено сторонниками классовой теории на всякое иное государство и на все времена, однако политическая история знает и совершенно противоположные тенденции – к образованию и служилого государства, в частности, русского, замечает Н.Н. Алексеев. Служилый правящий слой по преимуществу функционален – «отправление известных общественных функций составляет… [его] основную жизненную задачу»[111], в основном государственного служения. «В период вырождения ведущий слой постепенно утрачивает свою функциональную природу, становясь все более и более паразитическим»[112], причем процессы старения ведущего слоя постоянны и связаны с переориентацией его представителей с исполнения социальной функции (пусть и со своей пользой) на достижение чисто своих собственных интересов. «Социальный паразитизм есть признак общественной деградации, а не социального развития», усиливает формулировку Алексеев[113]. Процессы эти корректируются либо постепенным восстановлением ведущего слоя в государстве путем просачивания новых элементов в него, либо «конвульсивным замещением одного правящего слоя другим», поскольку «если означенные процессы подавлены… [государство гибнет]. Если они запаздывают, организм начинает болеть. Малейшее внешнее или внутреннее потрясение может вызвать резкий кризис. Равновесие нарушается, происходит бурный катаклизм, который выносит на поверхность новый правящий отбор», т.е. происходит революция[114].

[110] Там же. – С. 472.

[111] Там же.

[112] Там же. – С. 469.

[113] Там же.

[114] Там же. – С. 470

Исторические факторы могут носить различный характер, но реакция на них реализуется в двух сферах – социальной и культурной, и в зависимости от того, в какой из них будет преимущественно протекать реакция, вокруг одной из них будет складываться общность, и её признаки будут доминировать в идентичности. Например, необходимость сплочения вокруг государства для защиты приводит к укреплению государства, закреплению этого в культуре в ходе рефлексии и доминированию государственных признаков в идентичности и наоборот. Аналогичные процессы протекают и в уже сложившихся «больших» общностях при изменении действующих исторических факторов, тем и определяется динамика существования «большой» общности.

Рассмотрим динамику социальной системы и с точки зрения иерархии ее общностей. Они должны быть согласованы друг с другом, более того, в каждый момент существования «большой» общности они так или иначе согласованы. Если такого согласования нет, но присутствует один из аспектов, то общность находится в неустойчивом состоянии – либо складывается, либо распадается. Динамика «большой» общности – её складывание, существование или распад – основана на экзистенциальном переживании общности составляющими её личностями: она складывается, когда переживание возникает, существует, пока она поддерживается, и распадается, когда оно утрачено. Это переживание может возникнуть под действием тех или иных исторических факторов, предполагающих совместные и продолжительные во времени действия большого числа людей. Возникнув, это переживание рефлексируется, закрепляется в культуре и получает организационное оформление в социальной системе в виде социальных компонентов, обеспечивающих и поддерживающих чувство общности как условия их существования и деятельности (например, в виде празднования особых дат, фиксирующих те или иные значимые для этноса исторические моменты, скажем, Победу в Великой Отечественной войне). Неэффективность этих институтов приводит к утрате чувства общности, а следовательно, к распаду общности.

Следует подвести итоги третьей главы.

Итак, были рассмотрены общие основания и структура социального порядка, его роль в рамках социальной системы и связь с ее компонентами и ее структурой.

Социальный порядок представляет собой совокупность принципов согласования социальных субъектов в социальное целое. Эти принципы представляют собой специфическое приложение или раскрытие идеалов культуры, имеющее нормативный, целевой и ценностный характер, которое относится не к единичному члену общества, но к их совокупности, упорядочивая ее. Упорядоченное на их основании взаимодействие социальных субъектов выступает организационной формой социальных институтов и общества в целом, определяя его структуру. Принципы социального порядка проявляются в совокупности более или менее зафиксированных «правил», устанавливающих формы взаимодействия в рамках социальных организаций – в их организационных формах.

Социальный процесс складывается из двух тенденций – из воспроизводства порядка социальной системы и изменения ее с целью адаптации к условиям существования. Ни та, ни другая тенденция не реализуются в полной мере никогда: невозможно существование полностью неизменного общества, поскольку, по крайней мере, демографические и культурные факторы его изменений действуют постоянно; равно не существует и постоянно изменяющегося общества, поскольку, по крайней мере, действие факторов изменения носит продолженный характер, а следовательно, конституирует определенные его формы. Опять же, по крайней мере, поэтому существование общества представляет собой упорядоченный процесс, в котором есть постоянные и переменные компоненты.

Помимо этого следует сказать, что всякое общество представляет собой упорядоченное взаимодействие своих членов, а потому основа его существования представляет, пусть и относительно, но неизменную форму – иерархию общностей, структурированную на основании функциональных, институциональных и организационных матриц. Соответственно, изменения социальной системы есть изменение такой формы, преследующее своей целью также установить неизменную форму. Наконец, отнюдь не всякое изменение может быть принято обществом, поскольку существование его имеет своей целью, с одной стороны, обеспечение жизнедеятельности своих членов, а с другой – воплощение основных для него идеалов культуры, что и достигается в определенной форме существования общества. Поэтому основная проблема, решаемая обществом в рассматриваемом случае, – проблема своего существования, что требует

согласования формы существования и происходящих изменений, а также понимания, как скажутся такие изменения на жизнедеятельности общества, на функционировании социальной системы в целом.

Форма существования общества не представляет собой нерасчленимой целостности – это определенная иерархия уровней отношений и воспроизводящих их общностей, которые, с одной стороны, могут быть более или менее общими, а с другой – более или менее важными для функционирования социальной системы, благодаря чему такое согласование возможно. Социальный порядок определяет структуру общества, идентичность – наличие его самого, сами же формы социальной системы относятся к ним как явление к сущности. Следовательно, для сохранения социальной формы и принятия изменений необходимо, чтобы не нарушался социальный порядок и новые отношения соответствовали ему, а также, чтобы воспроизводились идентичности и их иерархический строй.

Степень того, насколько социальный порядок позволяет принимать, согласовывать с собой изменения, сохраняя при этом форму общества, определяет устойчивость существования общества.

Другим моментом, определяющим устойчивость социальной системы, выступает идентичность, обуславливающая меру согласования взаимодействия социальных субъектов – личностей и общностей – и являющаяся основой социальных отношений, а также существования общностей как таковых.

Следует обратиться к вопросу обеспечения устойчивости социальной системы с точки зрения порядка и идентичности.

ГЛАВА 4

ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Обеспечение устойчивости социальных систем – важнейшее условие их существования: неустойчивая система стремится к распаду, после которого может сложиться какая-то новая система. Поскольку социальная система существует продолжительное время, обеспечение ее устойчивости в любой из моментов становления тоже продолжено во времени и представляет собой процесс, суть которого в недопущении фатальных для системы изменений. Поскольку изменения социальной системы вызываются различными по характеру внешними и внутренними факторами, обеспечение устойчивости носит характер компенсации их действия, парирования возникающих угроз так, чтобы не нарушилась целостность всей системы, ее структура и элементы-общности.

Поскольку устойчивость социальной системы определяется ее социальным порядком и идентичностью, обеспечение устойчивости направлено преимущественно на их воспроизводство. Однако следует отметить, что это два разных, хотя и действующих совместно, процесса: первый определяет непосредственно деятельностную сторону устойчивости, а второй – мотивационную и целевую, т.е. субъектную ее сторону.

Очевидно, что обеспечение устойчивости является социальной функцией. Специфика ее заключается в ориентированности действий всей системы на ее целое, поэтому, как правило, сама по себе эта функция не имеет отдельного специфического института и организаций, она распределена на все существующие в данный момент институты и общности, встроена в их логику и структуру так, чтобы последние, нормально функционируя, воспроизводили тем самым саму систему.

Тем не менее функция обеспечения устойчивости распределена по общностям, институтам и сферам общества не равномерно,

а в соответствии с их спецификой. Можно выделить несколько подфункций обеспечения устойчивости системы в соответствии с типом и характером угроз.

Во-первых, это парирование оперативных внешних угроз – исторических и географических (например, угроза от соседей или стихийных бедствий). Очевидно, что эта группа подфункций сконцентрирована прежде всего в сфере политической, преимущественно государственного управления. Во-вторых, парирование угроз смены поколений, рассогласования взаимодействий и вырождения или прогресса – эта группа подфункций сконцентрирована прежде всего в рамках культурной сферы. Понятно, что политическая и культурная сферы в решении этих задач не могут быть обособлены, как рассматривалось выше, они концентрируются на своих задачах, попутно помогая решать задачи смежных областей другой сферы.

Рассмотрим механизмы обеспечения устойчивости социальных систем.

Итак, социальный порядок выступает основанием воспроизводства социальной системы, принципами согласования членов общества и социальных субъектов в общество как целое. Соответственно вопрос устойчивости социальной системы в общем виде сводится к вопросу устойчивости социального порядка. Наглядно это проявляется в случае, например, завоевания страны государством иной культуры: завоеватели, если не представляют собой достаточный вес, чтобы утвердить свой порядок, вынуждены приспосабливаться к порядку завоеванной страны, более или менее успешно входя в уже существующую систему. Так, при монгольском завоевании Китая разрушение династией Юань государственной системы империи и отказ от конфуцианских принципов управления привели к почти повсеместному восстанию против монголов и утверждению династии Мин меньше чем через полвека. Установление же маньчжурской династии Цин проходило совершенно иначе: несмотря на ряд привилегий, маньчжуры всячески укрепляли конфуцианскую государственность и культуру, что позволило династии править с середины XVII по начало XX века, сделав Китай мощнейшей страной Восточной Азии. Ослабление Китая проходило под воздействием европейских государств в ходе «опиумных войн» и установления колониальной зависимости, обескровившей империю и доведшей ее до революции, т.е. ослабление шло по мере утраты собственных

оснований под действием внешних исторических факторов[115]. Подобные же факты можно найти в истории и иных цивилизаций, в том числе и нашей. Так, например, М. Элиаде отмечает, что «Индия, хотя и была завоевана и захвачена Александром Македонским, причем это завоевание имело влияние на последующую историю страны, даже не сохранила имени великого завоевателя. Как и другие страны с традиционной культурой, Индия испытывает интерес только к образцовым моделям и парадигматическим событиям, а не к частному и индивидуальному»[116]. В этом случае «существо дела состоит в том, что должна быть установлена новая коллективная структура, внутри которой оба типа единиц («родные» и «иммигрантские», «новые» и «старые», любые несогласованные на данный момент. – *Д.И.*) выполняют существенные функции и от которой они обе могут пользоваться… «поддержкой»[117].

Устойчивость социальных систем определяется сохранением и восстановлением согласованного взаимодействия составляющих ее элементов, коллективных субъектов. Сохранение согласованного взаимодействия предполагает его воспроизводство при изменениях любого масштаба, не вызывающих распада системы, под действием флуктуативных или постоянных и вновь возникших факторов. В случае, если система под действием какого-либо фактора выведена из равновесного состояния, мера ее устойчивости определяется преобладанием интеграционных процессов над дезинтеграционными. Распад системы, как крайний случай неустойчивого состояния, возникает в случае, если действие факторов ею не скомпенсировано и связи оказались разорваны. Соответственно, устойчивость системы в этом случае определяется, во-первых, способностью сохранить составляющие ее элементы, во-вторых, их способностью к образованию нового комплекса отношений, имеющего возможность преодолеть действие разрушивших ее факторов, и, в-третьих, способностью элементов возобновить весь комплекс отношений или значительную его часть, т.е. способностью восстановления социальных связей. Поскольку структурные связи в социальной системе имеют, с одной

[115] См.: *Малявин В.В.* Китайская цивилизация – С. 88–97.

[116] *Элиаде М.* Аспекты мифа. – С.132–133.

[117] *Парсонс Т.* Функциональная теория изменения // Парсонс Т. О структуре… С. 717.

стороны, функциональную природу, а с другой – представляют собой практики субъектов, постольку сохранение и восстановление их обусловлено степенью функциональной взаимозависимости элементов и комплиментарностью конституирующих их социальных практик. То есть чем выше взаимозависимость и комплементарность элементов, тем выше устойчивость социальной системы.

В этом смысле устойчивость социальной системы зависит от распределения комплекса функций по ее элементам – от корреляции функциональной и организационной матриц. Как показывалось выше, для существования системы необходимо, чтобы функции выполнялись все, одновременно, согласованно и в достаточной мере. Необеспеченность одной из функций сказывается на всем их комплексе, рассогласовывая его, а следовательно, на социальной системе в целом. В этом случае ресурсы системы тратятся, помимо собственно исполнения функций, на дополнительное их согласование и решение возникающих конфликтов, а значит, на исполнение как данной функции, так и всех остальных ресурсов остается меньше, в результате чего снижается общая эффективность их исполнения[118].

Более того, само разрешение конфликтов – также социальная функция, которая исполняется определенными элементами и обеспечивается определенным объемом ресурсов. В нормальном состоянии конфликты внутри системы сведены к возможному минимуму, а значит, эта функция также обеспечена минимумом ресурсов, но в случае повышения конфликтов на их подавление и разрешение требуется больше ресурсов. Следовательно, и эта функция становится необеспеченной, в результате чего для нее отвлекаются и так ограниченные ресурсы, а эффективность подавления и разрешения конфликтов падает. Наконец, применяемые для стабилизации меры сами становятся значимым фактором в протекающих в рамках системы процессах. В результате согласование элементов идет не только в рамках ранее существовавшего комплекса отношений, но и с учетом этих факторов, что само по себе перестраивает систему.

Соответственно, чем больше в системе необеспеченных функций, тем больше она концентрируется на разрешении конфликтов,

[118] См., например, анализ проблем финансирования вооруженных сил Российской империи перед Первой мировой войной: *Шацилло К.Ф.* От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. – С. 285–292.

тем больше на это тратится ресурсов. Таким образом, замыкается комплекс разрушающих ее факторов и социальная система переходит в неустойчивое состояние. Следовательно, основной задачей обеспечения устойчивости выступает не столько разрешение конфликтов, сколько организация достаточного обеспечения и контроль исполнения каждой из функций, что блокирует развитие цепи таких конфликтов.

Встает вопрос: от чего зависит обеспечение выполнения функций? Разумеется, абстрактно ответить на него нельзя, однако можно выделить ряд общих причин, с которыми могут быть связаны нарушения обеспечения.

Во-первых, нарушения могут быть связаны с изменениями внешней среды функционирования социальной системы, т.е. с появлением нового внешнего фактора, влияние которого необходимо компенсировать. Война, засуха, технологический скачок и т.п. – на их компенсацию необходимо будут затрачиваться ресурсы, взятые из обеспечения неприоритетных для сохранения системы в целом и компенсации фактора функций. Например, в случае войны приоритетными функциями выступают защита государства, сохранение его управления, материально-техническое, кадровое и другое обеспечение вооруженных сил. Следовательно, именно на выполнение их будут направлены силы и средства всей системы, а функции поддержания гражданского производства, услуг и досуга и т.п. потеряют свою значимость, и доля выделяемых для них ресурсов сократится, а сами функции будут подчинены приоритетным.

Во-вторых, нарушения могут быть связаны с изменением самих функционирующих субъектов. Поскольку исполнение функций происходит в практике социальных субъектов, которая, по сути, представляет собой применение средств для достижения своих целей, в ходе чего и используются ресурсы, постольку качественное и количественное изменение субъектов неизбежно вызывает изменения в их практике, а значит, изменения в их функционировании. Например, в конце XIX – начале XX века в нашей стране рост числа крестьян неизбежно приводил к сокращению доли земли на душу населения, а значит, к сокращению продукта и доходов с нее на каждого. Это вызвало ряд следствий: расслоение и обеднение значительной части крестьянства, рост числа и трансформацию конфликтов в его среде, повышение мобильности крестьянства в виде разных форм миграции.

Соответственно, обеднение крестьянства приводило к падению взымаемых с них налогов, рост масштаба конфликтов требовал привлечения дополнительных ресурсов для их подавления. Поскольку восходящая социальная мобильность была ограничена сословными и имущественными рамками, крестьяне мигрировали в основном в другие сельские области и в города. В первом случае неизбежно возникали конфликты между местным и пришлым населением. Во втором случае увеличивалась численность городского населения (которое нужно было кормить за счет села), и прежде всего рабочих, что в условиях относительно слабой промышленности, не способной создать адекватный рост числа рабочих мест, неизбежно приводило к снижению заработной платы и обеднению уже самих рабочих. По этим каналам конфликт из крестьянской среды распространялся на всю социальную систему, в целом понижая ее эффективность[119].

Причем из рассмотренного примера можно сделать вывод о том, что не только недостаточное, но и избыточное обеспечение функции ресурсами, не сбалансированное с другими, рассогласовывает комплекс функций социальной системы и приводит к неустойчивому ее состоянию. То же самое можно сказать и в отношении собственно выполнения функций. Превышение эффективности выполнения функции относительно необходимой для существования социальной системы нормы вызывает своего рода «перепроизводство» результатов, для освоения которых также привлекаются дополнительные ресурсы, извлекаемые из обеспечения других, менее приоритетных, но все равно необходимых для существования социальной системы функций. Еще большую остроту эта ситуация приобретает в случае, если большую эффективность демонстрирует социальный субъект, не тот, на который данная функция возложена, но какой-либо другой, поскольку дополнительно возникает конфликт статусов субъектов. Так, продемонстрировавшая большую эффективность в развитии экономики отечественная и иностранная буржуазия стала оспаривать не только экономический статус дворянства, но и политический, тем более, что роль и влияние дворянства оказались подорваны его обеднением.

[119] См., например: *Кара-Мурза С.Г.* Гражданская война 1918–1921 гг. Док. HTML, url: http://www.kara-murza.ru/books/war/civil_war_content.htm

Таким образом, можно сделать вывод, что устойчивость социальной системы определяется сбалансированностью комплекса исполняемых в ее рамках функций. Существование социальной системы представляет собой динамически равновесное распределение ресурсов по комплексу исполняемых функций, и любой дисбаланс, связанный как с недостачей, так и с переизбытком, выводит ее из нормального состояния. Устойчивость социальной системы в этом смысле выступает ее способностью устранять этот дисбаланс. Способность эта зависит от конфигурации самого комплекса функций и распределения их по социальным субъектам[120].

Здесь можно выявить несколько взаимосвязанных зависимостей параметров социальной системы. Во-первых, чем больше функций входит в этот комплекс, тем сложнее система, т.е. тем больше в ее рамках элементов и отношений между ними. Во-вторых, чем более специализирован каждый элемент, тем лучше он выполняет свои специальные функции, но тем больше он зависит от других элементов, а значит, тем менее он устойчив в случае нарушения согласованного взаимодействия с ними. В-третьих, чем больше функций выполняется в рамках данного элемента, тем устойчивее сам элемент, но тем меньше его зависимость от других элементов и хуже выполняется каждая из его функций.

Однако функциональные изменения постоянны, поскольку по преимуществу выступают средством адаптации системы к наличному состоянию ее среды существования. Логично встает вопрос: как может быть устойчива система при функциональных изменениях, если они лежат в основе ее порядка?

Как показывалось выше, помимо функциональной матрицы, в социальный порядок входят налагающиеся на нее матрицы – институциональная и организационная. В предыдущей главе говорилось, что функции выстраиваются по мере осознания и закрепления в практике субъектов потребностей системы. Очевидно, что поскольку непосредственно выполнение функций осуществляется в организациях – конкретных формах согласованного взаимодействия субъектов и коллективных субъектов, то перестройка функциональной матрицы реализуется в виде перестройки комплекса организаций:

[120] См. подробнее: *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы...

скажем, появление нового вида вооружений (например, бронетехники) вызывает необходимость в построении соответствующих организационных форм (бронетанковых войск) и выработки новых правил действия организаций (тактики их применения и взаимодействия с другими родами войск). Тем не менее появление новых организаций и новых правил их функционирования, при условии, что остаются прежние организации (пехота и артиллерия) и сохраняются основные цели их существования (армии или вооруженных сил вообще), необходимо должно согласовываться с общими принципами той большой системы, в рамках которой происходит изменение (общей структурой иерархии управления – командных цепочек и организационных форм), иначе достичь согласования их взаимодействия не представляется возможным, поскольку и структура отношений, на которые ориентируются элементарные и индивидуальные субъекты, и логика управления, действующая в системе, будут нарушены. Иными словами, функциональные и организационные изменения успешны и не приводят к разрушительным последствиям постольку, поскольку согласуются и даже воспроизводят исходную структуру отношений или институциональную матрицу.

Социальная система, таким образом, устойчива, если устойчива ее институциональная матрица – социальный порядок (что обеспечивает формирование и поддержание структуры социальной системы), связь и взаимодействие членов общества (что обеспечивает воспроизведение социального порядка) и понимание наличной ситуации (что обеспечивает согласованную реализацию форм отношений), основанное на культуре[121]. Социальный порядок при этом воспроизводится при всех возможных ситуациях: с течением времени, при внешнем воздействии и при внутреннем «сбое» системы. Соответственно, можно выделить «факторы неустойчивости», ослабляющие социальный порядок в этих условиях, «достаточно мощные, чтобы преодолеть стабилизирующие или уравновешивающие силы и механизмы»[122].

Такие факторы, связанные с течением времени, охватывают угрозы социальному порядку, связанные с установлением его адек-

[121] См.: *Парсонс Т.* Функциональная теория изменения // Парсонс Т. О структуре… – С. 704–705.

[122] Там же. – С. 706.

ватности наличным условиям и адекватности его воспроизводства в культуре общества и личности его членов. Они представляют собой внутренние – демографические и культурные – факторы изменений, действие которых анализировалось выше, а также изменения географических, исторических и социальных условий существования (например, изменения климата, поведения соседей и урбанизация). Факторы, связанные с внешним воздействием, касаются отношений между обществами и представляют собой различные виды экономической, политической и культурной агрессии или экспансии одних обществ в отношении других[123]. К ним также можно отнести различного рода несчастные случаи, катастрофы и бедствия, значительно нарушающие существование людей, сказывающиеся на их мировоззрении и т.п., примером чему выступает Чернобыльская катастрофа или голод в Российской империи конца XIX века. Наконец, факторы, относящиеся ко «внутреннему сбою» социальной системы, связаны с дисфункцией социальных институтов и представляют собой различного рода коррупцию или рассогласование социальных организаций и общностей. Неустойчивость социальной системы выражается в ослаблении социальных связей, внутренних смутах, распаде государств и т.п., что в любом случае ведет к деградации общества и его членов, поскольку развитие их возможно только в состоянии устойчивости, в рамках устойчивой социальной формы.

Действию факторов, ослабляющих социальный порядок, понижающих устойчивость общества, противостоят институты, парирующие их действие или поддерживающие устойчивость системы, или, как их определял Т. Парсонс, адаптивные и интегративные механизмы, обеспечивающие стабильное равновесие системы: «Понятие стабильного равновесия предполагает, что с помощью интегративных механизмов эндогенные изменения поддерживаются в определенных границах, соответствующих основным структурным характеристикам, а с помощью адаптивных механизмов в таких границах удерживаются флуктуации в отношениях между средой и системой»[124].

---

[123] О культурной экспансии см.: *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество // Русский мир: Сборник. – М., 2003.

[124] *Парсонс Т.* Функциональная теория изменений // Парсонс Т. О структуре… – С. 705–706.

К первой, «парирующей», или адаптивной, группе институтов относятся все социальные и культурные формы, имеющие целью приспособление к воздействию на социальную систему или контролирующие ее отношения[125]. Это вся совокупность вооруженных сил, служб спасения, контроля и т.п., которые выявляют неблагоприятные факторы, оценивают их действие и источник и локализуют их; а также весь обеспечивающий их деятельность «культурный аппарат», например, военные доктрины, спасательные навыки, специальные учебные и научные заведения (и их аналоги в «донаучных» обществах). Ко второй, «поддерживающей» или интегративной, группе институтов относятся все социальные и культурные формы, имеющие целью утверждение социального порядка, солидарности и идентичности. Это ритуалы, система образования, искусство и социально-гуманитарные науки, законы, «церковь», традиция и т.д., которые тем или иным образом раскрывают и закрепляют социальный порядок в общественных отношениях и общественном сознании, а также воспитывают в его духе членов общества.

По социальным сферам институты, обеспечивающие устойчивость, можно разделить на экономические, политические и культурные, поскольку в каждой сфере общества существует система управления, а значит, и поддержания устойчивости этой сферы. Однако это не означает, что сферы общества могут существовать и обеспечивать устойчивость себе и обществу в целом самостоятельно. Поскольку они решают свой, специфический, круг проблем, сферы общества позволяют компенсировать неблагоприятное воздействие только в этой, частной области, лишь способствуя такой компенсации областям смежным. Так, политическая система способна справляться с внешними воздействиями военно-политического характера, но противостоять культурной экспансии или экономическому давлению самостоятельно неспособна. Однако она, через введение цензуры или подавление инакомыслия, оказывает посильную помощь культуре, что позволяет справиться с такой экспансией. И наоборот, культура не может самостоятельно противостоять военному вторжению, но она позволяет мобилизовать членов общества на его отражение.

[125] См., например: *Корель Л.В.* Архитектоника адаптивных механизмов социальных систем: социологический дискурс // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 1. – С. 169–185.

То же можно сказать и в отношении экономической сферы общества: она может успешно противостоять экономической экспансии, а также обеспечивает устойчивость политической и культурной сфер.

В общем виде институты, обеспечивающие устойчивость, представляют собой способы и формы согласования изменений, происходящих в обществе, с уже существующими социальными формами и социальным порядком, а также компенсации эффектов недостаточного такого согласования. Соответственно устойчивость социального порядка определяется тем, насколько совокупное действие таких институтов компенсирует совокупное действие неблагоприятных факторов. Однако здесь нет необходимости разбирать действие этих институтов при воспроизводстве социальной системы, поскольку это уже задачи конкретного управления обществом и описания конкретного протекания социального процесса. Стоит остановиться на факторах, обеспечивающих действенность системы поддержания порядка.

Воспроизводство социального порядка можно рассматривать на двух уровнях социальной реальности – как взаимодействие общностей и организаций, т.е. как взаимодействие коллективных субъектов, и как взаимодействие людей, членов общества в рамках социальных институтов, т.е. как взаимодействие субъектов индивидуальных. Это позволяет выделять две большие группы факторов устойчивости социального порядка, обеспечивающих действенность соответствующих институтов. Рассмотрение этих факторов следует проводить во всех трех выше названных аспектах – с течением времени, при внешнем воздействии и при внутреннем сбое системы. Поскольку форма взаимодействия людей лежит в основании социальной реальности и позволяет существовать более высоким, собственно, социальным объединениям, начать необходимо с нее.

Устойчивость социального порядка на личностном уровне определяется тем, насколько люди, члены общества, применительно к настоящему моменту самостоятельно вступают в социальные отношения, установленные социальным порядком. Это обеспечивается тем, что люди считают такие отношения не просто правильными (что предполагает сравнение данного порядка с иным, а значит, гипотетически – возможность выбора этого иного порядка, т.е. создает хотя бы и потенциальную, но неустойчивость системы), но единственно возможными и естественными, соответствующими природе вещей.

В свою очередь, такие представления складываются при формировании личности человека, его мировоззрения в ходе единого процесса инкультурации-социализации и закрепляются и поддерживаются в ходе всей социальной практики, о чем подробно говорилось выше – за это отвечает «механизм легитимации»[126]. Следует остановиться на этом моменте несколько подробнее.

Человеческая личность, как показывалось выше, формируется при усвоении идеалов культуры, фиксированных в «текстах» этой культуры, что выражается в раскрытии норм, целей и ценностей человеческого и социального бытия. Эффективность усвоения обуславливается тем, что отношения, закрепляемые социальным порядком, на самом деле лежат в основе социальных отношений как специально предназначенных для социализации-инкультурации, так и отношений общественной жизни. Скажем, отношения «отец-сын», по образцу которых выстраиваются отношения «господин-подвластный» и «начальник-подчиненный», должны быть на самом деле представлены в социальной действительности, причем все три пары совместно – в этом случае они взаимно усиливают действия друг друга. Если же хотя бы одна пара отношений либо не представлена (но закреплена в порядке или «текстах»), либо не соответствует общей модели, то действенность всей системы резко снижается. Отсутствие или нарушение отношений «отец-сын» лишает другие пары исходного образца, что просто обессмысливает такую их форму, и отношения начинают обосновываться каким-либо иным образцом. Нарушение же или отсутствие отношений, например, «начальник-подчиненный» (помимо общего своего негативного эффекта) дискредитирует отношения «господин-подвластный» (ведь господин – тоже начальник, хотя и в более высоком смысле), а также снижает обоснованность исходного образца.

Такие нарушения могут затрагивать обе стороны рассматриваемых отношений. «Отец», «господин», «начальник» характеризуются прежде всего авторитетом, который обосновывается соответствием функционера своему статусу как лично (знаниями, умениями, навыками и т.п.), так и определенными моделями поведения, соответствующими такому статусу. Отдельно авторитет также зависит

[126] См.: *Федотова В.Г.* Социальное конструирование... – С. 16.

и от формальных оснований, легитимности занимаемого положения. Следовательно, нарушение, например, начальствующим лицом хотя бы одного из этих оснований, ведущее к недостаточному авторитету или вообще к его утрате, ослабляет в глазах подчиненных и окружающих действенность всей формы рассматриваемых отношений. Разумеется, если это факт единичный, то угроза социальному порядку ничтожна, поскольку есть значительный объем «правильных» отношений, реализующих порядок. Однако если таких нарушений достаточно, эффект от них сказывается на всех уровнях социальной иерархии, резко снижая ее устойчивость. То же можно сказать и о «сыне», «подвластном», «подчиненном», хотя значимость нарушения с этой стороны не столь серьезна, поскольку авторитет стороны первой необходимо организует и «исправляет» последнюю.

Противостоит этим нарушениям личное осознание ценности формы отношений, определяемых социальным порядком у совокупности членов общества, только в этом случае люди, даже несмотря на факты нарушения отношений, будут их воспроизводить. Если количество таких членов общества будет достаточным, то социальный порядок будет воспроизводиться в приемлемой форме и в приемлемом объеме. Соответственно, со стороны руководства обществом необходимы меры, повышающие количество таких людей, – меры, принимаемые как в области воспитания, так и во всей общественной жизни. Меры эти должны быть направлены в первую очередь на проявление и закрепление форм социального порядка, обосновывающих его культурных идеалов и воплощающих его социальных отношений, а также на возможно большее придание ценности этим формам. Если «тексты», в которых выражены культурные идеалы, адекватны и авторитетны, социальная действительность им не противоречит, а люди в достаточной степени ценят свое общество и его социальный строй, можно сказать, что социальный порядок устойчив, так как при любой ситуации сами люди будут его воспроизводить и защищать. Только в этом случае выполняется условие «относительной стабильности личности и культуры», о котором говорил Т. Парсонс[127].

Воспроизводство социального порядка на институциональном уровне основывается на его воспроизводстве на личном уровне

[127] *Парсонс Т.* Функциональная теория изменений // Парсонс Т. О структуре… – С. 707.

и может быть рассмотрено с точки зрения поддержания иерархии институтов, а также поддержания практик внутри института.

Поддержание практик внутри института заключается в том, что устойчиво воспроизводятся конституирующие институт формы отношений. В общем виде устойчивости института, т.е. устойчивости конституирующих отношений, способствуют, во-первых, ясная ценностная проявленность таких форм – четкая иерархия функционеров, соответствие начальствующего состава своему положению, значимость и необходимость исполняемых функций для целого (как внутри организации, так и всей организации для общества); во-вторых, благоприятный внутренний «климат» в коллективе, способствующий исполнению самих форм отношений и взаимной согласованности функционеров. Наконец, еще одним условием выступает степень вовлеченности функционеров в деятельность организации, поскольку, чем больше требует деятельность личного участия, тем более она ценна (при прочих равных условиях); кроме того, тем больше в такой деятельности проявляется то общее, ради которого она проводится, и тем плотнее и лучше «неформальные» связи между функционерами, что обеспечивает, с одной стороны, «климат» организации, а с другой – отчасти гарантирует ее от разложения[128].

Условия выполняются, если существуют постоянные, воспроизводящиеся во времени организации, коллективы которых состоят из нескольких поколений функционеров, уже прошедших отбор и показавших себя в работе, а значит, уже обладающих авторитетом. Это наглядно, самой жизнью подтверждает все условия, указанные выше, обеспечивая устойчивость организации, а также позволяет эффективно (в рассматриваемом смысле) вводить новых функционеров в ее состав. Еще раз необходимо подчеркнуть близость поддержания устойчивости институтов и организаций к поддержанию социального порядка на личностном уровне: такие устойчивые коллективы организаций необходимо проявляют в себе все действенные идеалы культуры и формы отношений, а следовательно, способствуют воспитанию правильной личности. Иными словами, организации необходимо должны быть общностями, в данном случае – функциональными.

[128] См.: *Парсонс Т.* Еще раз о стандартных переменных: ответ Роберту Дубину // Парсонс Т. О структуре… – С. 670.

Распределение социальных институтов по сферам общества дает основание для утверждения их иерархии соответственно роли, выполняемой ими в обществе, поддержание которой обеспечивает устойчивость функционирования всего общества в целом. Оно заключается в том, что институты выполняют свои функции согласованно с остальными институтами, создавая направленное и скоординированное совокупное действие. Как пишет Т. Парсонс, «стабилизация на длительное время достигается при условии, что система действия (совокупное организованное взаимодействие членов общества. – *Д.И.*) устанавливает адаптивную связь со своим окружением, относительно независимую от партикуляризма специфических состояний целей»[129], что и выражается в построении иерархии социальных институтов. Здесь важно отметить факторы, обеспечивающие такую иерархию.

Экономические факторы связаны с основной функцией этой сферы – с обеспечением потребностей социального целого, его политической системы и совокупности его членов (страны, государства и народа). Потребности социального целого (страны) заключаются в совокупности условий, необходимых для существования и развития его, – это потребности в существовании и функционировании всей технической инфраструктуры общества и его институтов. Если они удовлетворяются на приемлемом уровне, то создаются предпосылки для существования и функционирования общества, а значит, воспроизводства его порядка. Если нет, то социальная система распадается с большими или меньшими катаклизмами (поскольку, например, сельское хозяйство не может прокормить весь объем населения, возникает голод, порождающий внутренний конфликт, ведущий к распаду общества). Потребности политической системы (государства) стоит выделять в особенную область экономической деятельности, поскольку они связаны с обеспечением обороноспособности государства и его эффективности как организатора общества, а значит, жизненно важны для воспроизводства порядка. Кроме того, исторически сложилось так, что все лучшие разработки, например, в науке производятся в военной области, а затем из нее распространяются в области гражданские, что обосновывается высоким приоритетом

[129] *Парсонс Т.* Еще раз о стандартных переменных: ответ Роберту Дубину // Парсонс Т. О структуре… – С. 672.

и высокой ответственностью государственных интересов. Соответственно, если экономика обеспечивает в достаточной степени потребности государства, создаются предпосылки для его успешного функционирования, если нет, то государство неспособно справиться с рядом своих угроз, а значит, теряет свою независимость, становясь частью иной относительно себя социальной системы. Наконец, потребности совокупности членов общества (народа, населения) также должны удовлетворяться на приемлемом и достаточном уровне, поскольку связаны с жизнеобеспечением членов общества, а потому ситуация с удовлетворением их напрямую влияет на характер отношений между людьми и в обществе, а также на удовлетворенность и лояльность людей к своему обществу. Однако надо сказать, что влияние здесь носит не прямой характер, но опосредованный: как отмечает С.Г. Кара-Мурза, важен не сам факт удовлетворения потребностей, а образ такого удовлетворения[130].

Политические факторы связаны с тем, насколько социальные субъекты согласованы в целое согласно установленному порядку, а также насколько это социальное целое способно сопротивляться неблагоприятным условиям, т.е. политические факторы непосредственно связаны с проблемой поддержания устойчивости социального порядка. Устанавливая определенный порядок, политическая система определяет совокупность должных отношений между социальными субъектами, поддерживая те из них, что соответствуют такому порядку, и в той или иной степени подавляя те, что не соответствуют. Таким образом проводится некоторый отбор «правильных» и «неправильных» форм отношений и организованных на их основании общностей и групп, в чем, собственно, и проявляется социальный порядок. То же относится и к индивидуальному поведению членов общества – политическая система, поддерживая важные формы отношений, тем самым поддерживает и нравственные формы, на которых они основываются, а следовательно, способствует формированию определенного типа личности члена общества.

Потому политические институты неизбежно контролируют собственно культурную сферу, проводя определенную «культурную политику», отбраковывающую «неправильные» культурные «тексты»

[130] См. подробнее: *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. – М., 2003.

и подавляющую угрожающие субкультуры, и наоборот, поддерживающую «правильные». Однако такое вмешательство не есть вмешательство в собственно культурный процесс, направленный на рефлексию и раскрытие культурных идеалов (здесь интересен именно этот момент). Оно касается результатов такого процесса постольку, поскольку они необходимо связаны с социальным порядком и социальным процессом. Отказ от такого вмешательства равносилен отказу от собственной роли политической системы.

Далее, политические институты необходимо контролируют экономическую систему, поскольку, выстраивая иерархию социальных организаций и институтов, тем самым выстраивают и иерархию потребностей, организуя, таким образом, их разнообразное множество. Эта организация учитывает интересы всего социального целого, решая задачи его жизнеобеспечения, поэтому должна быть реализована в любом случае, из чего следует государственный контроль над экономикой, более или менее жесткий. Однако, как и в случае с культурой, это вмешательство не собственно в экономический процесс, т.е., например, вопросы производства или обеспечения распределения, но в его цели – какие потребности, как и почему должны быть обеспечены.

Эффективность действий политической системы непосредственно зависит от того, насколько она обладает авторитетом, а следовательно, властью, посредством которой осуществляется всякая политика. Власть предстает как сила, обусловленная сознанием зависимости подвластного, в случае с государством – зависимости от государства: «Психическая же мощь есть господство над душами людей, и к этой мощи сводится, в конце концов, властвование правящих классов»[131]. «Властвует тот, кого «любят», то есть тот, кто представляется носителем некоторых положительных свойств, выразителем идеалов… [кому] приписывается в каком-либо смысле свойство высшего»[132] в самом широком значении. Утрата власти связана с разуверением в этом высшем смысле властвующего, а кризис властных отношений – с «утратой обаяния «высшим»[133]. В этом же ключе решает

[131] *Алексеев Н.Н.* Современное положение... – С. 485; Н.Н. Алексеев разбирает природу власти со ссылкой на Н.М. Коркунова.

[132] Там же. – С. 486–487.

[133] Там же.

проблему власти и Т. Парсонс, уделяя большое внимание «харизме» властвующих, выделяющему из обыденности качеству, «которое придается людям и вещам посредством связи их со «сверхъестественным», т.е. с неэмпирическими аспектами реальности в той мере, в которой они оказываются в отношении с телеологическим «смыслом» человеческих актов и событий данного мира»[134] . Из этого явно следует также и связь власти с культурой, в которой при этом обязательно должно быть выражено «сверхъестественное». Авторитет власти, таким образом, зависит от кадрового состава властного аппарата и его соответствия своим должностям, как функциональное, так и этическое. Поскольку процессы в обществе направляются политической системой, и от эффективности ее зависит положение в социальном целом, постольку важным выступает профессиональный, функциональный компонент пригодности функционеров. Поскольку социальный порядок в любом случае носит ценностный характер, утверждая социальные отношения как соответствующие определенному идеалу, что обуславливает авторитет властвующих и саму власть, постольку важным выступает компонент этический. Соответственно, чем выше авторитет властвующих, тем устойчивей социальный порядок.

Факторы устойчивости социального порядка, связанные с культурной сферой, заключаются в обеспечении ценностного характера социального порядка – его формулирования, обоснования и раскрытия в культурных «текстах». Как уже говорилось выше, культурный процесс протекает как рефлексия над культурными идеалами, выражаемая в культурных «текстах», через которые содержание идеалов и их раскрытие распространяется среди членов общества, формируя их личность. В отношении социального порядка происходит то же, что и с другими идеалами – он формируется в двуедином социальном и культурном процессе, причем в последнем случае как определенное раскрытие социального идеала культуры, отрефлексированное культурными деятелями и выраженное в совокупности соответствующих «текстов». «Тексты» эти носят различный характер – этический, научный, художественный, прикладной и т.п., охватывая собой все уровни культурного целого, во всей своей совокупности создавая

[134] *Парсонс Т.* Структура социального действия // Парсонс Т. О структуре… – С. 190. О понимании власти Э. Гидденсом говорилось выше.

единый образ, строй которого и отражает форму социального порядка общества. Далее, усвоение этого образа членами общества позволяет им не просто взаимодействовать друг с другом, но осознавать свое общество как некоторое особое целое, а себя – как принадлежащих этому целому. Из этого складывается солидарность членов общества, обеспечивающая устойчивость их взаимодействия, равно как и легитимность власти руководства, поскольку оно соответствует такому образу.

Следовательно, культурный образ социального порядка должен соответствовать самому социальному порядку. Конечно, мелкие отклонения образа и действительности неизбежны, но принципиальные моменты должны воспроизводиться, иначе под угрозу ставится весь процесс социализации-инкультурации, а также возникает постоянный источник внутренних конфликтов, поскольку разрушается вся система координации и согласования членов общества[135].

Помимо этого, образ социального порядка должен быть согласован внутри себя и целостен, охватывая собой все основные моменты социального порядка, иначе, при прочих равных условиях, согласованное и полноценное взаимодействие в обществе будет невозможно, поскольку разные его части управляются различными принципами и потому отношения между ними могут быть лишь чисто функциональными. Общество в этом случае распадается на несколько относительно независимых друг от друга реальностей, в которых люди не воспринимают друг друга как «своих», а следовательно, целостность социальной системы не обеспечена. Другим следствием несогласованности образа социального порядка выступает специфическая реакция членов общества. Либо их личность не будет в состоянии охватить всю сложную совокупность общества, поскольку это было бы равносильно созданию собственного образа социального порядка, на что мало кто способен при отсутствии необходимых навыков. Как следствие, эффективность взаимодействия социальных субъектов не обеспечивается, так как каждый из них, не видя целого, воспринимает события со своей точки зрения и, исходя из своих интересов, «эгоистически самоутверждается», если пользоваться словами Л.П. Карсавина. Либо члены общества, создав собственный образ социального

[135] См.: *Парсонс Т.* Еще раз о стандартных переменных: ответ Роберту Дубину // Парсонс Т. О структуре… – С. 672.

порядка, будут стремиться «подогнать» под него социальную действительность, а если не будет получаться – просто критиковать и уходить во «внутреннюю эмиграцию», предпочитая вести только «частную» жизнь. Второе означает утрату легитимности руководством общества и распадение самой «ткани» социальных связей, поскольку члены общества не воспринимают эти связи как ценность и не заинтересованы в их поддержании и правильном воспроизводстве, что, в свою очередь, выступает питательной средой всякого рода активных девиаций[136]. Первое, то есть стремление перестроить социальную действительность согласно индивидуально сформированному ее образу, представляет собой активное, но разнонаправленное вмешательство в социальный процесс широких слоев членов общества, что в любом случае приводит к рассогласованию социальной системы, а по мере развития ситуации – к политическому кризису и распаду общества.

Разумеется, все негативные последствия развиваются одновременно, лишь какая-то часть из них преобладает над остальными.

Наконец, образ социального порядка должен быть соотнесен с системой идеалов культуры, которая, собственно, и определяет ценность и содержание этого образа[137]. Через это условие осуществляется наглядная связь социальной действительности с обосновывающей ее культурой, благодаря чему общество предстает не просто стихийно сложившейся совокупностью людей и групп, но получает собственное существование как некоторого целого. Отсутствие такого соотнесения превращает образ социального порядка в простую констатацию действительности, которая, с одной стороны, сразу вызывает весь набор негативных следствий, описанный выше, а с другой – не может никого вдохновить на активное социальное строительство, сводя социальную действительность к «балансу интересов и сил» ее компонентов. Как, например, пишут А.П. Андреев и А.И. Селиванов: «Русская нация не может эффективно реализовать себя вне русской традиции, общинно-коллективистского способа бытия (лучшим способом исторической реализации чего до сих

[136] *Дюркгейм Э.* Норма и патология // Социология преступности. Современные буржуазные теории: сб. ст. / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1966.

[137] См., например, исследование такого соотнесения социального порядка с идеалами культуры Нового времени: *Фролова И.В.* Оправдание утопии: опыт социально-философской реконструкции. – Уфа, 2004.

пор был советский социализм). Все иное ведет к ее ослаблению или уничтожению»[138].

Существование общности обусловлено единством вышеуказанных моментов, проявляющихся в организованном взаимодействии людей. Однако общность динамична – она складывается, существует, изменяется и распадается. Следовательно, единство обуславливающих ее моментов тоже динамично, соответственно встает вопрос: чем она обеспечивается и как воспроизводится?

Обеспечение единства моментов представляет собой одну из функций в их иерархии. Поскольку это – функция, то для ее исполнения необходима специфическая организация взаимодействия, с одной стороны, и специфический набор стереотипов поведения и качеств личности – с другой. Эта функция обеспечивает существование общности как целого, следовательно, ее исполнение должно пронизывать всю общность, объединяя ее внутренние члены, «подобщности». Члены общности распознают друг друга на основании стереотипов поведения и качеств личности как «своих», значит, исполнение этой функции должно предполагать набор качеств и стереотипов, общий для всех членов общности, причем, поскольку существует внутреннее членение общности, общий набор качеств и стереотипов должен сводить воедино все частные наборы или обеспечивать их комплементарность. Поскольку существование общности протяженно во времени, и каждый момент ее существования отличен от других, исполнение этой функции должно быть в каждом из этих моментов, общим для них и определяющим каждый из них. Иными словами, исполнение этой функции должно иметь образцовый характер проявления качеств личности и организации взаимодействия в общности. Наконец, качества личности и форма организации взаимодействия фиксируются в культуре как идеалы, и такой образец будет выступать наиболее адекватным выражением идеалов культуры.

Таким образом, обеспечение единства моментов, конституирующих общность, есть функция наиболее адекватного раскрытия идеалов культуры в организованном взаимодействии членов общности, или ритуал, который в современном обществоведении определяется

[138] *Андреев А.П., Селиванов А.И.* Русская традиция. – С. 204.

как «священнодействие, основанное на наделении вещей особыми (символическими) свойствами», причем священнодействие это связано с «установлением или поддержанием вселенской и социальной упорядоченности»[139].

Соответственно, при складывании общности формируется ее ритуал. Действенность ритуала обеспечивает существование и внутреннюю упорядоченность общности. Изменение общности должно фиксироваться в ритуале и согласовываться с ним. Наконец, если ритуал общности перестает быть действенным из-за рассогласования культурного и социального его аспектов, общность может распасться.

Однако ритуал не охватывает всю совокупность человеческих взаимоотношений. Более того, создавая особое, максимально нагруженное культурным смыслом состояние людей и их отношений, имеющих глубокое личное значение, ритуал в определенном смысле даже противостоит всем остальным, «обыденным» формам человеческих взаимоотношений и состояниям личности – он вне их и над ними. Ритуал в социальном аспекте лишь в максимально «чистом» виде реактуализирует зафиксированные в культуре как идеалы принципы взаимоотношения людей одной общности. Остальные, «обыденные», социальные отношения имеют характер реализации этих принципов для достижения конкретных целей в конкретных ситуациях. Многообразие и разнородность последних, их постоянная изменчивость и необходимость их прагматичной ориентации релятивизируют принципы отношений. Человек усваивает эти принципы в ходе личной рефлексии над культурными текстами и непосредственным социальным взаимодействием, а значит, тоже лишь в той или иной степени. Вместе это определяет расхождение между тем, что закреплено в культуре как должное, и тем, что реализуется на практике.

Противопоставление ритуала и обыденности преодолевается в обычае – устойчивой форме человеческих взаимодействий, складывающейся в конкретных социальных группах и общностях в ходе их деятельности. Обычай сочетает в себе, с одной стороны, целенаправленную деятельность, а с другой – конкретное воплощение принципов социальных взаимодействий. Тем самым поддерживается непрерывность социальных отношений, а следовательно, общность

[139] *Фурс В.Н.* Ритуал // Социология: Энциклопедия. – С. 865.

взаимодействующих людей (в данный момент и в течение времени). Кроме того, именно в обычае непосредственно фиксируются нормы практики институтов, а постоянное воспроизводство обычаев представляет собой «опривычивание», «рутинизацию» этих норм.

Таким образом, обычай выступает образцовым воплощением принципов социальных взаимодействий, постулируемых и реактуализирующихся в ритуале, в «обыденной» жизни. Личность, воспринимающая в «обыденной» жизни культуру и социальные отношения, пройдя через ритуал, обретает относительно четкий образ их «чистой» формы, который затем поддерживается с помощью обычаев и заново реактуализируется в ритуале.

Поскольку обычаи воплощают и поддерживают принципы взаимоотношения людей, можно сказать, что они фиксируют и поддерживают общность этих людей, конституируемую ритуалами. Причем, поскольку в ритуале постулируются и реактуализируются принципы, воплощаемые обычаем, без ритуала обычай теряет смысл и утрачивается со временем, что приводит к распаду общности. Поскольку социальная система складывается для обеспечения существования общности и как ее конкретная форма, существование и упорядоченность социальной системы также конституируется ритуалами и поддерживается обычаями.

Следовательно, действенность ритуалов и согласованность с ними обычаев обеспечивает как воспроизводство необходимых для институциональной матрицы стереотипов поведения, закрепляя их культурное основание, так и воспроизводство идентичности, также закрепляя ее культурное обоснование, а значит, обуславливает устойчивость социальной системы.

Отдельно необходимо сказать об организации ведущего слоя, необходимой для обеспечения устойчивости социальной системы в целом, поскольку именно от этого элемента зависит общее ее состояние. Если ведущий слой соответствует своей социальной роли, он тем самым обеспечивает правильное функционирование социальной системы, а значит, ее устойчивость; если ведущий слой вырождается, то он не способен поддерживать такое правильное функционирование, значит, система разрушается.

Во-первых, как пишет Н.Н. Алексеев, ведущий слой, призванный организовывать культуру, необходимо должен быть организован на «единстве внутреннего убеждения в истине» и потому должен

представлять собой «нечто вроде духовного ордена, который призван водительствовать морально, а не насильственно»[140], воплощая в себе «принцип высшего духовного общения». «Принадлежа государству как культурному целому, [ведущий слой] должен стоять вне технического аппарата государственного принуждения, как бы выше этого аппарата»[141], иначе происходит бюрократизация его, превращающая «государственное служение в род заработка, и тем убивает дух независимости и самостоятельности»[142], лишая тем самым способности к духовному водительству. На этом основываются власть и авторитет ведущего слоя, обеспечивающие подчинение ему остальных слоев общества, а значит, обеспечивающие социальный порядок

Во-вторых, ведущий слой, представляющий культурное и социальное целое и воплощающий в себе интересы этого целого (раскрываемые в его деятельности), необходимо должен представлять собой «некоторую единую ведущую организацию», противопоставляемую Н.Н. Алексеевым конгломерату противостоящих друг другу партий и движений демократического государства. Появление такой организации возможно в обществе, где «духовные искания… стабилизировались и где, стало быть, стабилизировалось так называемое общественное мнение»[143]. Отсутствие такой стабильности, порождаемое утратой выше указанного «единства внутреннего убеждения в истине», и вызывает раскол ведущего слоя, выражающийся в существовании множества политических партий и движений и в борьбе между ними, что есть, по словам Л.П. Карсавина, «умаление» личности всего общества.

Таким образом, все факторы устойчивости социального порядка действуют совокупно, взаимно усиливаясь или, наоборот, взаимно ослабляясь, в той или иной степени компенсируя совокупное же воздействие неблагоприятных факторов. Соответственно важна и согласованность их взаимодействия, чтобы одни факторы не противоречили другим. В общем виде можно сказать, что если социальный порядок полно и адекватно выражен в культурных «текстах», закре-

[140] *Алексеев Н.Н.* Современное положение... – С. 589.

[141] Там же

[142] Там же.

[143] Там же. С. 590.

плен в социальной практике и поддерживается политической системой, а члены общества руководствуются им в своей деятельности, то создаются предпосылки, чтобы он устойчиво воспроизводился.

Представляется, что в наиболее полном виде все условия соблюдаются в традиционном обществе. Культура такого общества представляет собой некоторую иерархическую целостность, ее области и сферы связаны между собой в устойчиво воспроизводящуюся форму традиции, стержнем которой выступает религия, закрепляющая иерархию идеалов, раскрываемых в установленной совокупности канонических «текстов», и обеспечивающая связь с ней всех областей жизни общества и всех его членов. Причем все здание культуры от высших идеалов до конечных «текстов» выступает непрерывным и согласованным выражением и раскрытием одного, исходного смысла. Социальная система такого общества также представляет собой иерархически согласованное множество устойчивых социальных слоев, общностей и групп, каждый компонент которого существует в явной связи с остальными и в четко определенном отношении к иерархии культуры, специфически, но не противореча целому, воспроизводя ее в своей жизнедеятельности. Наконец, политическая система такого общества в своей деятельности жестко привязана к сохранению и воспроизводству традиций своей культуры, черпая свою легитимность, помимо общей обстановки в обществе, из воспроизводства системы разнообразных ритуалов и символических действий.

Устойчивость социального порядка обеспечивается «объективными элементами связей между средствами и целями»[144] – ритуалом и традицией. Традиция и организованная в соответствии с ней социальная действительность воспроизводят культуру и формируют определенный строй личности членов общества, обеспечивая тем самым воспроизводство социальных отношений во времени и отчасти гарантируя систему от внутренних сбоев: «Традиционализм – это стабилизирующий элемент в символических отношениях», на которых и основан социальный порядок[145]. Политическая система, состоящая из воспитанных таким образом функционеров, позволяет

[144] *Парсонс Т.* Структура социального действия // Парсонс Т. О структуре… – С. 199.

[145] Там же.

справляться с внешними воздействиями. Проводя внутренний отбор своих функционеров и поддерживая традицию, она также обеспечивает всю систему и от внутренних сбоев. Наконец, иерархическое многоединство устойчивых коллективов обеспечивает и воспроизводство традиций, и организованность взаимодействия членов общества при внешнем воздействии, и эффективность внутреннего отбора, гарантирующего от внутреннего сбоя в системе.

В общем виде социальный порядок такого общества представляет, по словам Парсонса, «традиционный корпус норм, сакральный и неизменный, и внутри определенной сферы свободы остающийся открытым [порядок], а также возможность их интерпретации в сфере арбитральной личной власти правителя, легитимизированной благодаря его общему личному харизматическому качеству»[146]. Объективирование этого качества, перенос его на учреждение или систему правил выступает основой установления устойчивого воспроизводства порядка, институализации и типизации его. Разумеется, эффективность действий такой организации общества не достигается автоматически, все зависит от того, как конкретные функционеры действуют в конкретных условиях, насколько они отвечают своему положению. Организация общества лишь создает условия, способствует в большей или меньшей степени тому или иному развитию ситуации.

Однако общества такого типа носили в основном аграрный характер, все их культурные, политические и социальные формы привязаны в основном к сельскому образу жизни. Городская среда, даже весьма значительная во многих традиционных обществах (наша страна, Китай, Япония, Индия, Междуречье и т.д. дали образцы достаточно высокой городской культуры), тем не менее не предстает столь же масштабной, как среда сельская. Поэтому она, во-первых, не может перевесить ее влияния, а во-вторых, сама выстраивается на тех же основаниях традиционной культуры, как правило, акцентируя больше ее аспекты, связанные с властью, силой, религией, являясь их средоточием[147].

Переход от сельско-ремесленного производства к промышленному практически полностью изменил весь комплекс социальных

[146] *Парсонс Т.* Структура социального действия // Там же. – С. 185.

[147] См.: *Домников С.Д.* Мать-земля и Царь-город. ... – С. 206–261.

отношений. Так, хозяйство стало не простым агломератом мелких самостоятельных единиц, в лучшем случае лишь координирующих свою деятельность в рамках цехов и примитивных рынков, но сложным комплексом взаимозависимых и взаимодействующих предприятий, в большей или меньшей степени охватывающим весь процесс от добычи необходимых ресурсов до предоставления конечного продукта (наиболее наглядно это проявилось в нашей стране в виде единого народно-хозяйственного комплекса, обеспечивающего все потребности страны, государства и населения). Переход к промышленному производству позволил сконцентрировать значительные массы населения в городах, более или менее крупных (урбанизация), что полностью изменило уклад и даже сам контекст жизни как собственно городского населения, так и общества в целом. Уже не сельский образ жизни определяет городские отношения, но, наоборот, село само определяется городским образом жизни (за счет внедрения промышленного производства в сельское хозяйство, привнесения городских стандартов жизни и т.п.).

Социальные отношения при этом приобретают функциональный и внешний характер, лишаясь своего сакрального содержания. Соответственно изменяется статус и роль человека, члена общества, принципы построения иерархии социальных групп и т.п. Городской образ жизни и промышленное производство приводят к индивидуализации – социальные группы и общности теряют свой устойчивый характер, перестают собирать людей в целостные социальные субъекты, определяющие строй самой их жизни, и индивиды соответственно приобретают большую самостоятельность. Однако, как уже говорилось выше, это не означает состояния какой-то повышенной свободы, наоборот, предоставленный самому себе, лишенный сколько-нибудь плотного личного общения с другими членами общества человек совершенно утерял возможность влиять на ход социального процесса, представляя собой не более, чем статистическую единицу социального целого. В таком обществе имеет значение не организованное многоединство коллективов, но простая сумма индивидов, вне зависимости от их личных качеств, их масса[148].

[148] См.: *Мальковская И.А.* Метаморфозы субъектности в современном мире // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 16–25.

В соответствии с этим меняется и строй самой культуры. Ее рациональность сначала становится в бóльшей степени научной, чем религиозной, что полностью изменяет систему авторитетов, источники легитимности и характер раскрывающих ее «текстов». Затем основная направленность культуры приобретает характер прикладной, профессиональный и развлекательный. Соответственно изменяются система воспитания, а также система распространения социальной информации, определяющие строй и уровень личности членов общества. Профессиональное образование и массовая культура не способствуют воспитанию целостной и глубокой личности, ограничивая ее своими, довольно узкими рамками.

Весь комплекс таких изменений негативным образом сказывается на устойчивости социального порядка, поскольку подрывает существовавшие ранее основы его воспроизводства, что выражалось в сопровождавших этот процесс, процесс «модернизации» войнах, революциях и т.п. Ситуация ухудшается в связи с переходом к постиндустриальному обществу, в котором размываются основы оставшихся больших социальных групп[149]. Однако существование общества требует, чтобы оно было устойчивым, соответственно возникает проблема обеспечения устойчивости социальной системы, социального порядка в новых условиях.

Такое современное устойчивое общество необходимо должно воспроизводить указанные выше факторы: устойчивые социальные организации, иерархию социальных слоев и общностей, иерархию социальных сфер, иерархию культурных идеалов и т.п., причем делать это в значительной мере искусственно, сознательно, поскольку «естественные» основания, как сказано выше, подорваны. Это не означает необходимости какого-либо «возврата в прошлое», сама организация современной жизни делает невозможным такое возвращение. Это означает лишь то, что необходимо восстанавливать организационные формы социального целого, без чего невозможно существование ни человека, ни культуры.

Основным социальным процессом, угрожающим социальному порядку, выступает массовизация общества, в которой концентриру-

[149] См.: *Силичев Д.А.* Социальные последствия перехода от индустриализма и модерна к постиндустриализму и постмодерну // Вопросы философии. – 2005. – № 7. – С. 3–20.

ются и усиливаются все негативные тенденции[150]. Она характеризуется разрушением самих механизмов согласования социальных субъектов, «механизмов конструирования социальной реальности»[151]. Следовательно, необходимо сопротивляться ей, создавая и поддерживая организованные, устойчивые и значимые социальные общности, слои и группы, которые способны воспроизводить социальный порядок и саму личность члена общества самостоятельно. Именно в этом залог как существования социальной системы, так и гибкости ее реакции на любые события, поскольку такая реакция происходит самостоятельно на основе организационной матрицы коллектива, либо выравнивая состояние системы, либо передавая возможно полные сведения о ситуации вышестоящему руководству. Согласованная совокупность таких социальных форм может составить достаточно сложную и целостную социальную систему, что недостижимо для массового общества, отношения в котором, как уже говорилось, носят внешний, формальный и функциональный характер.

Для восстановления или учреждения иерархии организационных форм общества необходима соответствующая культурная работа, позволяющая учредить и закрепить сложные отношения согласования социальных субъектов. Это, в свою очередь, создает предпосылки для целенаправленного и сознательного развития и усложнения культуры, от которой требуется выразить сложность и противоречивость такой социальной организации. Таким образом, на культурных деятелей накладывается ответственность за свою деятельность, проявляется их социальная роль и значимость, выводящая за рамки состояния простых «производителей развлечений», что характерно для массовой культуры. Вместе с тем, поскольку утверждаемый порядок необходимо должен быть или полагаться безотносительным, Абсолютным, в культуре вновь появляется место священному, место религии. Соответственно, создаются предпосылки как для возможно полного в современных условиях развития личности членов общества, так и для правильной организации социального целого.

Сознательное структурирование социальной действительности с такими задачами, сознательное построение социального целого

---

[150] См., например: *Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция / пер. с англ. А. Гарькавого. – М., 2006.

[151] См.: *Федотова В.Г.* Социальное конструирование… – С.16–17.

возвращает собственное содержание и политике, превратившейся в простую борьбу за власть и влияние. Это, с одной стороны, накладывает ответственность на политических деятелей, дает им высшую систему координат для своей деятельности, возвращает ценностное измерение в политический процесс. С другой стороны, это же возвращает ценность политике и в глазах всего общества, уже утраченное ныне в связи с либеральной и демократической риторикой и практикой правительств. Возвращение ценности политической деятельности, отраженной и закрепленной в идеологии, которая основывается на образе Абсолютного, позволяет правильно структурировать ведущий слой и его правящую группу, а также «собрать» вокруг них все социальные слои. Последнее прямо необходимо, чтобы политическая система обрела устойчивость, что наглядно показывают современные процессы у нас в стране, особенно на Украине, – вмешательство иностранных государств в виде «оранжевой революции» возможно только в условиях незаинтересованности народа в политическом процессе, отстраненности от него[152]. Такое же соединение ведущего слоя и народа в случае подобных вмешательств просто не позволит сравнительно малочисленным группам активистов добиться сколь-нибудь значительных результатов, что подтверждается провалом попыток «оранжевой революции» в Беларуси.

Проведение такой политики невозможно без создания политической силы, способной к масштабным действиям по реализации власти. С одной стороны, эта политическая сила должна быть внутренне организованной и построенной в соответствии со своей идеологией, что обеспечивает внутреннюю согласованность ее, а также необходимый уровень кадрового состава за счет проводящегося отбора. Отбор в ведущий слой происходит постоянно[153], важно поставить его на правильные основания, что необходимо для обеспечения рассматриваемой здесь политики. С другой стороны, эта политическая сила должна пронизывать собой всю толщу социальной реальности,

[152] См.: *Кара-Мурза С.Г.* Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили… – М., 2005.

[153] См., например, исследование такого отбора: *Ашин Г.К., Кравченко С.А., Лозанский Э.Д.* Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. – М., 2001; см. также: *Ашин Г.К.* Формы рекрутирования элит // Общественные науки и современность. – 1998. – №3. – С. 85–97.

быть представлена в каждом компоненте социальной системы, что обеспечивает возможно более плотную связь политического руководства и социальных организаций, давая высокую эффективность управления, а также вовлекая все социальные субъекты в организованный социальный процесс. В совокупности это позволяет выстроить целостную социальную систему, насколько это возможно в современных условиях, собирая культуру, социальные организации и людей в единое согласованное иерархическое целое.

Таким образом, в современных условиях действие факторов устойчивости социального порядка сильно ослаблено, причем как объективными условиями – о них говорилось в главе, так и субъективными действиями политических и культурных деятелей, возвеличивающих индивидуальную свободу человека и принижающих социальную организованность. К чему это может привести, в принципе понятно, более того, можно воочию наблюдать на примере США и Европы, на примере нашей страны. Однако человечество, люди могут существовать только в организованных социальных формах, следовательно, необходимо повышать устойчивость социальных систем.

Обеспечение устойчивости социального порядка и идентичности, к которым сводится эта задача, в современном городском, индустриальном и, как следствие, массовом обществе требует сознательного противодействия негативным факторам путем организации и поддержания больших устойчивых социокультурных общностей, организаций, воспроизводящих социальное целое и «собирающих», согласующих членов общества, а также сознательное же воспроизводство социального порядка в деятельности последних. Причем оба момента должны быть действенны не только «здесь и сейчас», но возможно более длительное время, воспроизводясь самостоятельно в социокультурных общностях и деятельности людей, не теряя вместе с тем свой сознательный характер. Ядром этого выступает определенный строй личности членов общества на всех уровнях социальной системы – определенная «картина мира», система ориентиров, логика действий, обеспечивающие определенные же модели взаимодействия членов общества и предполагающие именно данный социальный порядок, а потому воспроизводящие его.

Следовательно, необходимо сознательное и целенаправленное воспитание, формирование личности в соответствии с социальным

порядком в рассмотренном выше смысле, а также контроль уже сформировавшихся личностей на такое соответствие и отбор из них в ведущий слой. Следует подчеркнуть, что оба этих процесса – формирование и отбор – протекают в любом случае, необходимо лишь поставить их на правильные основания, не разрушающие согласованность общества, но наоборот, поддерживающие ее. Это и должны обеспечивать культура, формирующая и раскрывающая образ социального порядка – социальный идеал, и адекватная ей социальная практика, воплощающая этот идеал. Поскольку они должны воспроизводиться во времени и согласовывать с собой происходящие изменения, постольку они должны обладать чертами традиционности. Поскольку они не должны зависеть от наличной действительности, но наоборот, последняя должна организовываться в соответствии с ними, постольку и культурная, и социальная традиции должны апеллировать к трансцендентному, Абсолютному, раскрываемому через комплекс религии данной культуры и носящему сакральный характер.

БАШКОРТОСТАН ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ
БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, следует подвести общие итоги работы.

Всякая социальная система представляет собой согласованное множество взаимодействующих социальных субъектов. Основой согласования их деятельности выступает, с одной стороны, комплекс функций, необходимых для удовлетворения потребностей этого множества, а с другой – культура, определяющая общий порядок согласования. Усвоенная субъектами, воплощаемая в их деятельности и направленная на исполнение функций культура определяет конкретные формы согласования взаимодействия, или социальные институты. Поскольку удовлетворение потребностей и исполнение функций возможно только в совместной коллективной деятельности, а результат такой деятельности и она сама не сводятся к совокупности частных результатов и деятельностей, постольку взаимодействующие субъекты образуют один субъект – коллективный. Поскольку исполняемые функции в любом случае представляют собой иерархию – и как более или менее важные для системы, и как подфункции одной более общей, постольку исполняющие их коллективные субъекты также представляют собой иерархию. Множество коллективных субъектов, исполняющее весь спектр функций, необходимых для его самостоятельного существования, образует самостоятельный же, «большой» коллективный субъект или общество, устойчивость которого и рассматривается в рамках данной работы.

Рассмотрение социальной системы как иерархии коллективных социальных субъектов, с точки зрения ее устойчивости, позволяет выделить два важнейших компонента: социальный порядок как принцип согласования субъектов в иерархию и социокультурные общности как согласуемые в иерархию субъекты. Именно от их воспроизводства зависит, насколько социальная система окажется способна подавлять флуктуативные изменения и изменения, происходящие под действием сильных факторов, которые имеют разрушительный для социальной системы характер и способны инициировать процессы ее распада.

Социальный порядок, выступающий основой согласования субъектов любого уровня в систему, представляет собой комплекс взаимно налагающихся друг на друга функциональной, институциональной и организационной матриц, каждая из которых отвечает за свой аспект согласования деятельности. Функциональная матрица определяет тот комплекс потребностей, для удовлетворения которых складывается как элементарный коллективный субъект, так и социальная система в целом. Институциональная матрица как комплекс устойчивых форм социальной практики определяет, как будут выполняться функции и как будут складываться коллективные субъекты системы. Организационная матрица как комплекс уже существующих коллективных субъектов, распределенных по функциональным сферам социальной системы (экономическая, политическая, культурная), определяет, как непосредственно будет осуществляться исполнение функций и протекать социальный процесс в данный момент и, поскольку изменяться могут именно данные коллективные субъекты, в момент последующий.

Устойчивость социальной системы в этом смысле определяется тремя факторами. Во-первых, насколько адекватен социальный порядок условиям существования социальной системы: если он не адекватен, то система или распадется, или изменится. Во-вторых, насколько согласованы его компоненты: если организации, институты и функции противоречат друг другу хотя бы в какой-то части, социальная система неэффективно использует свои ресурсы, а значит, ослаблена. Если же согласование матриц нарушено значительно, воспроизводство социальной системы оказывается невозможно. Наконец, в-третьих, насколько социальный порядок отрефлексирован и выражен в культуре – это влияет на осознание социальными субъектами цели и смысла порядка, а значит, на стремление его придерживаться и воспроизводить.

Ключевой для обеспечения устойчивости социальной системы, с точки зрения ее порядка, выступает институциональная матрица, поскольку именно в ее рамках организуется социальная практика субъектов, в ней непосредственно субъектами воплощаются идеалы культуры и исполняются функции. Функциональная матрица дана скорее как результат рефлексии субъектов, некоторая абстракция, выступающая моделью для формирования функциональных коллективных субъектов или организаций. Организационная матрица

складывается на основании институциональной и выстраивается под конкретные потребности социальной системы. Сама же институциональная матрица представляет собой комплекс обычаев, принятых социальными субъектами, на основании которых они согласуются в субъекты коллективные. Поэтому основой обеспечения устойчивости социальной системы выступает подавление негативных обычаев и поддержка обычаев положительных, в том числе и как закрепление их в виде ритуалов и ритуальных практик.

Социокультурные общности представляют собой конкретное воспроизводящееся множество людей, то есть коллективный социальный субъект, единство которых обеспечивается общей идентичностью и обоснованной ею солидарностью. Можно выделить три основных типа социокультурных общностей в зависимости от характера доминирующих маркеров: локальные, функциональные и «большие». Первые складываются на основании общей территории, на которой происходит взаимодействие их членов; вторые – на основании общей выполняемой функции; третьи – на основании общей специфики культуры и образа жизни. Все типы социокультурных общностей взаимно пересекаются: а) локальные стратифицированы на существующие на данной территории функциональные; б) функциональные распределены по всем локальным общностям, в которых исполняются данные функции, и обладают внутренним делением в зависимости от локальной специфики своих членов; в) наконец, «большие» общности собираются из локальных и функциональных, с одной стороны, обеспечивая их внутреннее единство, а с другой – подразделяясь в зависимости от локальной и функциональной специфики своих представителей. Такой сложный комплекс общностей и составляет иерархическое многоединство всякой данной социальной системы, которая также является общностью.

Устойчивость социальной системы, с точки зрения этого ее аспекта, обуславливается тем, насколько устойчиво воспроизводятся общности, в противном случае распадаются сами коллективные субъекты системы, люди маргинализируются, а социальный порядок перестает воспроизводиться. Воспроизводство общностей определяет идентичность и, прежде всего, культурная ее составляющая в виде идеалов и ритуальных практик. С другой стороны, устойчивость обеспечивается степенью согласования общностей друг с другом – если она недостаточна, общности входят в конфликт,

что и инициирует распад системы. Это согласование обеспечивается согласованием их идентичностей с «большой» общностью, социальной системой в целом таким образом, что элементарные общности представляют собой то или иное, в зависимости от своей специфики, частное ее воплощение. Очевидно, что такое согласование также должно закрепляться в культуре и соответствующих ритуальных практиках.

В наиболее полной форме эти условия выполнялись в традиционном обществе, в рамках традиции и религии, придававших социальному порядку и обосновывающим его идеалам сакральный, относящийся к Абсолютному, статус. Однако переход к обществу городскому, индустриальному и, как следствие, массовому подорвал сакральный характер культурных идеалов, что привело к размыванию основ социального порядка и культурному кризису, а также все более растущим социальным конфликтам. Это резко снижает упорядоченность социальных систем, что грозит многочисленными негативными последствиями, а следовательно, необходимо противостоять этому процессу, повышать устойчивость социального порядка. В работе рассматривался комплекс необходимых для этого целей и задач, которые можно свести к проблеме сознательного формирования «новой традиции», способной совмещать в наличных условиях достижения современного общества с достоинствами общества традиционного. В общем виде проблема сводится к согласованию ныне разрозненных социальных и культурных компонентов в целостную систему, в которой каждый элемент адекватен всем остальным и самой системе в целом, представляющей собой иерархию таких элементов. Такое согласование необходимо требует сознательной и организованной социальной деятельности, культурной работы и политической воли, формирование которых и выступает насущной необходимостью современного момента нашей истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллин А.Р.* Культура и символ. – Уфа: Гилем, 1999. – 217 с.

2. *Агафонов Ю.А.* Становление нового социального порядка в России: институциональные и нормативно-правовые аспекты: автореф. дис. ... д-ра филос. наук (09.00.11). – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2000. – 70 с.

3. *Акулинин В.Н.* Философия всеединства: От В.С. Соловьева к П.А. Флоренскому. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1990. – 158 с.

4. *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1998. – 640 с.

5. *Алхасов А.Я.* Антипозитивизм в социологической теории Юргена Хабермаса: автореф. дис. … канд. филос. наук: 22.00.01 / МГУ им. М.В. Ломоносова. – М.: МГУ, 1997. – 187 с.

6. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. – М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. – 288 с.

7. *Андреев А., Селиванов А.* Западный индивидуализм и русская традиция: док. HTML, url: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/and_zapind.php.

8. *Андреев А.П., Селиванов А.И.* Русская традиция. – М.: Алгоритм, 2004. – 320 с.

9. *Антонов А.В.* Системный анализ. – М.: Высшая школа, 2004. – 454 с.

10. *Ахиезер А.С.* Нравственность в России и противостояние катастрофам // Общественные науки и современность. – 1997. – № 6. – С. 26–38.

11. *Ашин Г.К.* Формы рекрутирования элит // Общественные науки и современность. – 1998. – №3. – С. 85–97.

12. *Ашин Г.К., Кравченко С.А., Лозанский Э.Д.* Социология политики. Сравнительный анализ российских и американских политических реалий. – М.: Экзамен, 2001. – 608 с.

13. *Бандурин А.П.* Социальная регуляция: рациональное и иррациональное: автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Ростовский государственный университет. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 2005. – 51 с.

14. *Бенедиктов Н.А.* Русские святыни. – М.: Алгоритм, 2003. – 272 с.

15. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

Башкирская энциклопедия

16. *Берталанфи Л.* Общая теория систем: Критический обзор // Исследования по общей теории систем. – М.: Прогресс, 1969. – С. 23–82.

17. *Бойко Е.А.* Политические ориентации как социальный феномен: автореф.дис. ... канд. политич. наук. – Екатеринбург: ЕГУ, 1996. – 25 с.

18. *Бурдье П.* Социология политики: пер. с фр. / сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.

19. *Бурдьё П.* Начала. Choses dites: пер. с фр. / Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987 / пер. Шматко Н.А. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.

20. *Бурдьё. П.* О телевидении и журналистике: пер. с фр. Т. Анисимовой, Ю. Марковой; отв. ред., предисл. Н. Шматко / Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии. – М., 2002. – 160 с.

21. *Вальков А.А.* Философское постижение идеи нации / изд-е Башкирского ун-та. – Уфа, 1998. – 157 с.

22. *Вебер М.* Город // Вебер М. Избранное. Образ общества: пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – 704 с.

23. *Вебер М.* Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

24. *Вебер М.* Основные понятия стратификации // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 147–156.

25. *Вернадский Г.В.* Начертания русской истории / предисл. С.Б. Лаврова, А.С. Лаврова. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 368 с.

26. *Волков Ю.Е.* Социальные системы как объект социологического анализа // Социологические исследования. – 2009. – № 9. – С. 119–125.

27. *Волчкова Л.Т., Рассказов С.В.* «Народные» инвестиции в общественное производство // Социологические исследования. – 2009. – № 2. – С. 16–28.

28. *Вэй Ф., Покровская Н.Н.* Организационная культура в России и Китае // Социологические исследования. – 2007. – № 4. – С. 136–140.

29. *Гидденс Э.* Девять тезисов о будущем социологии // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993. – № 1. – С. 57–82.

30. *Гидденс Э.* Новые правила социологического метода / пер. с англ. С.П. Баньковской // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. / пер. с англ., фр., нем., итал.; сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 2. – 424 с.

31. *Гидденс Э.* Политика, управление и государство // Рубеж (альманах социальных исследований). – 1992. – № 3. – С. 78–107.

32. *Гидденс Э.* Социология / пер. с англ.; науч. ред. В.А. Ядов; общ. ред. Л.С. Гурьевой, Л.Н. Посилевича. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 703 с.

33. *Гидденс Э.* Стратификация и классовая структура // Социологические исследования. – 1992. – № 9. – С. 112–123.

34. *Гидденс Э.* Стратификация и классовая структура // Социологические исследования. – 1992. – № 11. – С. 107–120.

35. *Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 107–134.

36. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структурации. – М.: Академический проект, 2003. – 528 с.

37. Глобальные социальные и политические перемены в мире: Мат-лы росс.-америк. семинара (22–24 окт. 1996) / отв. ред. А.Ю. Мельвиль. – М.: ФМС, 1997. – 239 с.

38. *Глотов М.Б.* Социальный институт: определение, структура, классификация // Социологические исследования. – 2003. – № 10. – С. 13–19.

39. *Горбатов Д.С.* Сплетничанье как элемент межгруппового общения // Социологические исследования. – 2009. – № 1. – С. 119–127.

40. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 640 с.

41. *Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Социология: в 3-х т. Т.3: Социальные институты и процессы. – М.: ИНФРА-М, 2000. – 519 с.

42. *Домников С.Д.* Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. – М.: Алетейя, 2002. – 672 с.

43. *Дюркгейм Э.* Норма и патология // Социология преступности. Современные буржуазные теории: сб. ст. / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1966. – С. 39–44.

44. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. – М.: Канон, 1996. – 430 с.

45. *Ермалавичюс Ю.Ю.* Грядущие социальные революции XXI века: научный прогноз. – М.: Научный прогноз, 2007. – 416 с.

46. *Желтов В.В., Шпак Л.Л.* Социальное взаимодействие и политические процессы на территории: Социологические этюды. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 340 с.

47. *Зайнетдинов Ш.Р.* Социальная структура в процессах модернизации российского общества (рубеж XIX–XX – конец 1930 гг.). – Уфа: Гилем, 2000. – 463 с.

48. *Зайцев А.К.* Социальный конфликт. – М.: Академия, 2000. – 464 с.

49. *Зиновьев А.А.* Запад. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2007. – 512 с.

50. *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. – 528 с.

51. *Ижикова Н.В.* Культура и политика. Методологические проблемы // Социологические исследования. – 2007. – № 5. – С. 95–103.

52. *Ионин Л.Г.* Культура и социальная структура // Социологические исследования. – 1996. – № 3. – С. 31–42.

53. *Исхакова Г.И.* Социальная преемственность (философский анализ): автореф. ... канд. филос. н. / каф. филос. УГНТУ. – Уфа: Изд-во Башкирск. гос. ун-та, 2002. – 18 с.

54. *Кара-Мурза С.Г.* Гражданская война 1918–1921 гг.: док. HTML, url: http://www.kara-murza.ru/books/war/civil_war_content.htm.

55. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо, 2003. – 832 с.

56. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От Великой Победы до наших дней. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2004. – 768 с.

57. *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. От начала до Великой Победы. – М.: Эксмо; Алгоритм, 2004. – 640 с.

58. *Кара-Мурза С.Г.* Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили… – М.: Алгоритм, 2005. – 528 с.

59. *Кара-Мурза С.Г., Телегин С.А.* Царь-Холод. – М.: Эксмо, 2004. – 384 с.

60. *Карсавин Л.П.* Основы политики // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. – М.: Наука, 1993. – 369 с.

61. *Карсавин Л.П.* Философия истории. – СПб.: АО Комплект, 1993. – 510 с.

62. *Карсавин Л.П.* Церковь, личность и государство // Малые сочинения. – СПб.: Алетейя, 1994. – 430 с.

63. *Карташев В.А.* Система систем. Очерки общей теории и методологии. – М.: Прогресс-академия, 1995. – 416 с.

64. *Кетько С.М.* Роль социальных институтов в детерминации поведения личности: автореф. ... канд.филос.наук. – Челябинск: УГУ, 1996. – 20 с.

65. *Кирдина С.Г.* «Homo institutius» в теории институциональных матриц // «Homo institutius» – человек институциональный / под ред. д-ра экон. наук О.В. Иншакова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – С. 259–282.

66. *Кирдина С.Г.* Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. – 2004. – № 10. – С. 89–98.

67. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России / изд. 2-е перераб. и доп. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. – 307 с.

68. *Кирдина С.Г.* Модели экономики в теории институциональных матриц // Экономическая наука современной России. – 2007. – № 2 (37). – С. 34–51.

69. *Кирдина С.Г.* Экономическая эволюция как институциональная самоорганизация // Эволюционная теория: инновации и экономические изменения (VI-й Международный симпозиум по эволюционной экономике, г. Пущино, 23–24 сентября 2005 г.). – М.: Институт экономики РАН, 2005. – С. 59–70.

70. *Климов И.А.* Социологическая концепция Энтони Гидденса: док. HTML, url: http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj1-2-00klim.html

71. *Ковалев А.Д.* Формирование теории действия Толкотта Парсонса // История теоретической социологии: В 4-х т. Т.3. – М.: Канон, 1997. – С. 150–179.

72. *Кожинов В.В.* Наследники Победы. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2005. – 480 с.

73. *Кожинов В.В.* Правда против кривды (История Руси и русского слова). – М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. – 512 с.

74. *Кожинов В.В.* Правда сталинских репрессий. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. – 448 с.

75. *Кокс Х.* Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте / пер. с англ. О.Боровой и К.Туровской; под общ. ред. и с примеч. О.Боровой; послесл. С.Лёзова. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 263 с.

76. *Колесин И.Д.* Подходы к изучению социокультурных процессов // Социологические исследования. – 1999. – № 1. – С. 130–136.

77. *Кондаков И.В.* «Культурный промежуток» и «культурный поворот» (Вариации на темы Ю. Тынянова и Ю. Лотмана) // Общественные науки и современность. – 2008. – № 4. – С. 163–176.

78. *Корель Л.В.* Архитектоника адаптивных механизмов социальных систем: социологический дискурс // Регион: экономика и социология. – 2007. – № 1. – С. 169–185.

79. *Коровицина Н.В.* С Россией и без нее: Восточноевропейский путь развития. – М.: Эксмо, 2003. – 288 с.

80. *Кудрина С.А.* Ценностные приоритеты и их онтологические основания // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 37–46.

81. *Кузьмина Т.* Меняющаяся молодежь в меняющемся мире: невидимая повседневность // Социологические исследования. – 2008. – № 3. – С. 147–149.

АУК ОРТ БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

82. Культура «своя» и «чужая»: Мат-лы междунар. интернет-конф., 16 сент. – 16 нояб. 2002 г.: www.auditorium.ru / под ред. И.М. Быховской, О.И. Горяиновой. – М.: Фонд независимого радиовещания, 2003. – 256 с.

83. Культура города: традиции и современность: Мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. / Московский государственный открытый педагогический университет им. М.А. Шолохова. Стерлитамакский филиал. – Стерлитамак, 2006. – 133 с.

84. *Кусраев Б.Н.* Коммуникативная рациональность Ю. Хабермаса: дис. … канд. филос. наук: 09.00.13. – М., 2002.

85. *Лаптев А.А.* Математическое моделирование глобальных социальных процессов: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук: 05.13.18 / Тюменский гос. ун-т. – Тюмень, 2002. – 19 с.

86. *Лаптев А.А.* Математическое моделирование социальных процессов: док. HTML: режим доступа http://www.univer.omsk.su/MEP/diplap/dipl.htm#s3.5

87. *Лаптев А.А.* Построение математической модели общества // Естественные науки и экология: Ежегодник. Вып. 4: Межвузовский сборник научных трудов. – Омск: Издательство ОмГПУ, 1999. – С. 15–33.

88. *Леонтьев К.Н.* Храм и Церковь. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 636 с.

89. *Литвинова О.А.* Особенности социологии Н. Лумана (на примере предметной области права) // Социологические исследования. – 2007. – № 4. – С. 13–20.

90. *Лич Э.* Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов: К использованию структурного анализа в социальной антропологии. – М.: Восточная литература, 2001. – 142 с.

91. *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Миф. Число. Сущность. – М.: Мысль, 1994.

92. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек – Текст – Семиосфера – История / Тартуский университет. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.

93. *Лотман Ю.М.* Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб.: Искусство СПб., 2000. – 688 с.

94. *Лотман Ю.М.* Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Академический проект, 2002. – 544 с.

95. *Ляпунов А.М.* Общая задача об устойчивости движения. – М.; Л.: ГИТТЛ, 1950. – 472 с.

96. *Малинецкий Г.Г.* Нелинейная динамика – ключ к теоретической истории? // Общественные науки и современность. – 1996. – №4. – С. 105–112.

97. *Малков С.Ю., Кирдина С.Г.* Иерархия моделей мировой динамики: глобальные социально-экономические процессы // Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики / отв. ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий – М: Изд-во ЛКИ, 2009. – С. 249–261.

98. *Мальковская И.А.* Метаморфозы субъектности в современном мире // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 16–25.

99. *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. – М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография»; ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003. – 627 с.

100. *Манхейм К.* Избранное: Социология культуры. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – 501 с.

101. *Маркиянов О.А., Кошелева Н.В., Орлов А.И.* Социальное пространство профессионального развития личности / Чувашский гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары: Изд-во Чувашского гос. ун-та, 2006. – 188 с.

102. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 526 с.

103. *Маслоу Г.* Мотивация и личность / пер. с англ. – СПб.: Евразия, 1999. – 478 с.

104. *Матвеева Н.А.* Социальная инерция. К определению понятия // Социологические исследования. – 2004. – № 4. – С. 15–23.

105. *Менчикова Л.А.* Формирование ценностных ориентаций современной личности. – Уфа: ОН и РИО УЮИ МВД РФ, 2006. – 110 с.

106. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. – 873 с.

107. *Мертон Р.К.* Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). – М.: Прогресс, 1966. – С. 299–313.

108. *Мертон Р.К.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль / под ред. В.И. Добренькова. – М.: МУБиУ, 1996. – С. 393–461.

109. *Месарович М., Мако Д., Такахара М.* Теория иерархических многоуровневых систем. – М.: Мир, 1973. – 344 с.

110. Многообразие религиозного опыта и проблемы сакрализации и десакрализации власти в христианском и мусульманском мире: науч.

докл. Ч. 1: Власть, религия, культура в изменяющемся мире. Опыт философской рефлексии. – Саратов: Научная книга, 2005. – 192 с.

111. *Моска Г.* Правящий класс / пер. с англ. и примеч. Т.Н. Самсоновой // Социологические исследования. – 1994. – № 12. – С. 97–117.

112. *Натуральнова Н.Н.* Социальная утопия как моделирование коллективной идентичности: социально-философский анализ (на примере трактатов русских просветителей конца XVIII – начала XIX вв.): автореф. ... дис. канд. филос. наук: 09.00.11. Социальная философия. – Екатеринбург, 2003. – 19 с.

113. *Олпорт Г.* Становление личности: избранные труды / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.

114. *Осадчая Г.И.* Социальное знание и социальная практика / Московский гос. соц. ун-т. – М.: Академический проект, 2003. – 160 с.

115. *Осипов Г.А.* «Третье измерение» в социологии П.А. Сорокина: оценка нравственности современного общества // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2009. – № 4. – С. 67–79.

116. *Осипов Г.А.* Оценка нравственной составляющей социально-экономических отношений // Социологические исследования. – 2009. – № 5. – С. 121–126.

117. *Осипов Г.В.* Социология и социальное мифотворчество. – М.: НОРМА-Инфра, 2002. – 656 с.

118. *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Алгоритм, 2002. – 450 с.

119. *Панарин А.С.* Русская культура перед вызовом постмодернизма / РАН, Ин-т философии. – М.: ИФ РАН, 2005. – 188 с.

120. *Парсонс Т.* О структуре социального действия / изд. 2-е. – М.: Академический проект, 2002. – 880 с.

121. *Парсонс Т.* О социальных системах. – М.: Академический проект, 2002. – 832 с.

122. *Парсонс Т.* Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения: док. HTML, url: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/pars/pon_ob.php.

123. *Парсонс Т.* Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. – М., 1996. – С. 462–478.

124. *Пащенко В.Я.* Социальная философия евразийства. – М.: Альфа-М, 2003. – 368 с.

125. *Пелипенко А.А.* Культура как система. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 376 с.

126. *Плотников Н.С.* От «индивидуальности» к «идентичности» (история понятий персональности в русской культуре) // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 91. – С. 64–83.

127. *Подвойский Д.Г.* Антиномия «Россия – Запад» и проблема социокультурной самобытности. – М.: Изд-во РУДН, 2005. – 299 с.

128. *Поздяева С.М., Фролова И.В.* Социальная утопия: тип сознания, идеал и эксперимент. – Уфа: БашГУ, 1997. – 150 с.

129. *Полтавская Е.И.* О понятии «социальный институт» // Социологические исследования. – 2009. – № 3. – С. 68–71.

130. Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия: сб. ст. // Мировая культура на пороге XX века. – М.: МОНФ, 1999. – 220 с.

131. *Прангишвили И.В.* Системный подход и общесистемные закономерности. – М.: СИНТЕГ, 2000. – 528 с.

132. *Прангишвили И.В.* Энтропийные и другие системные закономерности: Вопросы управления сложными системами. – М.: Наука, 2003. – 428 с.

133. *Пропп В.Я.* Фольклор и действительность: избранные статьи. – М.: Наука, 1976. – 324 с.

134. *Пшегусова Г.С.* Социальная коммуникация: сущность, типология, способы организации коммуникативного пространства: автореф. ... д-ра филос. наук. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 2003. – 49 с.

135. *Рейнгольд Г.* Умная толпа: новая социальная революция / пер. с англ. А. Гарькавого. – М.: ФАИР ПРЕСС, 2006. – 416 с.

136. *Ромм М.В.* Адаптация личности в социуме: Теоретико-методологический аспект. – Новосибирск: Наука, 2002. – 275 с.

137. *Рорти А.* Царь Соломон и простолюдин: проблема согласования конфликтных моральных интуиций: док. HTML, url: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Ror_Solom.php.

138. *Рубцова М.В.* Управляемость: теоретико-социологический анализ понятий // Социологические исследования. – 2007. – № 12. – С. 32–38.

139. *Рукавишников В.О.* Межличностное доверие: измерение и межстрановые сравнения // Социологические исследования. – 2008. – № 2. – С. 17–25.

140. *Руткевич М.Н.* Социальная структура / РАН; Ин-т социально-политических исследований. – М.: Альфа, 2004. – 272 с.

141. *Рябова М.Э.* Иноязычие как фактор развития личности и общества // Общественные науки и современность. – 2008. – № 2. – С. 167–177.

142. *Садовский В.Н.* Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. – М.: Наука, 1974. – 279 с.

143. *Силичев Д.А.* Социальные последствия перехода от индустриализма и модерна к постиндустриализму и постмодерну // Вопросы философии. – 2005. – № 7. – С. 3–20.

144. *Сильверстов В.В.* Культура. Деятельность. Общение. – М.: РОССПЭН, 1998. – 478 с.

145. Современная американская социология / под ред. В.И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 296 с.

146. Современная российская цивилизация / ред. кол. А.Н. Аринин, Б.И. Коваль, С.И.Семенов; Ин-т фед. и гражд. об-ва. Кн. 1: Личность. Общество. Федерация. – М., 2000. – 235 с.

147. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ. В.В. Сапова. – М.: Изд. Русского христианского гуманитарного института, 2000. – 1056 с.

148. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

149. Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской эконом.-социол. школы / РАН, Сиб.отд., Ин-т экономики и организации промышленного производства. – Новосибирск: Наука, 1999. – 736 с.

150. Социальные проблемы устойчивого развития региона / под ред. Ф.С. Файзуллина. – Уфа: Гилем, 2005. – 316 с.

151. Социальные проблемы: конструкционистское прочтение: хрестоматия / сост. И.Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2007. – 276 с.

152. Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – 228 с.

153. Социология: Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с

154. *Султангалеев А.А.* Социальные и этнокультурные проблемы формирования личности. – Уфа: БашГУ, 1998. – 150 с.

155. *Султангалеев А.А.* Этносоциология личности (теория и практика). – Уфа: БашГУ, 2000. – 80 с.

156. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. – М.: Айрис-пресс, 2006. – 624 с.

157. *Тойнби А.* Постижение истории. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 1086 с.

158. *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество // Русский мир: Сборник. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 864 с.

159. *Турен А.* Социология без общества: пер. Н.В. Романовский // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 6–11.

160. *Уемов А.И.* Л. Фон Берталанфи и параметрическая общая теория систем // Системный подход в современной науке. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 37–52.

161. *Уемов А.И.* Системный подход и общая теория систем. – М.: Мысль, 1978. – 272 с.

162. *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т.1. Период I (до 527 г.). Период II (518–610 гг). – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2001. – 624 с.

163. *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т.5. Отдел VIII. Ласкари и Палеологи. – М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2002. – 560 с.

164. *Уткин А.И.* Новый мировой порядок. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. – 640 с.

165. *Файзуллин Ф.С., Бикташев С.С.* Социальная справедливость как принцип регулирования межнациональных отношений. – Уфа: Гилем, 2002. – 162 с.

166. *Файзуллин Ф.С., Марковчина А.В.* Социальная стратификация современного российского общества: ее критерии и тенденции: монография. – Уфа: РИО РУНМЦ МО РБ, 2007. – 132 с.

167. *Федотова В.Г.* Социальное конструирование приемлемого для жизни общества (К вопросу о методологии) // Вопросы философии. – 2003. – № 11. – С. 3–18.

168. *Федотова В.Г.* Хорошее общество. – М.: Прогресс-традиция, 2005.

169. *Фролова И. В.* Оправдание утопии: опыт социально-философской реконструкции. – Уфа : РИО БашГУ, 2004. – 268 с.

170. *Фромм Э.* Здоровое общество // Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. – М.: Юрист, 1995. – 623 с.

171. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого: Очерки политической теории / пер. с нем. Ю.С. Медведева; под ред. Д.А. Скляднева – М.: Наука, 2001. – 417 с.

172. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. – М.: Наука, 1992. – 176 с.

173. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем.; под ред. Д.В. Скляднева. – СПб.: Наука, 2000. – 379 с.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ БАШКОРТОСТАНА

174. *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 1993. – №4. – С. 43–63.

175. *Хурамшина А.З.* Образ жизни как фактор социализации личности: автореф. ... канд. соц. наук. – Казань: КГУ, 1999. – 21 с.

176. *Чернецов В.* Теоретико-методологические основы социологического анализа общественных систем и процессов // Социологические исследования. – 2003. – № 11. – С. 152–154.

177. *Четырова Л.Б.* Социальное конструирование труда. – Самара: Самарский ун-т, 2002. – 192 с.

178. *Шайхисламов Р.Б.* Социокультурная система и личность (теоретико-методологический анализ). – М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. – 177 с.

179. *Шацилло К.Ф.* От Портсмутского мира к Первой Мировой войне. Генералы и политика. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 399 с.

180. *Шеманов А.Ю.* Самоидентификация человека и культура: монография / Федеральное агентство по культуре и кинематографии; Российский ин-т культурологии. – М.: Академический проект, 2007. – 479 с.

181. *Шипилов А.В.* «Свои», «чужие» и другие. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 568 с.

182. *Шматко Н.А.* Анализ культурного производства Пьера Бурдье // Социологические исследования. – 2003. – № 8. – С. 113–120.

183. *Шюц А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.

184. *Щедровицкий Г.П.* Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок. – М.: Наука, 1981. – С. 193–227.

185. *Щербина В.В.* Социальные теории организации: словарь. – М.: Инфра-М, 2000. – 264 с.

186. *Элиаде М.* Аспекты мифа / пер. с фр. – М.: Академический проект, 2000. – 222 с.

187. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении / пер. с фр. – СПб.: Алетейя, 1998. – 222 с.

188. Энциклопедический социологический словарь / под ред. Г.В. Осипова. – М.: ИСПИ РАН, 1995. – 939 с.

189. *Яницкий М.С.* Ценностные ориентации личности как динамическая система. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. – 204 с.

190. *Desfor L.* Cultural Sociology in Practice. – London: Blackwell Publishing Company, 2002.

191. *Parsons T.* The Present Position and Prospects of Systematic theory in sociology // American sociological Review. – 1949. – Vol.13. – P. 164–168.

192. The Theory of Social Action / Ed. by R. Grathoff. Bloomington: Indiana University Press, 1978. – 147 p.

193. Theory of Culture. Ed.: R.Munch, Smelser, Neil J. Berkeley: University of California Press, 1992.

Оглавление

Введение 3

Глава 1. Социальная система: сущность и устойчивость 9

Глава 2. Культурные основания устойчивости социальных систем 37

Глава 3. Структура и динамика устойчивых социальных систем 58

Глава 4. Обеспечение устойчивости социальных систем 85

Заключение. 117

Литература 121

БАШКОРТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫ
БАШКИРСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Для заметок

Научное издание

Демичев Илья Валерьевич

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

Редактор *Е.Р. Малая*
Технический редактор *Д.Н. Махмутова*
Компьютерная верстка *Е.Т. Хомяковой*

Подписано в печать 07.08.2017. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офисная «Снегурочка».
Гарнитура «Таймс». Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 7,91. Уч.-изд. л. 7,20.
Тираж 100 экз. Заказ № 32.

ГАУН РБ «Башкирская энциклопедия».
450006, г. Уфа, ул. Революционная, 55. Тел.: (347) 250-06-72.
gilem@bashenc.ru

Отпечатано в типографии ГАУН РБ «Башкирская энциклопедия».
450006, г. Уфа, ул. Революционная, 55.